https://modernrsp.ru

Сетевой научный журнал

Modern Research and Scientific Practice

现代研究与科学实践

Современные исследования и научная практика

№ 1 / 2026

Главный редактор журнала:
Мусийчук Мария Владимировна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Психологии», Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Россия, Магнитогорск.

Заместитель главного редактора: Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация.

Члены редакционной коллегии:

Блохина Наталья Александровна, доктор философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, Россия, Рязань.

Гришечкина Наталья Васильевна, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, Россия, Саратов.

Джохадзе Игорь Давидович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Россия, Москва.

Дьяченко Ольга Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, Курский государственный университет, Россия, Курск.

Ерохина Павла Владимировна, кандидат философских наук, преподаватель кафедры «Философия и культурология», Сибирский государственный университет путей сообщения, Россия, Новосибирск.

Жукова Евгения Михайловна, кандидат философских наук, преподаватель, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина, Россия, Москва.

Загирняк Михаил Юрьевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, Калининград.

Иванова Анна Игоревна, кандидат философских наук, ассистент кафедры философии факультета Философии и социологии, Курский государственный университет, Россия, Курск.

Майкова Олеся Александровна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Международный юридический институт, Россия, Москва.

Пелевин Сергей Игоревич, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры основ российской государственности, Армавирский государственный педагогический университет, Россия, Армавир.

Пеннер Регина Владимировна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Россия, Челябинск.

Скибина Виктория Владимировна, кандидат философских наук, кафедра истории зарубежной философии, Российский государственный гуманитарный университет, Россия, Москва.

Тимофеев Александр Вадимович, доктор философских наук, профессор кафедры информационных систем и технологий, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, Россия, Самара.

Устинов Олег Александрович, доктор философских наук, руководитель литературно-драматической части, Культурно-просветительский центр "Дубрава" имени протоиерея Александра Меня, Россия, Сергиев Посад.

Шматько Александр Александрович, доктор философских наук, доцент кафедры философии и мировых религий, Донской государственный технический университет, Россия, Батайск.

Эзри Григорий Константинович, кандидат философских наук, старший преподаватель, Благовещенский государственный педагогический университет, Россия, Благовещенск.

Учредитель и издатель:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая Народная Республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул. Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: https://modernrsp.ru/

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-92138 выдан 25.08.2026 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва

© Modern Research and Scientific Practice, 2026 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

5.7.2. «История философии (философские науки)»

5.7.7. «Социальная и политическая философия (философские науки)»

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по

существу исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «Modern Research and Scientific Practice» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту APA)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования. Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Modern Research and Scientific Practice» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Editorial Board:

Blokhina Natalia Aleksandrovna, Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan, Russia.

Grishechkina Natalia Vasilevna, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Humanities and Psychology, V.I. Razumovsky Saratov State Medical University, Saratov, Russia.

Dzhokhadze Igor Davidovich, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Diachenko Olga Nikolaevna, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Kursk State University, Kursk, Russia.

Erokhina Pavla Vladimirovna, PhD in Philosophy, Lecturer of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia.

Zhukova Evgeniia Mikhailovna, PhD in Philosophy, Lecturer, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), Moscow, Russia.

Zagirniak Mikhail Iurevich, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

Ivanova Anna Igorevna, PhD in Philosophy, Assistant of the Department of Philosophy, Faculty of Philosophy and Sociology, Kursk State University, Kursk, Russia.

Maikova Olesia Aleksandrovna, PhD in Philosophy, Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines, International Law Institute, Moscow, Russia.

Pelevin Sergei Igorevich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foundations of Russian Statehood, Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia.

Penner Regina Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.

Skibina Viktoriia Vladimirovna, PhD in Philosophy, Department of History of Foreign Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Timofeev Aleksandr Vadimovich, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Information Systems and Technologies, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia.

Ustinov Oleg Aleksandrovich, Doctor of Philosophy, Head of the Literary and Drama Department, Dubrava Cultural and Educational Center named after Archpriest Alexander Men, Sergiev Posad, Russia.

Shmatko Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and World Religions, Don State Technical University, Bataysk, Russia.

Ezri Grigorii Konstantinovich, PhD in Philosophy, Senior Lecturer, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia.

Founder and publisher:
LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"
Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.
INN: 9303040432
KPP: 930301001
OGRN: 1259300002103
Phone: +7 (909)679-60-04
Website: https://modernrsp.ru/

Media registration number: El No. FS77-92138 Issued on 25.08.2026 by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor)

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.
Publisher's address: Moscow

© Modern Research and Scientific Practice, 2026 г.
The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:
5.7.2. "History of Philosophy (Philosophical Sciences)"
5.7.7. "Social and Political Philosophy (Philosophical Sciences)"

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal "Modern Research and Scientific Practice" publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using published journal materials, a link to "Modern Research and Scientific Practice" is required.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors 'point of view does not always coincide with the authors' point of view.

ОГЛАВЛЕНИЕ

5.7.2. История философии 9

Цепенщиков В.А. ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ЭЙДОСА В СРЕДНИХ ДИАЛОГАХ ПЛАТОНА 9

Шамин С.А. ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЦИИ В ПОЗДНЕЙ СХОЛАСТИКЕ: ФОМА АКВИНСКИЙ И ДУНС СКОТ 27

Сюсюкин В.А. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕЦЕПЦИИ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ В КИТАЕ В XXI ВЕКЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ 42

5.7.7. Социальная и политическая философия 59

Шаровара К.А. ГРАНИЦЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ЧЕСТНОСТИ: ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ, ИНСТИТУТ СЕМЬИ И РЕАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В КРИТИКЕ ТЕОРИИ ДЖОНА РОЛЗА 59

Насибулина А.С. КОНСЕНСУС И КОНФЛИКТ КАК ОСНОВАНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ: ДЕЛИБЕРАТИВНАЯ И АГОНИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ 85

Кочарский Л.С. ВОЗМОЖЕН ЛИ УНИВЕРСАЛИЗМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА БЕЗ ЕДИНОГО МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ОСНОВАНИЯ? СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ФИЛОСОФСКОГО ОБОСНОВАНИЯ 112

Сабитова А.Р. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ СУВЕРЕНИТЕТА: ОТ ВЕРХОВНОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ВЛАСТИ К РАСПРЕДЕЛЁННЫМ ФОРМАМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ 134

Хохлова А.П. СООБЩЕСТВО БЕЗ ОБЩЕЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: НАНСИ, АГАМБЕН И ЭСПОЗИТО О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ ОБЩЕГО 157

5.7.2. История философии

Научная статья
УДК 1(091):141.111

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ЭЙДОСА В СРЕДНИХ ДИАЛОГАХ ПЛАТОНА

Цепенщиков Владимир Александрович, кандидат философских наук,
Военный университет радиоэлектроники, Россия, Череповец,
v.tsepenshchikov@inbox.ru

Аннотация. В статье исследуется генезис и трансформация онтологического статуса эйдоса в диалогах Платона среднего периода. На основе детального филологического анализа текстов «Федона», «Пира», «Государства» и «Федра», а также с опорой на методологию Тюбингенской школы, автор реконструирует эволюцию платоновской теории идей не как линейного догматического процесса, а как сложного диалектического становления. Особое внимание уделяется качественному сдвигу: переходу эйдоса от логико-лингвистической функции, служившей для преодоления софистических апорий, к фундаментальной метафизической субстанции, выступающей истинной причиной бытия и условием возможности познания. В работе анализируется строгая иерархия идей, венчаемая Идеей Блага, которая в «Государстве» наделяется функцией трансцендентного принципа, объединяющего бытие и мышление. С привлечением свидетельств Аристотеля о неписаных учениях и концепции «помощи логосу» из «Федра» обосновывается тезис о том, что письменная фиксация теории идей в средних диалогах носит исключительно пропедевтический характер. Платон намеренно оставляет свои онтологические конструкции незавершенными, направляя подготовленного читателя к живой устной диалектике и высшим неписаным началам. Сделан вывод, что теория эйдоса представляет собой открытую, развивающуюся систему философского поиска, а не застывшую метафизическую догму, что позволяет адекватно

разрешить традиционные противоречия в интерпретации платоновского наследия и объяснить кризисные явления позднего периода.

Ключевые слова: Платон; теория идей; эйдос; онтология; диалоги среднего периода; Тюбингенская школа; неписаные учения; диалектика; Идея Блага.

Original article

MIDDLE DIALOGUES THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF EIDOS IN PLATO'S

Tsepenshchikov Vladimir Aleksandrovich, Candidate of Philosophical Sciences, Military University of Radio Electronics, Cherepovets, Russia, v.tsepenshchikov@inbox.ru

Annotation. This article examines the genesis and transformation of the ontological status of eidos in Plato's dialogues of the middle period. Based on a detailed philological analysis of the texts of Phaedo, Symposium, Republic, and Phaedrus, and drawing on the methodology of the Tübingen school, the author reconstructs the evolution of Plato's theory of ideas not as a linear dogmatic process, but as a complex dialectical development. Particular attention is paid to a qualitative shift: the transition of eidos from a logical-linguistic function, serving to overcome sophistic aporias, to a fundamental metaphysical substance, serving as the true cause of being and the condition for the possibility of knowledge. The work analyzes the strict hierarchy of ideas, culminating in the Idea of the Good, which in the Republic is endowed with the function of a transcendent principle uniting being and thought. Drawing on Aristotle's evidence for unwritten teachings and the concept of "aid to the logos" from the Phaedrus, the thesis is substantiated that the written record of the theory of ideas in the middle dialogues is purely propaedeutic. Plato intentionally leaves his ontological constructs unfinished, directing the prepared reader to a living oral dialectic and higher unwritten principles. It is concluded that the theory of eidos represents an open,

evolving system of philosophical inquiry, rather than a rigid metaphysical dogma, which allows for an adequate resolution of traditional contradictions in the interpretation of Plato's legacy and an explanation for the crises of the late period.

Keywords: Plato; theory of ideas; eidos; ontology; dialogues of the middle period; Tübingen School; unwritten teachings; dialectics; Idea of Good.

Введение. Проблема становления учения об идеях в корпусе платоновских диалогов остается одним из наиболее дискуссионных вопросов в истории античной философии. Традиционный подход нередко рассматривает теорию эйдосов как внезапный метафизический прорыв [1], [2], однако в современных исследованиях этот процесс всё чаще рассматривается как длительная внутренняя эволюция философской мысли [3-5]. Генезис концепции эйдоса нельзя сводить к простому догматическому утверждению; он представляет собой сложный, многоступенчатый ответ на методологические трудности, возникшие в рамках ранней сократической философии. Понимание этой трансформации требует внимательного филологического и философского анализа того, как меняется статус универсалий от ранних текстов к зрелым, где эйдос приобретает самостоятельный онтологический статус и становится основанием платоновской метафизики.

В ранних диалогах, таких как «*Евтифрон*» или «*Лахет*», поиски определения добродетели (*ti esti*) носят преимущественно этический и методологический характер [6]. Сократический эленхос направлен на выявление противоречий в обыденных мнениях и установление устойчивых понятийных границ. На этом этапе универсалии еще не отделяются от чувственного мира в качестве самостоятельных сущностей. Платон фиксирует саму насущную потребность в общем определении, но не наделяет это общее независимым бытием. Философская рефлексия здесь сосредоточена на человеческой душе и ее способности к разумному суждению, тогда как онтологическое обоснование самих предметов познания остается незавершенным [7]. В диалогах отражен

поиск критериев истинного знания, который еще не получил окончательного метафизического обоснования и остается в рамках практической этики [8].

Существенный сдвиг в развитии платоновской мысли наблюдается в период, который исследователи условно обозначают как переходный, где ярко проявляются черты как сократического наследия, так и зарождающейся метафизики. В «Меноне» и «Федоне» гипотеза об идеях выдвигается как необходимое условие возможности самого познания и существования устойчивых нравственных ценностей [9]. Чтобы спасти сократические определения от релятивизма софистов, Платон вынужден предположить существование неизменных образцов, превосходящих изменчивый мир вещей. Эйдос перестает быть лишь логической предпосылкой определения и начинает претендовать на роль онтологической причины [10]. Этот переход не происходит мгновенно; он отражает глубокую внутреннюю работу мыслителя, который осознает, что без признания самостоятельного бытия сущностей этический интеллектуализм Сократа лишается прочного фундамента и рискует раствориться в потоке изменчивых мнений [11].

При анализе зрелых диалогов среднего периода, в первую очередь «*Государства*» и «*Федра*», необходимо учитывать специфику платоновской стратегии изложения. Как справедливо указывается в современных исследованиях, посвященных письменности философии у Платона, диалогическая форма не служит нейтральным способом изложения готовой доктрины. Письменный текст выступает здесь скорее как образ живой диалектической речи, требующий постоянного философского сопровождения. Платон намеренно оставляет в диалогах указания на необходимость дальнейшего углубления и обоснования выдвинутых положений. Философ, обладающий подлинным знанием, всегда готов прийти на помощь своему логосу (*boethein*), раскрыть те более ценные основания (*timiōtera*), которые не могли быть полностью и адекватно зафиксированы на письме [12-14]. Следовательно, трансформацию концепции эйдоса в средних диалогах следует рассматривать

как указание на существование более глубокого устного уровня философствования, на котором первые принципы получают окончательное обоснование в живом диалоге.

Исходя из этого, гипотеза о внутреннем развитии концепции эйдоса приобретает новую содержательную глубину. Эволюция от сократического поиска определений к зрелой онтологии идей отражает не просто смену философских интересов, но и постепенное осознание пределов письменной фиксации истины. Платон выстраивает строгую иерархию бытия, в которой эйдос занимает центральное место, однако он же настойчиво напоминает о том, что подлинное постижение этих сущностей требует активного диалогического усилия и личной вовлеченности познающего субъекта [15]. Настоящее исследование опирается на этот комплексный подход, рассматривая генезис теории идей как органичный процесс, в котором методологические поиски раннего периода трансформируются в развитую онтологическую систему, сохраняющую при этом принципиальную открытость к дальнейшему диалектическому раскрытию.

Обзор литературы. Историография платоновского учения об идеях традиционно развивается в рамках полемики между генетическим подходом, предполагающим поступательную эволюцию мысли философа [16], и унитаристским, усматривающим в корпусе диалогов единую, заранее заданную систему [17]. Филологическим фундаментом для большинства современных исследований остается критическое издание Дж. Бернета, которое обеспечивает надежную текстологическую базу для анализа греческих оригиналов [18-20]. Однако сам по себе текстологический аппарат не снимает герменевтических трудностей, связанных с интерпретацией онтологического статуса *εἶδος* и *ἰδέα*.

Значительный сдвиг в понимании этой проблемы произошел благодаря трудам Тюбингенской школы (Г.Й. Кремер, К. Гайзер, Т.А. Шлецак). Как убедительно демонстрирует Т.А. Шлецак в своей монографии «Платон и письменность философии», знаменитая «критика письма» в финале «*Федра*»

(274b-278e) не представляет собой позднюю рефлексию уставшего автора. Напротив, это руководящий принцип всего платоновского письма. Диалог выступает лишь «образом» (*εἴδωλον*) живой устной речи, заведомо неполным и требующим философского «помощничества» (*βοηθεῖν*). Автор, обладающий подлинным знанием, всегда готов подкрепить написанное «более ценными основаниями» (*τιμιώτερα*), которые остаются за рамками текста [21]. Этот тезис существенно меняет подход к исследованию: вместо поиска в средних диалогах исчерпывающей догмы предлагается рассматривать их как намеренно незавершенные конструкции, отсылающие к более глубоким неписаным принципам (*ἄγραφα δόγματα*).

Внешним, хотя и критически настроенным, свидетельством формирования теории идей служат показания Аристотеля. В «Метафизике» (A 6, 987a–b; M 3–9) Стагирит фиксирует момент, когда Сократические поиски универсальных определений обрели самостоятельное бытие, отделившись (*χωρισμός*) от чувственных вещей [22]. Аристотель также указывает на введение «математических промежуточных сущностей», что свидетельствует о сложности онтологической иерархии, которую Платон выстраивал в устных беседах Академии. Опираясь на эти свидетельства, современная исследовательская практика стремится преодолеть разрыв между текстом диалогов и сообщаемой Аристотелем метафизической системой.

Материалы и методы исследования. Эмпирическую базу исследования составил корпус текстов, традиционно относимых к среднему периоду творчества Платона: «*Федон*», «*Пир*», «*Государство*» и «*Федр*». Выбор этого корпуса обусловлен тем, что именно в этих сочинениях эйдос претерпевает качественную трансформацию: из логико-лингвистического инструмента, служащего для опровержения софистических апорий, он превращается в фундаментальную онтологическую субстанцию. При этом методология исследования сознательно отказывается от априорного допущения линейной эволюции. Вместо построения линейной причинно-следственной схемы

применяется метод историко-философской реконструкции [23].

Анализ опирается на детальную филологическую экспликацию греческих терминов (таблица 1). Понятия *εἶδος* (вид, облик) и *ἰδέα* (то, что видно, образ) рассматриваются не как абстрактные „идеи“ в современном смысле, а как онтологические образцы, обладающие причинной силой (*αἰτία*). Методологический аппарат включает элементы аналитической интерпретации для прояснения логической структуры аргументов Платона, а также герменевтический принцип, сформулированный Шлецаком: чтение диалога как драматической ситуации, в которой Сократ намеренно утаивает или лишь намекает на высшие основания (*τιμιώτερα*), адаптируя свое учение к уровню собеседника [24].

Таблица 1 - Терминологические сдвиги в концепции эйдоса в диалогах среднего периода (на основе издания J. Burnet)

Диалог	Ключевой термин	Онтологическая функция	Статус по отношению к чувственному миру
Федон (74a–75d, 100c)	αὐτὸ τὸ ὅ ἐστιν (само то, что есть)	Αἰτία (причина) бытия и познания; основа «безопасного ответа».	Радикальное отделение (χωρισμός); чувственные вещи лишь «причастны» или «подражают» эйдосу.
Пир (210e–211b)	ἰδέα (в единственном числе)	Абсолютный, неизменный первообраз красоты, не зависящий от времени и места.	Иерархическое превосходство; чувственная красота есть лишь первая ступень восхождения.
Государство (507b–509b)	ἡ τοῦ ἀγαθοῦ ἰδέα	Принцип единства бытия и познания; источник сущности (οὐσία) других идей.	«По ту сторону сущности» (ἐπέκεινα τῆς οὐσίας); предельная онтологическая основа.
Федр (247c–e, 278c)	ἡ οὐσία ὄντως οὖσα (истинно сущее)	Объект созерцания души до ее воплощения; то, ради чего ведется устная диалектика.	Письменное изложение об идеях признается лишь «игрой» (παιδιά) по сравнению с устным знанием.

Источник: составлено автором.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ «Федона» обнаруживает первый этап онтологизации эйдоса. В знаменитом пассаже о «причинах» (100c–105c) Платон формулирует так называемый «безопасный ответ» (*ἀσφαλὴς ἀπόκρισις*). Вещь является прекрасной не из-за своих физических

свойств, а исключительно благодаря присутствию в ней «самого прекрасного» (*αὐτὸ τὸ καλόν*). Здесь эйдос выступает как единственная подлинная αἰτία. Важнейшей проблемой этого диалога становится самопредикация: утверждение, что «само прекрасное прекрасно». Платон проводит строгую границу между способом бытия эйдоса и способом бытия чувственных вещей. Эйдос прекрасен сам по себе, тождественен себе и неизменен, тогда как чувственные предметы прекрасны лишь относительно и противоречиво. На данном этапе теория успешно решает задачу обоснования возможности достоверного познания, однако жесткий дуализм и механистическое понимание «причастности» (*μέθεξις*) создают внутренние трудности этой концепции, которые позднее становятся предметом критики в «Парменида».

В «Государстве» и «Пире» концепция претерпевает существенное усложнение. Эйдос перестает быть просто набором разрозненных совершенных образцов. Вводится принцип иерархии, венцом которого становится Идея Блага (*ἡ τοῦ ἀγαθοῦ ἰδέα*). В метафоре Солнца (Resp. 508e) Благо наделяется двойственной функцией: оно дарует познаваемость объектам (как солнце дарует свет) и одновременно является причиной их бытия (как солнце питает рост). Знаменитая формула «по ту сторону сущности» (*ἐπέκεινα τῆς οὐσίας, 509b*) указывает на то, что Благо не является просто еще одним эйдосом в ряду прочих. Это трансцендентный принцип, объединяющий бытие и мышление. Метафора разделенной линии и миф о пещере служат не просто иллюстрациями, а средствами философской аргументации, направляющими читателя к пониманию того, что чувственный мир есть лишь тень онтологической реальности, а подлинная философия требует восхождения к первым началам (рисунок 1).

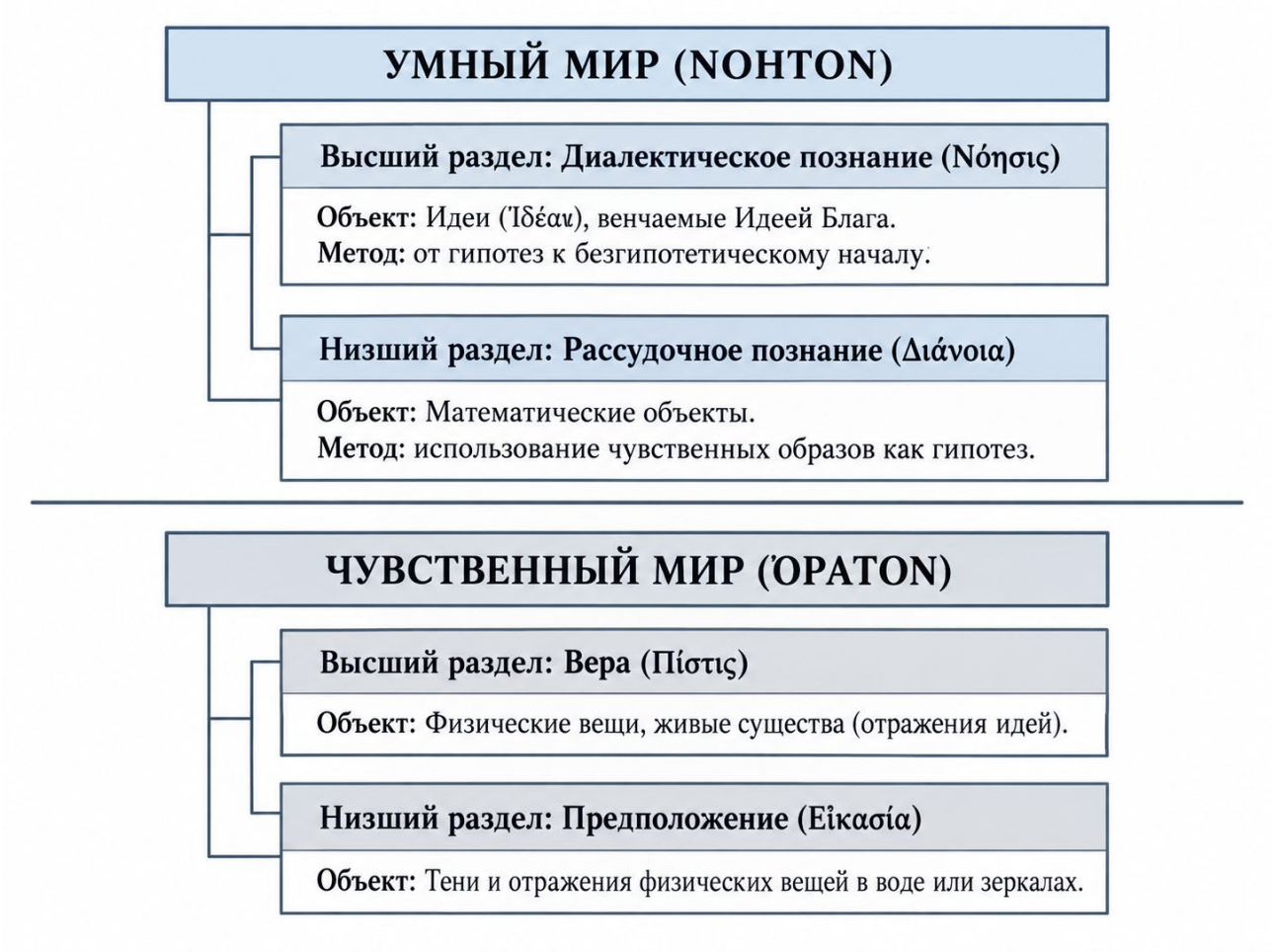

Рисунок 1 - Схема иерархии бытия и познания согласно метафоре разделенной линии («Государство», 509d–511e)

Данная структура наглядно демонстрирует, как Платон выстраивает онтологическую лестницу, где каждый нижний уровень получает свою реальность и познаваемость исключительно от уровня высшего.

Сравнительный анализ позволяет проследить трансформацию понятия от логической функции к метафизическому субстанциализму. В ранних диалогах требование дать определение (*τί ἐστι*) служило инструментом эленха. В среднем периоде это требование обретает онтологический вес: определение возможно только потому, что существует независимый от нас эйдос. Однако, обращаясь к «Федру», мы обнаруживаем важное ограничение этой субстанциализации. Согласно интерпретации Шлецака, противопоставляя письмо «ради игры» (*παιδιά*, 276d) серьезной устной диалектической работе с подготовленной душой (*σπουδή*, 276e), Платон указывает на пределы письменной фиксации теории идей.

Письменный текст не способен передать те «более ценные основания» (*τιμιώτερα*), которые обосновывают само существование эйдосов.

Эти основания, как следует из свидетельств Аристотеля о неписаных учениях, включали выведение идей из высших принципов — Единицы и Неопределенной Двоицы (таблица 2). Понимание этого факта снимает кажущееся противоречие между догматизмом средних диалогов и радикальной критикой теории идей в позднем «Парменида». Критика самопредикации и проблемы «третьего человека» в «Парменида» не означает отказа Платона от эйдосов. Скорее, это демонстрация того, что теория идей среднего периода, взятая изолированно, без опоры на высшие неписаные принципы, ведет к неразрешимым апориям. Платон намеренно оставляет эти проблемные места в своих письменных трудах, чтобы побудить ученика к самостоятельной диалектической работе [25].

Таблица 2 - Соотнесение критических замечаний Аристотеля с проблемными зонами диалогов Платона

Критический тезис Аристотеля (Metaphysica)	Отражение в диалогах Платона	Онтологическая проблема, требующая «помощи» (βοηθεῖν)
Проблема отделения (χωρισμός): идеи существуют отдельно от вещей, что делает невозможным объяснение их связи (A 6, 987b).	«Федон» (100d): вещи становятся такими благодаря «присутствию» или «причастности» идее, без уточнения механизма.	Необходимость введения промежуточных онтологических звеньев или динамического принципа причастности, не сводимого к пространственной метафоре.
Аргумент «третьего человека»: если человек и идеи человека подобны, требуется третья идея для объяснения этого подобия, и так до бесконечности (M 4, 1079a).	Подразумевается в самопредикации «Федона» и «Пира» (прекрасное само по себе прекрасно).	Ошибка приписывания чувственных предикатов трансцендентным сущностям в том же самом смысле (гомонимия).
Введение математических промежуточных сущностей между идеями и чувственными вещами (A 6, 987b).	Метафора разделенной линии («Государство», 509d–511e), где дианойя занимает промежуточное положение.	Потребность в более дробной онтологической иерархии, которая не была полностью эксплицирована в ранних и средних диалогах.

Источник: разработано автором.

Таким образом, генезис и трансформация концепции эйдоса в среднем

периоде не представляют собой прямолинейного движения к застывшей догме. Это сложный процесс изменения онтологического статуса понятия, сопровождаемый внутренними трудностями. Платон сознательно использует письменный диалог как пропедевтический инструмент. Он выстраивает развернутую структуру мира идей в «Федоне» и «Государстве», но в «Федре» подчеркивает, что письменный текст требует устного обоснования высших начал, обеспечивающих онтологическую устойчивость эйдосов. Признание этой специфики платоновского письма позволяет преодолеть упрощенные трактовки и увидеть в теории идей не набор метафизических утверждений, а развивающуюся систему философского поиска.

Выводы. Подводя итоги проведенного исследования, следует констатировать, что онтологический статус эйдоса в платоновском корпусе нельзя сводить к статичной метафизической догме. Напротив, анализ текстов среднего периода выявляет динамичный процесс становления концепции, в котором логические поиски ранних диалогов обретают фундаментальное бытийное измерение. Платон не просто постулирует существование независимых сущностей, но и выстраивает сложную иерархию, где каждая ступень реальности получает свое оправдание через причастность к высшим началам. При этом сам способ изложения этой теории в письменной форме остается принципиально незавершенным, что требует от исследователя особой внимательности к структуре диалога как жанра.

Как демонстрирует обращение к финалу «Федра» в контексте интерпретаций Тюбингенской школы, письменная фиксация учения об идеях выполняет скорее пропедевтическую, нежели исчерпывающую функцию. Диалогическая форма выступает здесь своеобразным образом живой речи, который намеренно оставляет пространство для дальнейшего углубления. Философ, владеющий подлинным знанием, всегда готов прийти на помощь своему логосу, опираясь на более ценные основания, не подлежащие прямой текстовой фиксации. Именно эта установка объясняет, почему теория идей в

«Государстве» или «Федоне» не предлагает окончательных ответов на все возникающие апории, а скорее намечает вектор движения мысли к неписаным началам, таким как Единица и Неопределенная Двоица, о которых упоминает Аристотель.

Историческое значение этой концепции для последующей западной метафизики трудно переоценить, однако оно носит двойственный характер. С одной стороны, платоновское разделение бытия на чувственный мир и мир умопостигаемых образцов заложило основы европейской философской традиции. Эта модель предопределила поиски трансцендентных оснований реальности в античности, средневековье и Новом времени, задав саму проблематику соотношения единичного и общего. С другой стороны, рецепция платонизма часто сопровождалась утратой того диалектического напряжения, которое присуще оригинальным текстам. Последующие мыслители, от неоплатоников до представителей схоластики, нередко превращали гибкую и открытую платоновскую онтологию в жесткую догматическую систему. Они игнорировали предупреждения самого Платона о пределах письменного слова и необходимости устного диалектического усилия для постижения истины.

В этой связи критика теории идей, развернутая в позднем «Парменида», предстает не как свидетельство отказа мыслителя от собственных открытий, а как закономерный этап развития его мысли. Выявленные там логические трудности, такие как проблема самопредикации или знаменитый аргумент «третьего человека», лишь подчеркивают недостаточность изолированного рассмотрения эйдосов без опоры на высшие метафизические принципы. Платон сознательно обнажает эти уязвимые места в своих сочинениях. Он побуждает читателя к самостоятельному философскому поиску, который должен выйти за рамки зафиксированного на пергаменте текста и обратиться к живой практике диалога.

Таким образом, генезис и трансформация концепции эйдоса в диалогах среднего периода отражают глубокую рефлексию Платона над природой

философского знания и пределами его передачи. Теория идей предстает перед исследователем не как застывший набор метафизических утверждений, а как развивающаяся система, требующая постоянного диалектического осмысления. Понимание этого обстоятельства позволяет преодолеть упрощенные трактовки платоновского наследия. Это позволяет рассматривать его учение не как закрытую доктрину, а как открытую систему философского поиска, в которой письменный текст служит отправной точкой для обращения к исходным началам бытия.

Список литературы

1. Гагинский А.М. Идея блага у Платона и Хайдеггера // Философская мысль. 2023. № 11. С. 34–64. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.11.69032.
2. Ebrey D. Plato's Phaedo: Forms, Death, and the Philosophical Life. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 362 p. DOI: 10.1017/9781108787475.
3. Leigh F. The Status and Power of the Good in Plato’s Republic // British Journal for the History of Philosophy. 2023. Vol. 31, No. 6. P. 1269–1278. DOI: 10.1080/09608788.2023.2180483.
4. Waterfield R. The Middle Dialogues // Plato of Athens: A Life in Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2023. P. 158–177. DOI: 10.1093/oso/9780197564752.003.0006.
5. Протопопова И.А. Антиэтика Сократа: Платон versus Аристотель // ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция. 2023. Т. 17, № 1. С. 351–360. DOI: 10.25205/1995-4328-2023-17-1-351-360.
6. Matthews G.B. Why Plato Lost Interest in the Socratic Method / ed. S.M. Cohen. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. 119 p. DOI: 10.1007/978-3-031-13690-0.
7. Matthews G.B. Forms Left Unanalyzed: Phaedo // Why Plato Lost Interest in the Socratic Method. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. P. 69–78. DOI: 10.1007/978-3-031-13690-0_7.
8. Афонасин Е.В. «Другая земля». Орфический мотив небесного путешествия в античной философии // ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая

традиция. 2023. Т. 17, № 2. С. 1072–1083. DOI: 10.25205/1995-4328-2023-17-2-1072-1083.

9. Schofield M. How Plato Writes: Perspectives and Problems. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 320 p. DOI: 10.1017/9781108672603.

10. Wesselinoff C. Apophatic Beauty in the Hippias Major and the Symposium // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. 2024. Vol. 82, No. 1. P. 36–44. DOI: 10.1093/jaac/kpad063.

11. Sedley D. Are Platonic Forms Concepts? // Betegh G., Tsouna V. (eds.). Conceptualising Concepts in Greek Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 74–95. DOI: 10.1017/9781009369596.007.

12. Brown L. Do Forms Play the Role of Concepts in Late Plato? // Conceptualising Concepts in Greek Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 96–118. DOI: 10.1017/9781009369596.008.

13. Warren J. Early Learning in Plato, Republic 7 // Conceptualising Concepts in Greek Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 56–73. DOI: 10.1017/9781009369596.006.

14. Dendrinos M. Categorizing Concept Predications and Participations in Platonic Dialogues: An Exhaustive Analysis of the Various Types of Participation of Things and Ideas in Ideas Throughout the Platonic Work // Plato Journal. 2024. Vol. 25. P. 25–43. DOI: 10.14195/2183-4105_25_2.

15. Gkatzaras T. The Distinction Between Knowledge and Opinion in Rep. 477c1–478a6 // Plato Journal. 2024. Vol. 25. P. 67–77. DOI: 10.14195/2183-4105_25_5.

16. Bickford S. Logos, Inspiration, and Self-Motion in Plato’s Phaedrus // Plato Journal. 2024. Vol. 25. P. 7–23. DOI: 10.14195/2183-4105_25_1.

17. Тихонов А.В. Метареализм Платона как учение о бытии, усматриваемое в «диалектике» «Парменида» // ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция. 2024. Т. 18, № 1. С. 239–251. DOI: 10.25205/1995-4328-2024-18-1-239-251.

18. Shields C. Fractured Goodness: Aristotle’s Response to Plato’s Form of the Good.

Oxford: Oxford University Press, 2024. DOI: 10.1093/9780198915720.001.0001.

19. Press G.A., Duque M. (eds.). The Bloomsbury Handbook of Plato. 2nd ed. London; New York: Bloomsbury Academic, 2024. 544 p.

20. Zali A.G.G. From chorismos to epekeina tes ousias: Mathematics and Hermeneutics in Plato's Philosophy // Plato Journal. 2025. Vol. 26. P. 51–68. DOI: 10.14195/2183-4105_26_3.

21. Ramón Cámara B. Plato's Question "Why?": An Analysis of Resp. 509b–c through Tim. 29d–30a // Problemos. 2025. Vol. 108. P. 8–21. DOI: 10.15388/Problemos.2025.108.1.

22. Dillon J. Platonism and the Natural World: How Far Do Plato or Later Platonists Appreciate the Beauties of Nature? // ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition. 2025. Vol. 19, No. 1. P. 8–18. DOI: 10.25205/1995-4328-2025-19-1-8-18.

23. Протопопова И.А. Герменевтика Хайдеггера как «антиплатонизм»: интерпретация аллегории пещеры // ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция. 2025. Т. 19, № 1. С. 395–416. DOI: 10.25205/1995-4328-2025-19-1-395-416.

24. Gutiérrez R. Justice, Koinonia and Unity: Phaedo, Republic and Parmenides // Plato Journal. 2026. Vol. 27. P. 7–26. DOI: 10.14195/2183-4105_27_1.

25. Bailey D.T.J. Plato's Phaedo: A Guide. Oxford: Oxford University Press, 2026. DOI: 10.1093/9780197667835.001.0001.

References

1. Gaginskij A.M. Ideya blaga u Platona i Xajdeggera // Filosofskaya my`sl`. 2023. № 11. S. 34–64. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.11.69032.

2. Ebrey D. Plato's Phaedo: Forms, Death, and the Philosophical Life. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 362 p. DOI: 10.1017/9781108787475.

3. Leigh F. The Status and Power of the Good in Plato's Republic // British Journal for the History of Philosophy. 2023. Vol. 31, No. 6. P. 1269–1278. DOI: 10.1080/09608788.2023.2180483.

4. Waterfield R. The Middle Dialogues // Plato of Athens: A Life in Philosophy.

Oxford: Oxford University Press, 2023. P. 158–177. DOI: 10.1093/oso/9780197564752.003.0006.

5. Protopopova I.A. Antie`tika Sokrata: Platon versus Aristotel` // ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya tradiciya. 2023. T. 17, № 1. S. 351–360. DOI: 10.25205/1995-4328-2023-17-1-351-360.

6. Matthews G.B. Why Plato Lost Interest in the Socratic Method / ed. S.M. Cohen. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. 119 p. DOI: 10.1007/978-3-031-13690-0.

7. Matthews G.B. Forms Left Unanalyzed: Phaedo // Why Plato Lost Interest in the Socratic Method. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. P. 69–78. DOI: 10.1007/978-3-031-13690-0_7.

8. Afonasin E.V. «Drugaya zemlya». Orficheskij motiv nebesnogo puteshestviya v antichnoj filosofii // ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya tradiciya. 2023. T. 17, № 2. S. 1072–1083. DOI: 10.25205/1995-4328-2023-17-2-1072-1083.

9. Schofield M. How Plato Writes: Perspectives and Problems. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 320 p. DOI: 10.1017/9781108672603.

10. Wesselinoff C. Apophatic Beauty in the Hippias Major and the Symposium // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. 2024. Vol. 82, No. 1. P. 36–44. DOI: 10.1093/jaac/kpad063.

11. Sedley D. Are Platonic Forms Concepts? // Betegh G., Tsouna V. (eds.). Conceptualising Concepts in Greek Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 74–95. DOI: 10.1017/9781009369596.007.

12. Brown L. Do Forms Play the Role of Concepts in Late Plato? // Conceptualising Concepts in Greek Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 96–118. DOI: 10.1017/9781009369596.008.

13. Warren J. Early Learning in Plato, Republic 7 // Conceptualising Concepts in Greek Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 56–73. DOI: 10.1017/9781009369596.006.

14. Dendrinos M. Categorizing Concept Predications and Participations in Platonic Dialogues: An Exhaustive Analysis of the Various Types of Participation of Things

and Ideas in Ideas Throughout the Platonic Work // Plato Journal. 2024. Vol. 25. P. 25–43. DOI: 10.14195/2183-4105_25_2.

15. Gkatzaras T. The Distinction Between Knowledge and Opinion in Rep. 477c1–478a6 // Plato Journal. 2024. Vol. 25. P. 67–77. DOI: 10.14195/2183-4105_25_5.

16. Bickford S. Logos, Inspiration, and Self-Motion in Plato's Phaedrus // Plato Journal. 2024. Vol. 25. P. 7–23. DOI: 10.14195/2183-4105_25_1.

17. Tixonov A.V. Metarealizm Platona kak uchenie o by`tii, usmatrivaemoe v «dialektike» «Parmenida» // ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya tradiciya. 2024. T. 18, № 1. S. 239–251. DOI: 10.25205/1995-4328-2024-18-1-239-251.

18. Shields C. Fractured Goodness: Aristotle's Response to Plato's Form of the Good. Oxford: Oxford University Press, 2024. DOI: 10.1093/9780198915720.001.0001.

19. Press G.A., Duque M. (eds.). The Bloomsbury Handbook of Plato. 2nd ed. London; New York: Bloomsbury Academic, 2024. 544 p.

20. Zali A.G.G. From chorismos to epekeina tes ousias: Mathematics and Hermeneutics in Plato's Philosophy // Plato Journal. 2025. Vol. 26. P. 51–68. DOI: 10.14195/2183-4105_26_3.

21. Ramón Cámara B. Plato's Question "Why?": An Analysis of Resp. 509b–c through Tim. 29d–30a // Problemos. 2025. Vol. 108. P. 8–21. DOI: 10.15388/Problemos.2025.108.1.

22. Dillon J. Platonism and the Natural World: How Far Do Plato or Later Platonists Appreciate the Beauties of Nature? // ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition. 2025. Vol. 19, No. 1. P. 8–18. DOI: 10.25205/1995-4328-2025-19-1-8-18.

23. Protopopova I.A. Germenevtika Xajdeggera kak «antiplatonizm»: interpretaciya allegorii peshhery` // ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya tradiciya. 2025. T. 19, № 1. S. 395–416. DOI: 10.25205/1995-4328-2025-19-1-395-416.

24. Gutiérrez R. Justice, Koinonia and Unity: Phaedo, Republic and Parmenides // Plato Journal. 2026. Vol. 27. P. 7–26. DOI: 10.14195/2183-4105_27_1.

25. Bailey D.T.J. Plato's Phaedo: A Guide. Oxford: Oxford University Press, 2026.

DOI: 10.1093/9780197667835.001.0001.

Статья поступила в редакцию 17.06.2026; одобрена после рецензирования 23.07.2026; принята к публикации 01.10.2026.

The article was submitted 17.06.2026; approved after reviewing 23.07.2026; accepted for publication 01.10.2026.

Научная статья
УДК 1(091)

ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЦИИ В ПОЗДНЕЙ СХОЛАСТИКЕ: ФОМА АКВИНСКИЙ И ДУНС СКОТ

Шамин Сергей Анатольевич, кандидат философских наук, ассистент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Россия, Великий Новгород, shamin_s@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена реконструкции онтологических оснований проблемы индивидуации в метафизике высокой и поздней схоластики. В центре внимания находится концептуальное противостояние между томистским учением о материи, обозначенной количеством (*materia signata quantitate*), и скотистской теорией «вот-этости» (*haecceitas*). Методологическую базу исследования составляет аналитическая реконструкция латинских первоисточников, включая «Сумму теологии» и трактат «О сущем и сущности» Фомы Аквинского, а также «Оксфордский комментарий» и «Вопросы к Метафизике» Иоанна Дунса Скота.

В ходе анализа выявлено, что Фома Аквинский рассматривал индивидуальность преимущественно как негативное следствие материального ограничения, где количественные параметры выступают единственным способом умножения индивидов внутри вида. В противовес этому, Дунс Скот обосновал позитивный онтологический статус единичного, введя понятие формального различия со стороны вещи (*distinctio formalis a parte rei*). Данный концептуальный ход позволил францисканскому мыслителю утверждать реальность индивидуальной сущности без нарушения внутреннего единства субстанции.

Установлено, что отказ от классической гилеморфистской парадигмы в пользу онтологии сингулярного создал необходимые предпосылки для последующего формирования радикального номинализма Уильяма Оккама.

Результаты исследования показывают, что средневековая дискуссия о принципах единичности предопределила формирование новоевропейского понимания субъектности и метафизики индивидуального бытия.

Ключевые слова: проблема индивидуации, поздняя схоластика, Фома Аквинский, Иоанн Дунс Скот, materia signata quantitate, haecceitas, формальное различие, онтология единичного, номинализм.

Original article

THE PROBLEM OF INDIVIDUATION IN LATE SCHOLASTICISM: THOMAS AQUINAS AND DUNS SCOTUS

Shamin Sergei Anatolevich, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia, shamin_s@rambler.ru

Abstract. This article is devoted to reconstructing the ontological foundations of the problem of individuation in the metaphysics of high and late scholasticism. It focuses on the conceptual opposition between the Thomistic doctrine of matter designated by quantity (materia signata quantitate) and the Scotist theory of "this-ness" (haecceitas). The methodological basis of the study is an analytical reconstruction of Latin primary sources, including Thomas Aquinas's Summa Theologica and his treatise On Being and Essence, as well as Duns Scotus's Oxford Commentary and Questions on Metaphysics.

The analysis reveals that Thomas Aquinas viewed individuality primarily as a negative consequence of material limitation, where quantitative parameters serve as the only means of multiplying individuals within a species. In contrast, Duns Scotus substantiated the positive ontological status of the singular by introducing the concept of formal difference on the part of a thing (distinctio formalis a parte rei). This conceptual approach allowed the Franciscan thinker to affirm the reality of individual essence without violating the internal unity of substance.

It has been established that the rejection of the classical hylomorphic paradigm in favor of the ontology of the singular created the necessary preconditions for the subsequent development of William of Ockham's radical nominalism. The results of the study demonstrate how the medieval discussion of the principles of singularity directly predetermined the development of the modern European understanding of subjectivity and the metaphysics of individual existence.

Keywords: the problem of individuation, late scholasticism, Thomas Aquinas, John Duns Scotus, materia signata quantitate, haecceitas, formal difference, ontology of the singular, nominalism.

Актуальность и степень разработанности проблемы исследования. Интеллектуальная история Европы рубежа XIII–XIV веков свидетельствует о возрастании интереса к онтологическому статусу единичного сущего [1]. После того как аристотелевское наследие укоренилось в университетской среде латинского Запада, перед философами встал вопрос о том, каким образом общая родовая природа обретает конкретное, числовое бытие. Хорхе Грасиа в своих исследованиях отмечает, что средневековая постановка этой проблемы выходила далеко за рамки простого логического различения и затрагивала сами основания метафизики [2], [3]. Философам требовалось объяснить, почему Сократ является именно этим уникальным человеком, а не просто экземпляром человеческой природы, и что служит внутренним основанием его несообщаемости (*incommunicabilitas*) другому субъекту. Эта проблема, традиционно обозначаемая как проблема индивидуации (*principium individuationis*), стала одной из ключевых тем схоластических дискуссий эпохи высокой и поздней схоластики и выявила существенные расхождения в понимании субстанции, материи и формы [4], [5].

Фома Аквинский, синтезируя аристотелевский гилеморфизм с христианским креационизмом, предложил решение, которое на несколько десятилетий определило направление развития ортодоксальной метафизики. В

трактате «О сущем и сущности» и на страницах «Суммы теологии» Аквинат последовательно доказывает, что специфицирующим началом выступает форма, тогда как принципом умножения индивидов внутри одного вида служит материя. Однако не первоматерия (*materia prima*) как чистая потенциальность, лишенная всяких определений, способна выполнять эту функцию, поскольку она тождественна во всех телесных вещах. Фома вводит понятие «материи, обозначенной количеством» (*materia signata quantitate*). Именно конкретные пространственные измерения, присущие данному телесному индивиду, делают общую человеческую природу природой именно этого Сократа [6]. Следовательно, индивидуальность проистекает из материальных условий, а нематериальные сущности, такие как ангелы, по мысли Аквината, вообще не могут умножаться внутри вида: каждый ангел представляет собой отдельный вид, поскольку лишен материи, способной его индивидуализировать.

Следующее поколение схоластов подвергло томистскую систему критике, указав на ее метафизические уязвимости. Если индивидуальность всецело определяют внешние для сущности материальные параметры, то сам единичный предмет лишается собственного положительного онтологического основания. Мыслители францисканской традиции, и прежде всего Иоанн Дунс Скот, отказались признать материю подлинным источником несообщаемости бытия [7], [8]. Тонкий Доктор (*Doctor Subtilis*) аргументировал, что материя сама по себе есть сущее в акте, а значит, она тоже требует собственного индивидуализирующего начала [9]. Отождествлять принцип индивидуации с отсутствием формы или с одной лишь протяженностью означает, по мнению Скота, лишать единичную вещь ее внутренней завершенности и совершенства.

В противовес томистскому гилеморфизму Дунс Скот разрабатывает учение о «вот-этости» (*haecceitas*) - позитивной сущностной реальности, которая контракцирует общую природу до уровня конкретного индивида [10]. Ричард Кросс в своих детальных реконструкциях шотландского метафизического наследия подчеркивает, что Скот опирается на знаменитое «формальное

различие» (*distinctio formalis a parte rei*) [11]. Природа человека (*quidditas*) и его индивидуальное бытие не являются двумя разными вещами, но они и не тождественны абсолютно: формальная реальность haecceitas контракцирует специфическую природу, делая ее не просто «человеческой», а «сократовой». У Скота принцип индивидуации связывается не с материальной количественностью, а с формальным определением единичного. Единичное существо обладает собственной уникальной сущностью (*essentia individualis*), которая столь же реальна и постижима для интеллекта, как и общая родовая природа, хотя и познается нами в последнюю очередь [12].

Полемика между доминиканской и францисканской школами по вопросу о принципиальной индивидуации отнюдь не исчерпывалась схоластическим педантизмом. Спор определял судьбу самого понятия реальности в западноевропейской мысли. Аквинат отстаивал примат универсального, поскольку интеллект по своей природе направлен на общее, тогда как единичное выступает лишь следствием материального ограничения [13]. Скот же настаивал на онтологической первичности единичного: Бог творит не абстрактные роды, а конкретные уникальные сущности, и высшей ступенью бытия выступает именно неделимый индивид [14]. Подобный концептуальный разрыв подготовил почву для радикальных трансформаций XIV столетия. Отказ от томистского понимания материи как источника индивидуальности и утверждение скотистской *haecceitas* подготовили переход к номинализму Уильяма Оккама. Для оккамианской традиции универсалии окончательно утратили экстраментальное бытие, а реальность оказалась тождественна исключительно единичным вещам.

Дискуссия о принципах единичности (*principium individuationis*) традиционно занимает центральное место в историографии средневековой метафизики. Фундаментальный вклад в осмысление этого вопроса внес Хорхе Х. Э. Грасиа, который в своей монографии «Individuation in Scholasticism» убедительно продемонстрировал, что средневековые мыслители рассматривали

индивидуацию не просто как логическую операцию различения понятий, но прежде всего как онтологическую проблему несообщаемости (*incommunicabilitas*) бытия одному субъекту [15]. Грасиа подчеркивает, что вопрос о том, почему общая природа реализуется в конкретном, неделимом индивиде, был одним из ключевых пунктов расхождения между философскими школами XIII–XIV веков.

В современной англоязычной аналитической традиции эта проблематика получила дальнейшее развитие в работах Ричарда Кросса. В своих работах, посвященных метафизике Дунса Скота, Кросс последовательно отстаивает тезис о том, что шотландский францисканец не просто полемизировал с томизмом, но выстроил позитивную онтологию единичного, опирающуюся на учение о формальном различии [16]. Отечественная исследовательская традиция, опирающаяся на классические переводы «Суммы теологии» и трактата «О сущем и сущности», также накопила существенный опыт реконструкции этих споров, хотя акцент в ней чаще смещался в сторону гносеологических следствий номинализма [17]. Настоящее исследование восполняет этот пробел, сосредоточиваясь на онтологических основаниях индивидуации, представленных в первоисточниках.

Методология исследования. В основу настоящего исследования положен метод аналитической реконструкции схоластической аргументации. Мы обращаемся непосредственно к латинским первоисточникам и их авторитетным переводам, чтобы проследить внутреннюю логику доказательств. Для Фомы Аквинского базовыми текстами выступают «Сумма теологии» (Часть I, вопрос 3, статья 3; вопрос 29) и трактат «О сущем и сущности» (*De ente et essentia*). Позиция Иоанна Дунса Скота реконструируется преимущественно по «Оксфордскому комментарию» (*Ordinatio*, книга II, дистинкция 3) и «Вопросам к Метафизике» Аристотеля (*Quaestiones in Metaphysicam*).

Особое внимание уделяется терминологической строгости. Понятие *materia signata* в русской литературе передается как «материя, обозначенная

количеством» или «определенная материя», тогда как скотистская *haecceitas* имеет спектр переводов: от неологизма «вот-этость» до более традиционных «индивидуальная сущность» или «единичное различие». Сопоставительный анализ этих концепций проводится с привлечением инструментов современной метафизики, в частности, теории тропов (*trope theory*), что позволяет прояснить статус индивидуальных свойств вне рамок традиционных доктринальных споров.

Результаты исследования. Фома Аквинский выстраивает свою теорию индивидуации в русле аристотелевского гилеморфизма, решительно отвергая как платонизм (с его отдельно существующими идеями-формами), так и аверроизм, постулирующий единство интеллекта для всех людей. В трактате «О сущем и сущности» Аквинат проводит четкое разграничение: форма отвечает за видовую спецификацию (что делает вещь человеком или лошадью), а материя служит принципом умножения индивидов внутри вида. Однако первичная материя (*materia prima*), будучи чистой потенциальностью и лишенной всяких определений, не может выполнять эту функцию, так как она тождественна во всех телесных субстанциях.

Чтобы преодолеть это затруднение, Фома вводит понятие materia signata quantitate (материя, обозначенная количеством). Именно конкретные пространственные измерения (*dimensio*), присущие данному участку материи, делают общую природу несообщаемой и превращают ее в «этого вот» человека. Индивидуальность здесь имеет негативный или ограничительный характер: форма ограничивается материальными условиями (таблица 1).

Таблица 1 - Онтологические статусы материи в томистской метафизике индивидуации

Аспект рассмотрения	Материя первая (materia prima)	Материя, обозначенная количеством (materia signata quantitate)
Онтологический статус	Чистая потенциальность, лишенная актуальных определений.	Материя, уже наделенная количественными измерениями (протяженностью).
Роль в индивидуации	Не может быть принципом, так как едина и общая для всех телесных вещей.	Выступает единственным возможным принципом умножения индивидов внутри вида.
Применимость	Относится ко всем материальным субстанциям без исключения.	Относится только к конечным, чувственно воспринимаемым субстанциям.

Источник: разработано автором.

Иоанн Дунс Скот подверг эту схему критике, усмотрев в ней существенное внутреннее противоречие. В «Оксфордском комментарии» (*Ordinatio* II, d. 3) он рассуждает следующим образом: если материя индивидуализирует форму, то сама материя должна быть уже индивидуализирована, иначе она оставалась бы общей потенциальностью. Материя есть сущее в акте, а значит, она также требует собственного принципа, делающего ее именно этой материей. Сводить индивидуальность к чисто количественным, внешним параметрам означает лишать единичную вещь собственной онтологической определенности и положительного статуса.

В ответ Скот разрабатывает учение о *haecceitas* (вот-этости). Это не случайная акциденция и не материальное ограничение, а позитивная, сущностная реальность, которая «контракцирует» (сужает, завершает) общую природу (*quidditas*) до уровня конкретного индивида. Чтобы объяснить, как *haecceitas* и общая природа сосуществуют в одной вещи, не являясь при этом ни двумя самостоятельными вещами, ни абсолютно тождественными началами, Скот обращается к понятию «формального различия со стороны вещи». Это различие предшествует акту познания человеческого интеллекта, но не является реальным разделением частей в самой вещи (таблица 2).

Таблица 2 - Структура индивидуальной субстанции согласно учению Дунса Скота

Онтологический уровень	Реальность (лат.)	Функция в субстанции
Родовая природа	Natura communis	Обеспечивает принадлежность вещи к определенному роду (например, «животное»).
Видовая природа	Quidditas (сущность)	Специфицирует вещь, делая ее человеком, а не лошадью. Реальна, но сообщаема.
Индивидуальное различие	Haecceitas (вот-этость)	Позитивная формальная реальность, делающая эту человеческую природу несообщаемой и уникальной (Сократ).

Источник: разработано автором.

Обсуждение результатов исследования. Сопоставление двух подходов выявляет глубинные онтологические предпосылки, определяющие весь ход позднесхоластической мысли. Позиция Фомы Аквинского базируется на умеренном реализме и принципе единства субстанциальной формы: в одной субстанции может быть только одна субстанциальная форма, которая актуализирует материю. Индивидуация здесь выступает как следствие материального ограничения формы.

Дунс Скот, напротив, опирается на плюрализм формальных реальностей. Для него единичное не есть ущербное или ограниченное общее; единичное есть наиболее совершенный и завершенный модус бытия. Бог творит не абстрактные человеческие природы, а конкретных, уникальных индивидов. Признание *haecceitas* в качестве положительного принципа делает единичную вещь самостоятельным предметом интеллектуального постижения.

Этот концептуальный разрыв имел далеко идущие исторические последствия. Утверждение Скотом онтологической первичности сингулярного и его критика материи как принципа индивидуации расчистили путь для радикальных выводов Уильяма Оккама. Оккам, приняв скотистский тезис о том, что только единичное обладает экстраментальной реальностью, пошел дальше и вовсе отказался от признания реального статуса за общими природами (*quidditas*). Если у Скота общая природа и *haecceitas* сосуществуют благодаря формальному различию, то у Оккама универсалии существуют лишь как имена

(*nomina*) или концепты в уме, а вне души реальны исключительно единичные вещи.

Таким образом, эволюция от томистской *materia signata* к скотистской *haecceitas* знаменует собой не просто технический спор о терминах, но фундаментальный сдвиг в западноевропейской метафизике. Произошел переход от онтологии, ориентированной на сущность и род, к онтологии, признающей самоценность и позитивную реальность конкретного, неделимого существования. Этот сдвиг заложил необходимые предпосылки для формирования новоевропейского понимания субъектности и индивидуальности.

Выводы. Схоластическая полемика о принципах единичности не исчерпала себя в стенах средневековых университетов, но послужила скрытым, однако прочным фундаментом для становления новоевропейской метафизики. Спор между доминиканской и францисканской традициями заставил последующие поколения мыслителей переосмыслить онтологический статус конкретного бытия. Если Фома Аквинский видел в индивидуации следствие материального ограничения, а Иоанн Дунс Скот усматривал в ней позитивную формальную реальность, то философы XVII–XIX веков были вынуждены синтезировать эти подходы, преодолевая их внутренние противоречия. В этой исторической перспективе средневековая *quaestio* предстает уже не как узкоспециальный богословский вопрос, а как значимый элемент формирования новоевропейской онтологии субъекта.

Готфрид Вильгельм Лейбниц в своем «Рассуждении о метафизике» (1686) напрямую наследует проблемное поле, очерченное Дунсом Скотом, хотя и переводит его на язык зарождающегося рационализма. Немецкий философ решительно отвергает томистскую *materia signata* как пассивный и индифферентный субстрат, неспособный объяснить внутреннее единство вещи. Вместо этого Лейбниц развивает скотистскую интуицию о позитивном характере единичного. Его принцип тождества неразличимых прямо вытекает из требования, чтобы каждый индивид обладал собственным, внутренне присущим

ему основанием различия. Однако лейбницевская монада не нуждается в скотистской *haecceitas* как дополнительном формальном модусе. У Лейбница индивидуальность гарантируется «полным понятием» субъекта, которое с самого начала содержит в себе все его предикаты, прошлые, настоящие и будущие. Таким образом, уникальность вещи перестает быть результатом внешнего контракцирования общей природы и становится следствием ее собственного, неповторимого внутреннего закона развития.

Диалектическая традиция, кульминацией которой стала система Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, предложила принципиально иной вектор решения схоластической дилеммы. В «Науке логики» (1812–1816) Гегель подвергает критике застывшую онтологию поздней схоластики, рассматривая единичное не как изолированную субстанцию, наделенную некой изначальной «вот-этостью», и не как случайный дефект материи. Для него подлинная индивидуальность есть результат сложного диалектического движения. Всеобщее должно пройти через стадию особенного, чтобы вернуться к себе в форме единичного, обретая при этом необходимую конкретность. Гегель снимает (*aufheben*) жесткое противопоставление универсалии и индивида, характерное для споров Аквината и Скота. Единичная вещь у мыслителя из Штутгарта представляет собой не просто экземпляр рода, ограниченный количественно, и не замкнутую в себе формальную реальность, а живой узел, в котором всеобщая сущность достигает своей высшей актуальности.

Ретроспективный анализ этой интеллектуальной эволюции позволяет сделать важный методологический вывод для истории философии. Дискуссия XIII–XIV веков не была бесплодным упражнением в терминологии. Напротив, она подготовила концептуальный аппарат, без которого оказалось бы невозможным формирование новоевропейского понимания субъектности. Переход от томистского гилеморфизма к скотистскому учению о формальном различии создал необходимые предпосылки для того, чтобы единичное перестало восприниматься как онтологически вторичное или ущербное.

Впоследствии эта идея была воспринята и переработана мыслителями Нового времени, которые увидели в индивидуальном бытии не предел познания, а его высшую и наиболее насыщенную форму. Проблема *principium individuationis* в данном контексте выступает ключевым связующим звеном, органично соединяющим средневековую метафизику с классической философской традицией.

Список литературы

1. Brock S.L. “What Makes You Yourself?” Scotus’ Question, a Pitfall for Thomists // Forum. Supplement to Acta Philosophica. 2024. Vol. 10. DOI: 10.17421/2498-9746-10-08.
2. Иванов В.Л., Petrus Thomae (OFM). Вопросы о типах дистинкций. <Вопрос 7> // Философский журнал. 2023. Т. 16, № 2. С. 144–164. DOI: 10.21146/2072-0726-2023-16-2-144-164.
3. Potts M. Esse and Haecceitas: A Scotist-Existentialist Theory of Individuation // International Philosophical Quarterly. 2025. Vol. 65, No. 1. P. 55–65. DOI: 10.5840/ipq2026312267.
4. Данилов А.В. Позиция Фомы Аквинского в средневековой рецепции философии Аристотеля // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2025. № 3(28). С. 7–40.
5. Jaramillo Gómez M.J. The Avicennian Understanding of the Commonness of Nature and Its Influence on John Duns Scotus // Perseitas. 2025. Vol. 13. P. 509–536. DOI: 10.21501/23461780.5144.
6. Cerit Helva İ. The Possibility of Individuality in Duns Scotus: Haecceity / Duns Scotus’ta Bireyselliğin İmkani: Haecceity // Tabula Rasa: Felsefe ve Teoloji. 2026. No. 46.
7. Politz M.S. Personal Identity: Analytic Metaphysics in Dialogue with Thomistic Anthropology // Revista Portuguesa de Filosofia. 2024. Vol. 80, No. 3. P. 917–942. DOI: 10.17990/RPF/2024_80_3_0917.
8. LaMantia D. Identity and Real Distinction According to Duns Scotus // British

Journal for the History of Philosophy. 2025. Vol. 33, No. 4. P. 756–778. DOI: 10.1080/09608788.2024.2428665.

9. Саяпин В.О. Историческая индивидуация в свете спекулятивной онтологии и нового материализма у Мануэля Деланда // Философская мысль. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.5.74178.

10. Norman S. Thomas Aquinas on the Metaphysical Status of Matter in Essence: An Argument for Survivalism // New Blackfriars. 2026. First View. P. 1–14. DOI: 10.1017/nbf.2026.10164.

11. Pyda J. Beyond Monism and Dualism. Five Arguments for the Thesis that the Anthropological Hylomorphism of St. Thomas Aquinas Is Not a Dualistic Position // Studia Nauk Teologicznych PAN. 2023. Vol. 18. P. 53–71. DOI: 10.24425/snt.2023.146521.

12. Ocampo F. “Matter” and “Form” in the Definition, According to Thomas Aquinas. An Analysis of the Specific Case of “Man” // Revista de Filosofía. 2025. DOI: 10.21703/2735-6353.2025.1.24.2943.

13. Meixner U. An Axiomatization of the Thomasic Ontology of Composition // Revista Portuguesa de Filosofia. 2023. Vol. 79, No. 1–2. P. 65–136. DOI: 10.17990/RPF/2023_79_1_0065.

14. Rooney J.D. The Problem of Thomistic Parts // Dialectica. 2023. Vol. 77, No. 1. P. 45–73.

15. Laparidis K. Substance and Essence: The Constitution of Quidditas from the Composition of Matter and Form in Thomas Aquinas // Ariadne. 2023. Vol. 28. P. 81–100. DOI: 10.26248/ariadne.v28i.1669.

16. Tabaczek M. Metaphysics of Evolutionary Transitions // Theistic Evolution: A Contemporary Aristotelian-Thomistic Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. P. 18–56. DOI: 10.1017/9781009367028.002.

17. Wong W.-K. Aquinas on Separated Souls’ Natural Cognition // New Blackfriars. 2024.

References

1. Brock S.L. “What Makes You Yourself?” Scotus’ Question, a Pitfall for Thomists // Forum. Supplement to Acta Philosophica. 2024. Vol. 10. DOI: 10.17421/2498-9746-10-08.

2. Ivanov V.L., Petrus Thomae (OFM). Voprosy` o tipax distinkcij. <Vopros 7> // Filosofskij zhurnal. 2023. T. 16, № 2. S. 144–164. DOI: 10.21146/2072-0726-2023-16-2-144-164.

3. Potts M. Esse and Haecceitas: A Scotist-Existentialist Theory of Individuation // International Philosophical Quarterly. 2025. Vol. 65, No. 1. P. 55–65. DOI: 10.5840/ipq2026312267.

4. Danilov A.V. Poziciya Fomy` Akvinskogo v srednevekovoj recepcii filosofii Aristotelya // Teologicheskij vestnik Smolenskoj pravoslavnoj duxovnoj seminarii. 2025. № 3(28). S. 7–40.

5. Jaramillo Gómez M.J. The Avicennian Understanding of the Commonness of Nature and Its Influence on John Duns Scotus // Perseitas. 2025. Vol. 13. P. 509–536. DOI: 10.21501/23461780.5144.

6. Cerit Helva İ. The Possibility of Individuality in Duns Scotus: Haecceity / Duns Scotus’ta Bireyselliğin İmkani: Haecceity // Tabula Rasa: Felsefe ve Teoloji. 2026. No. 46.

7. Politz M.S. Personal Identity: Analytic Metaphysics in Dialogue with Thomistic Anthropology // Revista Portuguesa de Filosofia. 2024. Vol. 80, No. 3. P. 917–942. DOI: 10.17990/RPF/2024_80_3_0917.

8. LaMantia D. Identity and Real Distinction According to Duns Scotus // British Journal for the History of Philosophy. 2025. Vol. 33, No. 4. P. 756–778. DOI: 10.1080/09608788.2024.2428665.

9. Sayapin V.O. Istoricheskaya individuaciya v svete spekulyativnoj ontologii i novogo materializma u Manue`lya Delanda // Filosofskaya my`sl`. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.5.74178.

10. Norman S. Thomas Aquinas on the Metaphysical Status of Matter in Essence: An

Argument for Survivalism // New Blackfriars. 2026. First View. P. 1–14. DOI: 10.1017/nbf.2026.10164.

11. Pyda J. Beyond Monism and Dualism. Five Arguments for the Thesis that the Anthropological Hylomorphism of St. Thomas Aquinas Is Not a Dualistic Position // Studia Nauk Teologicznych PAN. 2023. Vol. 18. P. 53–71. DOI: 10.24425/snt.2023.146521.

12. Ocampo F. “Matter” and “Form” in the Definition, According to Thomas Aquinas. An Analysis of the Specific Case of “Man” // Revista de Filosofía. 2025. DOI: 10.21703/2735-6353.2025.1.24.2943.

13. Meixner U. An Axiomatization of the Thomasic Ontology of Composition // Revista Portuguesa de Filosofia. 2023. Vol. 79, No. 1–2. P. 65–136. DOI: 10.17990/RPF/2023_79_1_0065.

14. Rooney J.D. The Problem of Thomistic Parts // Dialectica. 2023. Vol. 77, No. 1. P. 45–73.

15. Laparidis K. Substance and Essence: The Constitution of Quidditas from the Composition of Matter and Form in Thomas Aquinas // Ariadne. 2023. Vol. 28. P. 81–100. DOI: 10.26248/ariadne.v28i.1669.

16. Tabaczek M. Metaphysics of Evolutionary Transitions // Theistic Evolution: A Contemporary Aristotelian-Thomistic Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. P. 18–56. DOI: 10.1017/9781009367028.002.

17. Wong W.-K. Aquinas on Separated Souls’ Natural Cognition // New Blackfriars. 2024.

Статья поступила в редакцию 03.08.2026; одобрена после рецензирования 10.09.2026; принята к публикации 01.10.2026.

The article was submitted 03.08.2026; approved after reviewing 10.09.2026; accepted for publication 01.10.2026.

Научная статья
УДК 1(091)(470):1(091)(510)"20"

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕЦЕПЦИИ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ В КИТАЕ В XXI ВЕКЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ

Сюсюкин Владимир Алексеевич, кандидат философских наук, младший научный сотрудник, Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А., Россия, Саратов, uust.alfiia@yandex.ru

Аннотация. В статье сопоставлены три китайские периодизации восприятия русской религиозной философии, которые предложены Цзу Чуньмином, Чжэн Тао, а также Ли Тяньюнем и Ли Сяоюем, и построена типология интерпретационных моделей. Материалом послужили десять работ с 2023 по 2026 год о китайской рецепции, шесть работ теоретического и сравнительного контекста и два первоисточника. Показано, что периодизации измеряют разное, судьбу идеи, автора и дисциплинарной рамки, поэтому сходятся в датировке начала и расходятся в оценке последнего этапа. Выделены реконструктивная, конфессионально-цивилизационная, сравнительно-философская и адаптационная модели, причем последняя описана различием рецепции и апроприации в трактовке М. Н. Вольф. Спор о роли православия, на котором держится вторая модель, появился в российской науке и воспроизводится в китайских текстах. Приведены примеры изменения смысла при цитировании и расхождений в оценке западного влияния. Перемена выражается в том, что рядом с реконструкцией заметнее становятся работы, которые применяют русские идеи к китайским задачам. Японский и российский материал показывает, что переработка при переносе идей свойственна любой рецепции. Корпус ограничен русскоязычными изложениями и не независим, поэтому выводы о динамике требуют проверки по китайским оригиналам.

Ключевые слова: рецепция; русская религиозная философия; Китай; интерпретационные модели; апроприация; периодизация; русская идея.

Original article

MAIN TRENDS IN THE RECEPTION OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY IN CHINA IN THE 21ST CENTURY AND THE TRANSFORMATION OF INTERPRETIVE MODELS

Siusiukin Vladimir Alekseevich, Candidate of Philosophical Sciences, Junior Researcher, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia, uust.alfiia@yandex.ru

Abstract. The article compares three Chinese periodizations of the reception of Russian religious philosophy, proposed by Zu Chunming, Zheng Tao, and Li Tianyun with Li Xiaoyu, and builds a typology of interpretive models. The material consists of ten works published from 2023 to 2026 on the Chinese reception, six works that supply theoretical and comparative context, and two primary sources. The periodizations are shown to measure different things, the fate of an idea, of an author, and of a disciplinary frame, so they agree on the date of the beginning and differ in assessing the latest stage. Four models are identified: reconstructive, confessional-civilizational, comparative-philosophical, and adaptive; the last is described through M. N. Wolf's distinction between reception and appropriation. The dispute over the role of Orthodoxy, which underlies the second model, arose in Russian scholarship and is reproduced in Chinese texts. Examples are given of a shift of meaning in citation and of disagreement about Western influence. Alongside reconstruction, works that apply Russian ideas to Chinese tasks become more visible. Japanese and Russian cases show that reworking is typical of any reception. The corpus relies on Russian-language accounts and is not independent, so conclusions on dynamics need checking against Chinese originals.

Keywords: reception; Russian religious philosophy; China; interpretive models; appropriation; periodization; Russian idea.

Введение. Первый номер «Вестника РУДН» за 2026 год выделил отдельную рубрику «Изучение русской, советской и российской философии в Китае»[1]. В тот же период журналы «Полилог» и «Patria» напечатали статьи Цзу Чуньмина и Чжоу Лайшуня. Китайская рецепция русской религиозной философии стала предметом спора, и оценки в нем расходятся.

Г. Ф. Гараева, Н. А. Ореховская и М. А. Шарова видят в китайском интересе к русским мыслителям продуктивный транскультурный диалог[2]. Цзу Чуньмин возражает, что в китайском «зеркале» смысл «русской идеи» сместил акцент, а исследователи слишком охотно выделяют ее положительные стороны[3]. Ма Иньмао, который подвел итог за период с 2007 по 2022 год, называет главную слабость. «Не удовлетворяет глубина исследований; среди уже изданных работ очень большую долю составляют беглые ознакомительные обзоры, а по-настоящему погруженных в тему конкретных исследований мало»[4]. И. И. Евлампиев выделяет три спорных вопроса, а именно начало русской философии, степень ее религиозности и связи с европейской мыслью, и заключает так. «Во всех трех случаях, по моему мнению, китайские исследователи принимают за истину наиболее простое, но неверное решение проблемы»[5]. Если всерьез принять имеющиеся оценки, то перед исследователем встает вопрос иного рода. Нужно выяснить, каким способом читают русских авторов в каждой из китайских работ.

Цель статьи состоит в том, чтобы выявить основные направления китайской рецепции русской религиозной философии в XXI веке и описать трансформацию интерпретационных моделей. Для достижения цели были

[1] Гараева Г. Ф., Ореховская Н. А., Шарова М. А. Особенности рецепции русской философии в Китае: славянофилы и религиозные мыслители в современном транскультурном дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 9.

[2] Гараева Г. Ф., Ореховская Н. А., Шарова М. А. Особенности рецепции русской философии в Китае: славянофилы и религиозные мыслители в современном транскультурном дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 28.

[3] Цзу Чуньмин. Исследование «Русской идеи» в Китае: присутствие и отсутствие // Полилог/Polylogos. – 2025. – Т. 9. – № 1. – С. 11.

[4] Ма Иньмао. Философия России в Китае (2007–2022) // Вопросы философии. – 2023. – № 4. – С. 147.

[5] Евлампиев И. И. Некоторые трудности восприятия русской философии в Китае // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 65.

поставлены следующие задачи:

1) сопоставить три известных периодизации китайской рецепции;

2) выделить интерпретационные модели и описать их признаки;

3) определить признаки, по которым модели меняются в XXI веке;

4) сравнить позиций авторов там, где они расходятся и где дополняют друг друга.

Рабочая гипотеза исследования состоит в утверждении, что модели различаются не временем появления, а отношением к исходному тексту. Одни авторы восстанавливают смысл русской концепции вместе с ее контекстом, другие применяют ее к китайским задачам. Перемена заключается в том, что вторая установка становится заметнее при сохранении первой.

Обзор литературы. Первую группу работ составляют обзоры, которые отображают факты. Научное общество философии России в Китае, по данным Ма Иньмао, учреждено в 1985 году и проводит всекитайские конференции раз в два года, к 2022 году их накопилось восемнадцать[6]. Чжэн Тао прослеживает судьбу Н. А. Бердяева, которого называет наиболее переводимым российским религиозным философом в Китае[7].

Вторая группа предлагает схемы развития, и три из них сопоставляются в разделе о результатах. Евлампиев перечисляет трудности, из-за которых, по его мнению, русская философия неверно понимается в Китае[8]. Гараева с соавторами строят обзор вокруг научных центров, среди которых называют Пекинский университет, где работает Сюй Фэнлинь[9].

Третью группу образуют тексты о переносе идей, и они определяют теоретическую рамку. М. Н. Вольф различает рецепцию и апроприацию, причем

[6] Ма Иньмао. Философия России в Китае (2007–2022) // Вопросы философии. – 2023. – № 4. – С. 145.
[7] Чжэн Тао. Изучение и влияние философских идей Н. А. Бердяева в Китае // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 6 (134). – С. 79.
[8] Евлампиев И. И. Некоторые трудности восприятия русской философии в Китае // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 63.
[9] Гараева Г. Ф., Ореховская Н. А., Шарова М. А. Особенности рецепции русской философии в Китае: славянофилы и религиозные мыслители в современном транскультурном дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 11.

вторую понимает как присвоение с методологическим мотивом[10]. И. И. Павлов предлагает вместо описаний отдельных философий изучать полемические контексты, в духе Кембриджской школы [11] . А. Тесля прослеживает у славянофилов 1840-х годов понимание православия как сути русскости[12].

Методы. Корпус составили восемнадцать текстов из итогового списка. Десять из них посвящены китайской рецепции или ее сюжетам, в том числе работы Ма Иньмао, Цзу Чуньмина, Чжэн Тао, Чжоу Лайшуня, Гараевой с соавторами, Евлампиева, Ли Тяньюня с соавтором, Чжан Ликуня с соавтором, Д. Д. Романова с соавтором и Ю. Цао с соавтором. Шесть работ дают теоретический и сравнительный контекст, это тексты Вольф, Павлова, Тесли, А. П. Глазкова, А. Д. Кравцова и P. Lv с Y. Tao. Две книги под названием «Русская идея», В. С. Соловьева и Бердяева, служат первоисточниками.

Анализ шел в три этапа. Сначала сопоставлены три периодизации (Цзу, Чжэн Тао, Ли Тяньюня) по предмету, критерию смены этапов и рубежам. Затем в каждой из десяти работ определены русские авторы, которых читают, рамка чтения, отношение к контексту источника и китайский вопрос, на который отвечает автор. Далее позиции были противопоставлены там, где они расходятся, и сведены там, где дополняют друг друга. Различие реконструкции и использования опирается на формулировку Вольф. «(App) (методологически мотивированное присвоение, вторичное по отношению к рецепции) неизбежно аисторична в отношении прошлого, поскольку не стремится воссоздать контекст, но использует входящие концепции и доктрины для собственных задач и нужд»[13].

У метода три ограничения. Китайские оригиналы не привлекались, поэтому выводы относятся к китайской рецепции в том виде, в каком ее излагают русскоязычные тексты. Шесть из десяти работ вышли в одном номере журнала,

[10] Вольф М. Н. Русский Платон vs русский Аристотель: режимы культурной апроприации // Respublica Literaria. – 2025. – Т. 6. – № 4. – С. 56.
[11] Павлов И. И. Русская религиозная философия в оптике интеллектуальной истории // Философский журнал. – 2025. – Т. 18. – № 1. – С. 43.
[12] Тесля А. Славянофильские представления о «русском» и «русскости» в конце 1830-х – первой половине 1840-х годов // Patria. – 2025. – Т. 2. – № 2. – С. 50.
[13] Вольф М. Н. Русский Платон vs русский Аристотель: режимы культурной апроприации // Respublica Literaria. – 2025. – Т. 6. – № 4. – С. 56.

а Гараева с соавторами ссылаются на Цзу, Ма, Чжоу и Чжэн Тао[14], так что корпус нельзя считать независимой выборкой. Многие авторы участвуют в описываемом процессе и оценивают его изнутри.

Результаты. ***Три периодизации.*** Схемы не противоречат друг другу, потому что делят разный материал. Цзу Чуньмин делит историю «русской идеи» на этап принятия с 1991 по 2000 год, этап освоения с 2000 по 2010 год и этап преобразования с 2010 года. Начало отсчета дают две работы Лэя Юншэна о Бердяеве 1991 года и первый китайский перевод бердяевской «Русской идеи», который книжный магазин «Саньлянь» издал в 1995 году. Поиск в базе CNKI по ключевому слову «Русская философия» дает 237 статей, из них 58, то есть почти четверть, приходится на период с 2005 по 2009 год. На третьем этапе «русская идея» читается противостоянием Запада и России, и Запад выступает в роли «сильного Другого»[15].

Чжэн Тао строит схему вокруг одного автора. Бердяев приходит в Китай в 1936 и 1937 годах, когда две его книги вышли в «Молодежной серии» Шанхайского издательства Ассоциации молодых христиан. Затем его работы надолго исчезли из поля зрения китайских ученых, вернулись в конце 1970-х годов, а в XXI веке изучение приобрело системный характер[16]. Ли Тяньюнь и Ли Сяоюй говорят о трех сменах парадигмы, от марксизма к православию, от православия к религиозной философии и от религиозной к политической, и считают поколения исследователей. Первое и второе поколения специализировались на советской философии, а третье, к которому относятся Сюй Фэнлинь и Чжан Байчунь, сформировалось в среде, где христианскую философию сделала центральной темой книга Лю Сяофэна[17].

[14] Гараева Г. Ф., Ореховская Н. А., Шарова М. А. Особенности рецепции русской философии в Китае: славянофилы и религиозные мыслители в современном транскультурном дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 29.
[15] Цзу Чуньмин. Исследование «Русской идеи» в Китае: присутствие и отсутствие // Полилог/Polylogos. – 2025. – Т. 9. – № 1. – С. 2-5.
[16] Чжэн Тао. Изучение и влияние философских идей Н. А. Бердяева в Китае // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 6 (134). – С. 77, 78.
[17] Ли Тяньюнь, Ли Сяоюй. Три смены парадигмы в изучении истории русской философии в современном Китае // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 98, 101, 102.

Цзу измеряет судьбу идеи, Чжэн Тао судьбу автора, а Ли Тяньюнь смену дисциплинарных рамок. Схемы сходятся на рубеже конца 1980-х и начала 1990-х годов. Они не совпадают даже в названии и дате книги Лю Сяофэна. Ли Тяньюнь называет ее «Спасением и бегством» и относит к 1989 году[18], а Чжэн Тао пишет о «Спасении и свободном странствии» 1988 года[19]. Главное расхождение касается последнего этапа. Цзу видит сужение к национально-культурному прочтению, которое постепенно становится главной парадигмой[20]. Ли Тяньюнь, наоборот, считает, что замкнутость в одной или двух парадигмах осталась в прошлом. Теория «истинного христианства» Евлампиева потеснила традиционное православие, а в Китае появились новые парадигмы, и ведущей среди них стала политическая философия[21].

Четыре модели. Реконструктивная модель передает русскую мысль ближе к тексту. Сюй Фэнлинь в книге 2006 года излагает взгляды 12 русских религиозных мыслителей, от И. В. Киреевского до Л. И. Шестова[22]. Достоинство модели в надежности пересказа. По критериям Павлова такие работы близки к доксографии, потому что излагают «философию Соловьева» или «философию Бердяева» как отдельные системы[23]. Они дают материал, но редко отвечают на вопрос, зачем он нужен китайскому читателю.

Конфессионально-цивилизационная модель выводит русскую философию из православия. Гараева с соавторами пишут, что китайские специалисты изучают русскую религиозную философию, потому что она генетически и онтологически сопряжена с православием[24]. По Ли Тяньюню, китайские ученые

[18] Там же. – С. 102.
[19] Чжэн Тао. Изучение и влияние философских идей Н. А. Бердяева в Китае // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 6 (134). – С. 78.
[20] Цзу Чуньмин. Исследование «Русской идеи» в Китае: присутствие и отсутствие // Полилог/Polylogos. – 2025. – Т. 9. – № 1. – С. 6.
[21] Ли Тяньюнь, Ли Сяоюй. Три смены парадигмы в изучении истории русской философии в современном Китае // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 106, 107.
[22] Там же. – С. 105.
[23] Павлов И. И. Русская религиозная философия в оптике интеллектуальной истории // Философский журнал. – 2025. – Т. 18. – № 1. – С. 43.
[24] Гараева Г. Ф., Ореховская Н. А., Шарова М. А. Особенности рецепции русской философии в Китае: славянофилы и религиозные мыслители в современном транскультурном дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 12.

видят связь даже у мыслителей, которые выступали против православия[25]. Ма Иньмао добавляет, что для Китая, который точно так же образует цивилизацию, опыт славянофилов поучителен[26].

Против описанной модели возражает Евлампиев. Русские мыслители, по его мнению, считали церковное христианство искаженной формой учения Христа и ждали нового духовного переворота, поэтому отождествление русской религиозности с православием он называет ложной интерпретацией[27]. Тесля уточняет происхождение формулы. К. С. Аксаков называл религиозные верования главной особенностью народа[28]. Выходит, что модель частично наследует самоописание, которое сложилось в России.

Представляет исследовательский интерес и путь Чжан Байчуня. Он перевел практически все произведения Бердяева, в 2011 году издал о нем монографию «Дух дышит, где хочет», затем пришел к мысли, что религиозная философия Соловьева и Бердяева зашла в тупик, и переключился на С. С. Хоружего[29]. Гараева объясняет поворот логикой поиска, поскольку размышления Бердяева о Духе не были подкреплены духовной практикой[30]. Внутри одной модели меняется предмет, и вместо идей философов в центр встает исихастская практика.

Сравнительно-философская модель ставит русскую мысль рядом с китайской традицией, чтобы прояснить обе. Сюй Фэнлинь сопоставляет исихазм с практикой самосовершенствования «сю шэнь»[31]. Учение П. А. Флоренского о культе сравнивают с даосской и буддийской традициями сакральной

[25] Ли Тяньюнь, Ли Сяоюй. Три смены парадигмы в изучении истории русской философии в современном Китае // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 101.
[26] Ма Иньмао. Философия России в Китае (2007–2022) // Вопросы философии. – 2023. – № 4. – С. 144.
[27] Евлампиев И. И. Некоторые трудности восприятия русской философии в Китае // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 63.
[28] Тесля А. Славянофильские представления о «русском» и «русскости» в конце 1830-х – первой половине 1840-х годов // Patria. – 2025. – Т. 2. – № 2. – С. 50.
[29] Ли Тяньюнь, Ли Сяоюй. Три смены парадигмы в изучении истории русской философии в современном Китае // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 105.
[30] Гараева Г. Ф., Ореховская Н. А., Шарова М. А. Особенности рецепции русской философии в Китае: славянофилы и религиозные мыслители в современном транскультурном дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 26.
[31] Чжан Ликунь, Чжан Сяо. Изучение философского наследия С. С. Хоружего в Китае // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 124.

визуализации[32]. Шестова, собрание сочинений которого к 2021 году вышло в 13 томах, ставят рядом с Ф. Ницше, С. Кьеркегором, Э. Гуссерлем и Р. Декартом[33]. Романов и Лю Яюе показывают, что китайское «ничто» (сюй-у) несет в даосской и буддийской традиции созидательный смысл, а русский нигилизм, который проник в Китай с 1903 года, получил там иную судьбу[34].

Адаптационная модель отвечает на вопрос, что русские идеи дают Китаю. Че Юйлинь в 2022 году доказывает, что контрпросветительская линия русской культуры нужна китайским ученым для социализма с китайской спецификой[35]. Чжоу Лайшунь называет сильной стороной философов Серебряного века проблемное сознание и тут же признает, что их построения закончились провалом [36] . Цао и Кострицкая показывают адаптацию с критическим отношением. Соборность в китайском чтении становится духовно-коллективистской альтернативой западному индивидуализму, и авторы предлагают пересмотреть образ женской жертвенности, который с ней связан[37]. Романов и Лю Яюе приводят слова Си Цзиньпина о культурном нигилизме и ищут способ его сдерживания в единстве традиции и современности[38]. Русский материал связан с культурной политикой.

Трансформация. Перемену моделей можно проследить по трем признакам. Первый связан с составом материала. Рядом с религиозной философией Ма Иньмао называет этику, философию науки, философию культуры, философию языка, народничество и евразийство[39]. Второй касается дисциплинарной рамки.

[32] Гараева Г. Ф., Ореховская Н. А., Шарова М. А. Особенности рецепции русской философии в Китае: славянофилы и религиозные мыслители в современном транскультурном дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 24.
[33] Ма Иньмао. Философия России в Китае (2007–2022) // Вопросы философии. – 2023. – № 4. – С. 141.
[34] Романов Д. Д., Лю Яюе. Русский нигилизм и китайская мысль: опыт интеграции в контексте традиции // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 54, 57.
[35] Цзу Чуньмин. Исследование «Русской идеи» в Китае: присутствие и отсутствие // Полилог/Polylogos. – 2025. – Т. 9. – № 1. – С. 6.
[36] Чжоу Лайшунь. Проблемное сознание и системность русских философов Серебряного века: новые результаты исследований философской мысли России в Китае // Patria. – 2025. – Т. 2. – № 2. – С. 73, 80.
[37] Цао Ю., Кострицкая Т. А. Гендерное измерение теорий социальной справедливости в русской философии: анализ применимости в китайском контексте // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 93.
[38] Романов Д. Д., Лю Яюе. Русский нигилизм и китайская мысль: опыт интеграции в контексте традиции // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 58.
[39] Ма Иньмао. Философия России в Китае (2007–2022) // Вопросы философии. – 2023. – № 4. – С. 138.

Китайские центры принимают магистров и аспирантов по русской философии не на специальность «зарубежная философия», а на специальность «религиоведение»[40]. Третий относится к самооценке. Чжан Ликунь и Чжан Сяо описывают интерес китайских исследователей к Хоружему как путь от удивления к недоумению, затем к пониманию и рефлексии[41].

Перечисленные признаки не выстраиваются в линию, где одна модель сменяет другую. Конференция в Хайнане в сентябре 2025 года собрала более 40 ученых, среди них 5 российских. В работах этого круга «Мертвые души» читаются через «Лествицу» Иоанна Лествичника, а понятия синергийной антропологии применяются к хоккею[42]. Реконструкция, сравнение и использование оказываются рядом.

Обсуждение. Главный спор корпуса идет вокруг православия, и по происхождению он не китайский. Российские авторы расходятся не меньше китайских. Глазков ведет позднего Соловьева к внутреннему воцерковлению философского разума[43], а Б. И. Пружинин, как передает Ли Тяньюнь, вовсе отвергает религиозность русской философии по существу. Китайские авторы получили нерешенный спор и по-разному его разрешили. Линия Евлампиева закрепляется в Китае. С 2018 года у него три китайских аспиранта защитили диссертации, а в июне 2025 года он прочитал десять лекций в Пекинском педагогическом университете[44].

Спор имеет и измеримые следствия. Евлампиев объясняет внимание китайских авторов к С. Н. Булгакову и Флоренскому тем, что они лучше всего воплотили идеал православной философии, и советует читать Бердяева и С. Л.

[40] Ли Тяньюнь, Ли Сяоюй. Три смены парадигмы в изучении истории русской философии в современном Китае // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 107.
[41] Чжан Ликунь, Чжан Сяо. Изучение философского наследия С. С. Хоружего в Китае // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 125.
[42] Чжан Ликунь, Чжан Сяо. Изучение философского наследия С. С. Хоружего в Китае // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 115, 122, 123.
[43] Глазков А. П. Значение «эсхатологического поворота» в философии В. С. Соловьева // Соловьевские исследования. – 2025. – № 1 (85). – С. 15.
[44] Ли Тяньюнь, Ли Сяоюй. Три смены парадигмы в изучении истории русской философии в современном Китае // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 106, 107.

Франка[45]. Гараева с соавторами передают слова Сюй Фэнлиня, что по глубине проникновения в религиозную философию Бердяев уступает Флоренскому и Булгакову[46]. Данные Ма Иньмао дают третью позицию. В его списке приоритетных фигур есть Бердяев, Шестов, Соловьев, Н. Ф. Федоров, Франк и Ф. М. Достоевский, а Булгакова и Флоренского нет[47]. Расхождение объясняется, по-видимому, выбором образца, то есть школы Сюй Фэнлиня или общего потока публикаций.

Различие в оценке критичности тоже связано с материалом. Гараева с соавторами опираются на разбор мыслителей у Сюй Фэнлиня, то есть на реконструктивную и сравнительную модели, и потому видят в китайских работах открытость. Цзу Чуньмин находит в части исследований смешение идеологических функций «русской идеи» с историко-философским значением[48]. Понятие несет готовый нормативный заряд, и он появился вместе с ним, ведь Соловьев определяет идею нации через мысль Бога о ней в вечности[49], а Бердяев через замысел Творца о России[50]. Поэтому легко появляется адаптация на имеющемся материале. Обе оценки могут быть верны.

Внутри корпуса есть пример того, как рецепция превращается в апроприацию. Гараева с соавторами приводят слова Ма Иньмао о том, что русская цивилизация не относится к Западу или Востоку[51]. Ма пишет о месте русской философии в китайской науке, где она занимает маргинализированное положение[52]. Формула получила цивилизационный смысл.

---

[45] Евлампиев И. И. Некоторые трудности восприятия русской философии в Китае // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 71.
[46] Гараева Г. Ф., Ореховская Н. А., Шарова М. А. Особенности рецепции русской философии в Китае: славянофилы и религиозные мыслители в современном транскультурном дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 27.
[47] Ма Иньмао. Философия России в Китае (2007–2022) // Вопросы философии. – 2023. – № 4. – С. 138.
[48] Цзу Чуньмин. Исследование «Русской идеи» в Китае: присутствие и отсутствие // Полилог/Polylogos. – 2025. – Т. 9. – № 1. – С. 11.
[49] Соловьев В. С. Русская идея / пер. с фр. Г. А. Рачинского. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1964. – С. 8.
[50] Бердяев Н. А. Русская идея : основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. – Париж : YMCA-Press, 1971. – С. 5.
[51] Гараева Г. Ф., Ореховская Н. А., Шарова М. А. Особенности рецепции русской философии в Китае: славянофилы и религиозные мыслители в современном транскультурном дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 16.
[52] Ма Иньмао. Философия России в Китае (2007–2022) // Вопросы философии. – 2023. – № 4. – С. 147.

Стоит отметить расхождение о связях с Западом. Сюй Фэнлинь, по пересказу Гараевой, пишет, что русская религиозная философия в отличие от западной традиции не пережила Возрождения, Реформации и Просвещения[53]. Ма Иньмао, напротив, пишет, что русская философия испытала глубокое влияние французского Просвещения и немецкой классической философии, и сожалеет, что сравнений Соловьева с М. Шелером и Бердяева с экзистенциалистами почти нет[54]. Евлампиев возводит соборность к Фихте и замечает, что китайская литература считает ее абсолютно самобытной[55]. Сяо Цзинъюй в изложении Гараевой действительно называет соборность концептом без аналогов[56]. В. В. Сидорин, по пересказу Павлова, предлагает поставить оценку самобытности в стороне и изучать происхождение, употребление и обсуждение понятий «русская идея» и «соборность»[57].

Параллельные случаи показывают, что переработка при переносе идей встречается всегда. Кравцов на материале мэйдзийского перевода «Преступления и наказания» описывает, как христианская совесть превращается в конфуцианскую врожденную добродетель ресин, а линейное время растворяется в цикле непостоянства[58]. Lv и Tao описывают обратное движение. Российские исследователи «И цзин» отчуждают его космологию и превращают ее в моральные нормы, либо согласуют с православным контекстом[59]. Значит, переработка не отличает китайский случай от других. Вольф называет апроприацию формой живой философии, которая рождает новые смыслы в

[53] Гараева Г. Ф., Ореховская Н. А., Шарова М. А. Особенности рецепции русской философии в Китае: славянофилы и религиозные мыслители в современном транскультурном дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 14.
[54] Ма Иньмао. Философия России в Китае (2007–2022) // Вопросы философии. – 2023. – № 4. – С. 147.
[55] Евлампиев И. И. Некоторые трудности восприятия русской философии в Китае // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 75.
[56] Гараева Г. Ф., Ореховская Н. А., Шарова М. А. Особенности рецепции русской философии в Китае: славянофилы и религиозные мыслители в современном транскультурном дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 17.
[57] Павлов И. И. Русская религиозная философия в оптике интеллектуальной истории // Философский журнал. – 2025. – Т. 18. – № 1. – С. 44.
[58] Кравцов А. Д. Мораль без субъекта: конфуцианско-буддийские основания этики в переводе «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского на японский язык // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – Т. 9. – № 4. – С. 221.
[59] Lv P., Tao Y. The Reception of the Yijing in the Context of Russian Orthodox Theology: A Dialectical Reconstruction of Alienation and Agreement // Religions. – 2025. – Vol. 16. – No. 12. – Art. 1480. – P. 9.

текущем моменте[60]. Образец осознанной адаптации дают Цао и Кострицкая, у которых русские понятия полезны там, где помогают видеть несправедливость, и требуют пересмотра там, где закрепляют зависимость женщин[61].

Перспективы дальнейших исследований. Проверка выводов требует трех шагов. Первый состоит в обращении к китайским оригиналам и в подсчете, какая доля публикаций в базе CNKI относится к каждой из четырех моделей в разные годы. Второй связан со сравнением с соседними странами. Мэйдзийские переводчики у Кравцова решали задачу сохранения идентичности под лозунгом «японский дух и западная техника»[62]. Сопоставление с китайским материалом покажет, где различия определяет традиция, а где эпоха. Третий касается языка. Гараева отмечает, что китайские исследователи нашли возможность перевести такие понятия, как «София», «всеединство» и «соборность», и анализ выбранных переводов покажет, как терминология несет в себе интерпретацию[63]. Отдельной темой остается политическая линия, куда входят И. А. Ильин, евразийство и перевод «Европы и человечества» Н. С. Трубецкого, который вышел в 2023 году[64].

Заключение. Сопоставление дает три результата, которых не видно при чтении по отдельности каждой работы. Первый касается периодизации. Три схемы описывают один процесс с разных сторон, и спор между ними идет главным образом о последнем этапе, то есть о том, сужается поле к национально-культурному прочтению или расширяется за счет новых дисциплин. Второй результат касается источника противоречий. Спор о православии появился в российской науке, поэтому китайские публикации нельзя считать независимым

[60] Вольф М. Н. Русский Платон vs русский Аристотель: режимы культурной апроприации // Respublica Literaria. – 2025. – Т. 6. – № 4. – С. 56.
[61] Цао Ю., Кострицкая Т. А. Гендерное измерение теорий социальной справедливости в русской философии: анализ применимости в китайском контексте // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 92.
[62] Кравцов А. Д. Мораль без субъекта: конфуцианско-буддийские основания этики в переводе «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского на японский язык // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – Т. 9. – № 4. – С. 222.
[63] Гараева Г. Ф., Ореховская Н. А., Шарова М. А. Особенности рецепции русской философии в Китае: славянофилы и религиозные мыслители в современном транскультурном дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 19.
[64] Ли Тяньюнь, Ли Сяоюй. Три смены парадигмы в изучении истории русской философии в современном Китае // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 108.

свидетельством ни за, ни против. Их разумнее читать как еще один голос в российской дискуссии. Третий результат практический. Исследователю, который использует китайские работы как источник сведений о русской философии, полезно сначала определить модель текста. Реконструкцию можно цитировать как пересказ, а адаптацию как свидетельство о китайских потребностях.

Выводы ограничены составом корпуса. Доля периода с 2005 по 2009 год в базе CNKI показывает концентрацию публикаций, а не рост, и динамику можно подтвердить только на китайских оригиналах. Смена акцента на использование идей не вредит истории философии, если автор осознает, что именно он делает. В материале 2025 и 2026 годов такая осознанность заметна у Цзу Чуньмина, у Цао с Кострицкой и в самооценке Чжан Ликуня.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Русская идея : основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н. А. Бердяев. – Париж : YMCA-Press, 1971. – 258 с.
2. Вольф М. Н. Русский Платон vs русский Аристотель: режимы культурной апроприации // Respublica Literaria. – 2025. – Т. 6, № 4. – С. 53–67.
3. Гараева Г. Ф., Ореховская Н. А., Шарова М. А. Особенности рецепции русской философии в Китае: славянофилы и религиозные мыслители в современном транскультурном дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30, № 1. – С. 9–31.
4. Глазков А. П. Значение «эсхатологического поворота» в философии В. С. Соловьева // Соловьевские исследования. – 2025. – № 1 (85). – С. 6–17.
5. Евлампиев И. И. Некоторые трудности восприятия русской философии в Китае // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30, № 1. – С. 63–80.
6. Кравцов А. Д. Мораль без субъекта: конфуцианско-буддийские основания этики в переводе «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского на японский язык (на англ. яз.) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 221–241.
7. Ли Тяньюнь, Ли Сяоюй. Три смены парадигмы в изучении истории русской

философии в современном Китае // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30, № 1. – С. 98–112.

8. Ма Иньмао. Философия России в Китае (2007–2022) // Вопросы философии. – 2023. – № 4. – С. 138–155.

9. Павлов И. И. Русская религиозная философия в оптике интеллектуальной истории // Философский журнал. – 2025. – Т. 18, № 1. – С. 39–52.

10. Романов Д. Д., Лю Яюе. Русский нигилизм и китайская мысль: опыт интеграции в контексте традиции // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30, № 1. – С. 47–62.

11. Соловьев В. С. Русская идея / пер. с фр. Г. А. Рачинского ; ввод. ст. и подзаг. М. Н. Гаврилова. – 2-е фототип. изд. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1964. – 31 с.

12. Тесля А. Славянофильские представления о «русском» и «русскости» в конце 1830-х – первой половине 1840-х годов // Patria. – 2025. – Т. 2, № 2. – С. 46–58.

13. Цао Ю., Кострицкая Т. А. Гендерное измерение теорий социальной справедливости в русской философии: анализ применимости в китайском контексте // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30, № 1. – С. 81–97.

14. Цзу Чуньмин. Исследование «Русской идеи» в Китае: присутствие и отсутствие // Полилог/Polylogos. – 2025. – Т. 9, № 1. – С. 1–15.

15. Чжан Ликунь, Чжан Сяо. Изучение философского наследия С. С. Хоружего в Китае // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30, № 1. – С. 113–126.

16. Чжоу Лайшунь. Проблемное сознание и системность русских философов Серебряного века: новые результаты исследований философской мысли России в Китае // Patria. – 2025. – Т. 2, № 2. – С. 72–83.

17. Чжэн Тао. Изучение и влияние философских идей Н. А. Бердяева в Китае // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 6 (134). – С. 76–82.

18. Lv P., Tao Y. The Reception of the Yijing in the Context of Russian Orthodox Theology: A Dialectical Reconstruction of Alienation and Agreement // Religions. – 2025. – Vol. 16, no. 12. – Art. 1480. – P. 1–14.

References

1. Berdyaev N. A. Russkaya ideya : osnovnye problemy russkoi mysli XIX veka i nachala XX veka / N. A. Berdyaev. – Parizh : YMCA-Press, 1971. – 258 s.

2. Vol'f M. N. Russkii Platon vs russkii Aristotel': rezhimy kul'turnoi apropriatsii // Respublica Literaria. – 2025. – T. 6, № 4. – S. 53–67.

3. Garaeva G. F., Orekhovskaya N. A., Sharova M. A. Osobennosti retseptsii russkoi filosofii v Kitae: slavyanofily i religioznye mysliteli v sovremennom transkul'turnom diskurse // Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya. – 2026. – T. 30, № 1. – S. 9–31.

4. Glazkov A. P. Znachenie «eskhatologicheskogo povorota» v filosofii V. S. Solov'eva // Solov'evskie issledovaniya. – 2025. – № 1 (85). – S. 6–17.

5. Evlampiev I. I. Nekotorye trudnosti vospriyatiya russkoi filosofii v Kitae // Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya. – 2026. – T. 30, № 1. – S. 63–80.

6. Kravtsov A. D. Moral' bez sub"ekta: konfutsiansko-buddiiskie osnovaniya etiki v perevode «Prestupleniya i nakazaniya» F. M. Dostoevskogo na yaponskii yazyk (na angl. yaz.) // Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. – 2025. – T. 9, № 4. – S. 221–241.

7. Li Tyan'yun', Li Syaoyui. Tri smeny paradigmy v izuchenii istorii russkoi filosofii v sovremennom Kitae // Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya. – 2026. – T. 30, № 1. – S. 98–112.

8. Ma In'mao. Filosofiya Rossii v Kitae (2007–2022) // Voprosy filosofii. – 2023. – № 4. – S. 138–155.

9. Pavlov I. I. Russkaya religioznaya filosofiya v optike intellektual'noi istorii // Filosofskii zhurnal. – 2025. – T. 18, № 1. – S. 39–52.

10. Romanov D. D., Lyu Yayue. Russkii nigilizm i kitaiskaya mysl': opyt integratsii v kontekste traditsii // Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya. – 2026. – T. 30, № 1. – S. 47–62.

11. Solov'ev V. S. Russkaya ideya / per. s fr. G. A. Rachinskogo ; vvod. st. i podzag. M. N. Gavrilova. – 2-e fototip. izd. – Bryussel' : Zhizn' s Bogom, 1964. – 31 s.

12. Teslya A. Slavyanofil'skie predstavleniya o «russkom» i «russkosti» v kontse 1830-kh – pervoi polovine 1840-kh godov // Patria. – 2025. – T. 2, № 2. – S. 46–58.
13. Tsao Yu., Kostritskaya T. A. Gendernoe izmerenie teorii sotsial'noi spravedlivosti v russkoi filosofii: analiz primenimosti v kitaiskom kontekste // Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya. – 2026. – T. 30, № 1. – S. 81–97.
14. Tszu Chun'min. Issledovanie «Russkoi idei» v Kitae: prisutstvie i otsutstvie // Polilog/Polylogos. – 2025. – T. 9, № 1. – S. 1–15.
15. Chzhan Likun', Chzhan Syao. Izuchenie filosofskogo naslediya S. S. Khoruzhego v Kitae // Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya. – 2026. – T. 30, № 1. – S. 113–126.
16. Chzhou Laishun'. Problemnoe soznanie i sistemnost' russkikh filosofov Serebryanogo veka: novye rezul'taty issledovanii filosofskoi mysli Rossii v Kitae // Patria. – 2025. – T. 2, № 2. – S. 72–83.
17. Chzhen Tao. Izuchenie i vliyanie filosofskikh idei N. A. Berdyaeva v Kitae // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2025. – № 6 (134). – S. 76–82.
18. Lv P., Tao Y. The Reception of the Yijing in the Context of Russian Orthodox Theology: A Dialectical Reconstruction of Alienation and Agreement // Religions. – 2025. – Vol. 16, no. 12. – Art. 1480. – P. 1–14.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 09.04.2026; принята к публикации 01.10.2026.

The article was submitted 12.02.2026; approved after reviewing 09.04.2026; accepted for publication 01.10.2026.

5.7.7. Социальная и политическая философия

Научная статья
УДК 177.9:321.01

ГРАНИЦЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ЧЕСТНОСТИ: ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ, ИНСТИТУТ СЕМЬИ И РЕАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В КРИТИКЕ ТЕОРИИ ДЖОНА РОЛЗА

Шаровара Кристина Артемовна, кандидат философских наук, ассистент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, Россия, Новочеркасск, kristina_sharovara@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются нормативные границы концепции справедливости как честности Джона Ролза посредством сопоставления критических аргументов Роберта Нозика, Сьюзен Моллер Окин и Амартии Сена. Цель исследования заключается в установлении того, насколько принципы Ролза позволяют оценивать общественное неравенство, обусловленное происхождением имущественных прав, внутрисемейным распределением обязанностей и различиями в способности граждан использовать доступные социальные блага. Методологическую основу составляют сравнительный анализ нормативных концепций и рациональная реконструкция философской аргументации. Учитывается развитие позиции Ролза от первоначальной договорной модели к политическому либерализму и позднему изложению справедливости как честности. Установлено, что рассматриваемые возражения обнаруживают три различных ограничения теории: недостаточную определенность оснований имущественных притязаний, неоднозначность границ базовой структуры общества и недостаточность ресурсных показателей для оценки положения граждан. Обосновано, что данные ограничения не опровергают приоритет равных основных свобод и справедливого общественного сотрудничества, однако требуют уточнения институциональных условий их осуществления. Предложена концептуальная модель,

разграничивающая правомерность приобретения благ, социальные условия формирования жизненных возможностей и действительную доступность ресурсов. Сделан вывод о возможности содержательного развития справедливости как честности без отказа от ее основополагающих нормативных принципов.

Ключевые слова: справедливость как честность, Джон Ролз, базовая структура общества, права собственности, гендерное неравенство, первичные социальные блага, реальные возможности.

Original article

THE LIMITS OF JUSTICE AS FAIRNESS: PROPERTY RIGHTS, THE FAMILY, AND SUBSTANTIVE CAPABILITIES IN CRITIQUES OF JOHN RAWLS'S THEORY

Sharovara Kristina Artemovna, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia, kristina_sharovara@mail.ru

Abstract. The article examines the normative limits of John Rawls's theory of justice as fairness through a comparative analysis of the arguments developed by Robert Nozick, Susan Moller Okin, and Amartya Sen. The study aims to determine whether Rawlsian principles provide adequate grounds for assessing inequalities arising from property entitlements, the distribution of family responsibilities, and individuals' differing abilities to use available social resources. The methodological framework combines comparative normative analysis with rational reconstruction of philosophical arguments. Particular attention is paid to the development of Rawls's position from its original contractarian formulation to political liberalism and his later restatement of justice as fairness. The analysis identifies three distinct limitations: the justification of property entitlements, the institutional boundaries of the basic structure, and the adequacy of primary social goods as a measure of individual advantage. It is

argued that these objections do not invalidate the priority of equal basic liberties or fair social cooperation, but require a more precise account of the institutional conditions under which citizens exercise their freedoms. The article proposes a conceptual framework distinguishing legitimate resource acquisition, the social formation of opportunities, and the effective accessibility of social goods. The findings suggest that justice as fairness can accommodate significant elements of the examined criticisms without abandoning its fundamental normative commitments.

Keywords: justice as fairness, John Rawls, basic structure of society, property rights, gender inequality, primary social goods, substantive capabilities.

Введение. Проблема социальной справедливости занимает центральное место в современной политической философии, поскольку затрагивает основания легитимности общественных институтов, пределы индивидуальной свободы и допустимость социально-экономического неравенства. Существенное влияние на развитие соответствующей дискуссии оказала концепция Джона Ролза, первоначально изложенная в A Theory of Justice (1971). Предложенная им модель справедливости как честности изменила характер нормативной аргументации, поставив в центр исследования условия общественного сотрудничества между свободными и равными гражданами. Справедливость стала рассматриваться преимущественно как характеристика основных институтов общества, определяющих распределение прав, обязанностей и жизненных преимуществ.

Теоретическое значение ролзианского подхода связано с попыткой согласовать индивидуальную автономию и требования социального равенства без обращения к единому представлению о благой жизни. В основе концепции находится гипотетическое исходное положение, участники которого выбирают принципы общественного устройства, не располагая сведениями о собственных преимуществах. Завеса неведения исключает возможность обосновывать институциональные правила исключительно интересами определенной

социальной группы. Договорная процедура при этом имеет нормативное, а не историческое значение: речь идет об условиях беспристрастного выбора, а не о реальном соглашении граждан.

Последующее развитие теории существенно изменило содержание ряда ее первоначальных положений. В Political Liberalism (1993) Ролз рассматривает возможность устойчивого политического согласия в условиях мировоззренческого плюрализма. Работа Justice as Fairness: A Restatement (2001) уточняет структуру принципов справедливости, представление о гражданине и допустимые формы экономической организации. Поэтому критические аргументы, обращенные к ранней версии концепции, требуют пересмотра с учетом ее поздней редакции. Л. Венар в своей систематической реконструкции философии Ролза, обновленной в 2025 году, учитывает изменения его политико-философской позиции [1].

В отечественных исследованиях справедливость как честность рассматривается преимущественно в связи с договорным обоснованием общественного порядка и проблемой согласования индивидуальных интересов. Г. В. Ниорадзе характеризует социальную справедливость как существенное условие общественного сотрудничества, не сводимое к максимизации коллективной полезности [2]. Вместе с тем признание договорных оснований политической легитимности не устраняет вопроса о том, насколько полно исходная теоретическая модель учитывает реальные условия формирования общественного неравенства.

Особое значение приобретают возражения, направленные против различных предпосылок ролзианского понимания справедливости. Роберт Нозик оспаривает допустимость оценки имущественных отношений независимо от истории приобретения собственности. Сьюзен Моллер Окин обращает внимание на противоречия между формальным гражданским равенством и зависимостью жизненных перспектив от внутрисемейных отношений. Амартия Сен рассматривает недостаточность первичных социальных благ для определения

действительной свободы человека. Каждое из этих направлений затрагивает самостоятельный нормативный вопрос, поэтому их объединение в общую критику распределительного равенства представляется методологически неоправданным.

Цель исследования заключается в определении границ справедливости как честности посредством сопоставления трех критических аргументов, относящихся к основаниям имущественных прав, положению семьи в общественной структуре и оценке реальных возможностей граждан. Основной исследовательский вопрос состоит в том, позволяют ли принципы Ролза обоснованно оценивать неравенство, причины которого не сводятся к распределению первичных социальных благ.

Рабочая гипотеза предполагает, что рассмотренные возражения обнаруживают не единое внутреннее противоречие ролзианской теории, а различные пределы ее применения. Их последовательное разграничение позволяет установить, какие положения справедливости как честности сохраняют нормативную состоятельность и какие нуждаются в содержательном уточнении.

Обзор литературы. Исследования свидетельствуют о сохранении интереса к нормативным основаниям справедливости как честности при заметном смещении внимания от общего противопоставления либеральных концепций к анализу отдельных институциональных проблем. В обновленном исследовании Л. Венара [1] подробно рассматривается зрелая теория Ролза, включая исходное положение, базовую структуру общества, политический конструктивизм и соотношение основных принципов справедливости. Значение данной работы определяется возможностью сопоставлять критические аргументы не только с первоначальной договорной моделью, но и с результатами ее последующего пересмотра.

В работе М. Кржижечки исследуется использование Нозиком локковской концепции естественного права собственности как одного из оснований

либертарианской философии [3]. Автор указывает на затруднения, возникающие при включении отдельных положений Локка в самостоятельную нормативную конструкцию. В российской литературе К. Е. Морозов рассматривает оговорку Нозика, ограничивающую первоначальное присвоение природных ресурсов, и связанные с ней возможности обоснования компенсационных обязательств [4]. С. Сёдерлунд, анализируя трудовые отношения, обнаруживает недостаточность формального добровольного согласия для оценки справедливости соглашений, заключаемых в условиях выраженной социально-экономической зависимости [5].

Сравнение теорий Ролза и Нозика с позиций экономической науки проведено Е. М. Скаржинской и В. И. Цуриковым [6]. Авторы обращаются к последствиям альтернативных нормативных требований для организации общественных благ и экономического сотрудничества. П. Форрестер развивает проблематику собственности, разграничивая ценность природных ресурсов и результаты индивидуального труда [7]. Представленные исследования показывают, что противоречие между либертарианством и распределительным эгалитаризмом не ограничивается допустимостью налогообложения: самостоятельного обоснования требуют исходные имущественные притязания и общественные условия их признания.

Феминистская критика ролзианской теории получила дальнейшее развитие в работе К. Чемберс, посвященной проблеме включения семьи в базовую структуру общества [8]. Исследовательница показывает, что неопределенность положения семейных отношений затрагивает само разграничение общественных институтов и частного поведения. К. Кэмпбелл и П. Эмертон рассматривают обязанности родителей не допускать дискриминации детей, обнаруживая напряжение между автономией семейной жизни и нормативными требованиями равного доступа к социальным благам [9]. В совокупности данные работы позволяют анализировать семью не как частный пример неравенства, а как институт, определяющий условия формирования

будущих граждан.

Методологическая роль исходного положения рассматривается М. Н. Экзековой [10]. Существенным для настоящего исследования является разграничение беспристрастности процедуры выбора принципов и полноты обстоятельств, учитываемых при их осуществлении. Даже последовательное исключение сведений об индивидуальных преимуществах участников гипотетического соглашения не гарантирует, что все социальные причины неравенства получат достаточное объяснение.

Особое направление современной дискуссии связано с подходом возможностей. И. Робейнс и М. Ф. Бюсков разграничивают предоставленные человеку средства, фактически достигнутые состояния и доступные альтернативы деятельности [11]. Д. Талбот обращается к значению данного подхода для оценки образовательных возможностей, показывая необходимость учитывать условия использования предоставленных социальных ресурсов [12]. Эти исследования позволяют уточнить критику Сена: ее предметом выступает не отрицание значения распределения благ, а недостаточность ресурсных показателей для оценки действительной свободы.

Вместе с тем три направления критики преимущественно развиваются самостоятельно. Остается недостаточно выясненным вопрос о том, как эти направления критики соотносятся в рамках единой нормативной концепции и какие изменения в теории справедливости как честности необходимы для ответа на соответствующие возражения. Данное обстоятельство определяет содержание настоящего исследования.

Организация и методология исследования. Исследование имеет теоретико-философский характер и основывается на сравнительном анализе нормативных концепций, рациональной реконструкции аргументации и исследовании институциональных условий осуществления принципов справедливости. Предметом сопоставления выступают положения Ролза, Нозика, Окин и Сена, рассматриваемые с учетом современной научной

литературы.

Исходным методологическим требованием является разграничение нормативного основания и условий его практического осуществления. Первое позволяет определить, почему конкретное общественное отношение следует считать справедливым или несправедливым. Вторые характеризуют обстоятельства, при которых соответствующее требование действительно соблюдается. Такое различение необходимо, поскольку формальная правомерность действий и справедливость институтов, в рамках которых они совершаются, не всегда совпадают.

Сравнительная реконструкция строится по единой системе критериев. Для каждого возражения определяются его предмет, нормативное основание предлагаемой альтернативы, предполагаемая роль общественных институтов и возможность ответить на критику с позиций поздней теории Ролза. Особое внимание уделяется различию между возражениями, затрагивающими фундаментальные принципы справедливости, и проблемами, возникающими при неполном применении этих принципов.

Таблица 1. Нормативные основания критики справедливости как честности

Критерий	Р. Нозик	С. М. Окин	А. Сен
Предмет критики	Происхождение имущественных прав	Положение семьи в базовой структуре	Достаточность первичных социальных благ
Основной вопрос	Правомерно ли приобретено имущество?	Обеспечены ли равные условия гражданского развития?	Может ли человек реально использовать доступные средства?
Нормативное основание	Историческая правомерность приобретения и передачи	Равноправие граждан и справедливость семейных отношений	Содержательная свобода выбора
Ограничение теории Ролза	Недостаточная определенность оснований собственности	Неоднозначность границ публичной и частной сфер	Различие ресурсов и возможностей их использования
Возможность уточнения	Обоснование справедливых правил собственности	Учет общественных последствий семейной организации	Дополнительная оценка доступности основных свобод

Источник: составлено на основе сравнительного анализа нормативных

концепций.

Представленная система позволяет избежать механического объединения несовместимых философских положений. Каждая критическая позиция рассматривается как самостоятельная проверка определенного элемента справедливости как честности. Результатом исследования должно стать установление границ нормативной достаточности теории.

Результаты исследования и их обсуждение. Ролз рассматривает общество как систему сотрудничества свободных и равных граждан, существующую на протяжении нескольких поколений. Условия такого сотрудничества должны быть приемлемыми независимо от конкретного положения человека в общественной иерархии. Исходное положение (original position) представляет собой гипотетическую ситуацию выбора принципов справедливости. Завеса неведения (veil of ignorance) исключает сведения о социальном происхождении, имущественном состоянии и других обстоятельствах, способных обусловить предпочтение частных интересов.

Договорная конструкция направлена на обоснование двух принципов. Первый закрепляет равное право каждого гражданина на достаточную систему основных свобод, совместимую с аналогичными свободами остальных. Второй допускает социальное и экономическое неравенство при условии справедливого равенства возможностей и наибольшей выгоды для наименее обеспеченных членов общества. Основные свободы обладают приоритетом перед распределительными требованиями; внутри второго принципа справедливое равенство возможностей предшествует принципу различия (difference principle) [1].

Указанная последовательность исключает возможность оправдывать ограничение основных прав исключительно увеличением материального благосостояния. В то же время принцип различия не требует одинакового распределения доходов. Неравенство допустимо, если возникает в рамках справедливых институтов и соответствует установленным нормативным

условиям. Следовательно, справедливость как честность не сводится ни к перераспределению ресурсов, ни к максимальному улучшению положения определенной общественной группы.

Предметом нормативной оценки выступает базовая структура общества, включающая важнейшие политические, правовые, экономические и социальные институты. Их значение определяется устойчивым влиянием на жизненные перспективы граждан. Поэтому формальная добровольность отдельной сделки или равенство юридических прав еще не свидетельствуют о справедливости общественного устройства, если соответствующие отношения возникают в условиях систематического неравенства возможностей.

Ролз использует первичные социальные блага (social primary goods) в качестве общего основания сравнения положения граждан. К ним относятся основные права и свободы, возможности занимать общественные должности, доход, богатство и социальные основания самоуважения. Предполагается, что данные средства необходимы для осуществления различных рациональных жизненных планов независимо от индивидуальных представлений о благополучии.

Между тем обладание ресурсами не всегда совпадает с возможностью их использования. Кроме того, общественные преимущества могут возникать внутри отношений, формально относимых к частной жизни. Вопросы правомерности первоначального приобретения собственности также не исчерпываются последующим распределением благ. Указанные обстоятельства позволяют определить основные направления критического анализа.

Поздняя редакция ролзианской концепции учитывает часть подобных затруднений. Политический либерализм обращен к обоснованию справедливых институтов в условиях разумного мировоззренческого плюрализма. В экономической сфере Ролз отказывается от отождествления справедливого устройства с обычным государством благосостояния, рассматривая демократию собственников и либеральный социализм как возможные формы

институционального обеспечения равного гражданства. Тем самым нормативная оценка охватывает не только результаты распределения, но и условия формирования имущественных и социальных преимуществ.

Однако поздние уточнения не исключают необходимости определить, насколько полно теория учитывает происхождение прав собственности, институциональное значение семьи и реальные условия осуществления гражданских свобод.

Либертарианская теория Нозика исходит из нормативного приоритета индивидуальных прав, ограничивающих допустимое вмешательство государства. В отличие от концепций, оценивающих справедливость по заданной схеме распределения благ, историческая теория справедливости требует учитывать обстоятельства возникновения имущественных притязаний. Если имущество приобретено правомерно и передано добровольно, само по себе возникновение неравенства не образует достаточного основания для его устранения.

Нормативная конструкция Нозика предполагает справедливость первоначального приобретения, правомерность последующей передачи и необходимость исправления предшествующих нарушений. Последнее условие особенно существенно: существующее имущественное распределение не признается справедливым исключительно вследствие фактического обладания собственностью. Его оценка зависит от истории приобретений и соблюдения соответствующих прав.

Классический аргумент Нозика против устойчивого распределительного образца раскрывается в примере с баскетболистом Уилтом Чемберленом. Даже если первоначальное распределение соответствует избранному принципу справедливости, добровольные платежи множества зрителей изменяют имущественное положение спортсмена. Последующее восстановление исходного распределения потребовало бы ограничить свободу граждан распоряжаться законно принадлежащими им средствами.

Это рассуждение показывает, что сохранение неизменного распределения благ трудно совместить с добровольной передачей имущества. Однако его применимость к принципу различия Ролза ограничена. Справедливость как честность не предполагает непрерывного восстановления конкретного распределения доходов после каждой частной сделки. Нормативные требования относятся прежде всего к системе институтов, в пределах которой граждане приобретают имущество и заключают соглашения.

Вместе с тем ссылка на базовую структуру не устраняет вопроса о моральных основаниях самих имущественных прав. Если справедливость собственности определяется установленными общественными правилами, необходимо объяснить, почему соответствующие правила должны признаваться правомерными. Отсутствие такого объяснения способно привести к круговому обоснованию: права считаются справедливыми потому, что установлены институтами, а институты признаются справедливыми вследствие соблюдения закрепленных ими прав.

Особенно отчетливо данная проблема проявляется при первоначальном присвоении природных ресурсов. Нозик обращается к локковскому ограничению, согласно которому приобретение не должно недопустимым образом ухудшать положение остальных людей. М. Кржижечки выявляет противоречия, возникающие при использовании локковской теории собственности вне ее первоначальных нормативных оснований [3]. К. Е. Морозов рассматривает возможность выводить из соответствующего ограничения компенсационные обязательства собственников природных ресурсов [4].

В исследовании П. Форрестера [7] рассматривается различие между ценностью природного объекта и результатами человеческого труда. Право на созданные человеком улучшения еще не объясняет, почему присвоителю должна принадлежать вся экономическая ценность природного ресурса. Данное обстоятельство показывает, что защита индивидуальной собственности требует

самостоятельного обоснования пределов первоначального приобретения.

Для ролзианской теории соответствующий вопрос имеет принципиальное значение. Если собственность рассматривается как элемент системы общественных институтов, правила ее приобретения должны получать оправдание перед всеми гражданами, чьи жизненные перспективы от них зависят. При этом признание публичного характера имущественных отношений не означает допустимости произвольного перераспределения законно приобретенных благ.

Дополнительные трудности либертарианского подхода обнаруживаются при оценке трудовых соглашений. С. Сёдерлунд показывает, что формально добровольное согласие способно возникать вследствие выраженной экономической зависимости [5]. Работник может соглашаться на неблагоприятные условия не потому, что предпочитает их, а вследствие отсутствия доступных альтернатив. Следовательно, отсутствие непосредственного принуждения само по себе не означает, что условия заключения соглашения справедливы.

В этом отношении принцип справедливого равенства возможностей предоставляет более широкие основания нормативной оценки. Общественные институты должны ограничивать влияние случайных преимуществ на жизненные перспективы граждан. Однако экономическая зависимость сама по себе не превращает всякое соглашение между имущественно неравными сторонами в нарушение справедливости. Необходимо установить, какие именно институциональные обстоятельства ограничивают свободу выбора и могут быть изменены без неоправданного вмешательства в личную автономию.

Таким образом, возражение Нозика не опровергает принцип различия как требование к базовой структуре общества. Оно выявляет необходимость точного обоснования имущественных притязаний и разграничения справедливости общественных институтов и правомерности конкретных приобретений. Нормативная состоятельность экономического порядка определяется не одним

лишь итоговым распределением благ, но и основаниями признания собственности, условиями обмена и обеспечением равного гражданского положения.

Феминистская критика Окин касается границ общественных отношений, на которые распространяются принципы справедливости. Если основные институты должны обеспечивать равное положение граждан, возникает вопрос о нормативном статусе семьи, внутри которой формируются первоначальные жизненные преимущества и ограничения человека.

В ранней концепции Ролз признает семью важнейшим институтом общественного воспроизводства, обеспечивающим воспитание будущих участников социального сотрудничества. Однако внутрисемейное распределение обязанностей не получает столь же подробного нормативного обоснования, как политические и экономические отношения. Отсюда возникает затруднение: институт признается существенным для базовой структуры, но последствия его внутренней организации рассматриваются недостаточно последовательно.

Окин показывает, что формальное равенство гражданских прав способно сочетаться с устойчивым неравенством семейных обязанностей. Если основная часть неоплачиваемого домашнего труда возлагается на одного из супругов, его возможности профессионального развития и экономической самостоятельности оказываются ограниченными. При этом действующее законодательство может не содержать никаких прямых запретов, препятствующих осуществлению соответствующих прав.

Неравенство в данном случае возникает не из-за отсутствия юридического признания гражданской свободы, а вследствие общественных условий, определяющих возможность ею пользоваться. Следовательно, оценка справедливости не может ограничиваться формальным содержанием правовых гарантий.

Существенное значение имеет первоначальное представление об

участниках гипотетического соглашения как главах семей. Такая конструкция допускает рассмотрение семейных интересов в качестве единого целого, хотя реальные интересы супругов и других членов семьи могут различаться. Если положение отдельных граждан рассматривается только через положение семьи в целом, беспристрастность исходного соглашения не гарантирует, что интересы каждого из них будут в достаточной мере учтены.

Развитие данного аргумента представлено в работе К. Чемберс [8]. Автор показывает, что включение семьи в базовую структуру не устраняет всех противоречий. Необходимо определить, какие именно отношения внутри семьи должны оцениваться посредством принципов публичной справедливости. Более того, семейный пример ставит под сомнение возможность строго отделить общественные институты от индивидуальных действий, посредством которых воспроизводятся устойчивые формы неравенства.

В позднем изложении своей концепции Ролз признает институциональное значение семьи и необходимость защиты равных прав ее членов. Однако проблема границ вмешательства сохраняется. Если принципы справедливости непосредственно распространять на все внутрисемейные решения, государство получит неоправданно широкие полномочия регулирования частной жизни. Противоположная позиция, предполагающая полное исключение семьи из предмета публичной справедливости, оставляет без оценки устойчивые механизмы воспроизводства гражданского неравенства.

Более убедительное решение требует различать личные предпочтения членов семьи и общественные последствия семейной организации. Не всякое неравномерное распределение домашних обязанностей означает нарушение справедливости. Нормативное значение приобретают прежде всего обстоятельства, систематически ограничивающие экономическую независимость, образовательные возможности и осуществление основных прав определенных категорий граждан.

Такое разграничение особенно важно применительно к положению детей.

К. Кэмпбелл и П. Эмертон исследуют ограничения действующего антидискриминационного регулирования семейных отношений [9]. Авторы показывают, что распределение благ внутри семьи способно влиять на будущие возможности ребенка не менее существенно, чем решения публичных институтов. Защита семейной автономии поэтому не может безусловно оправдывать практики, препятствующие формированию равного гражданского положения.

Из этого не следует необходимость установления обязательной модели семейной жизни. Политический либерализм допускает различные формы организации частных отношений. Однако общественные институты должны обеспечивать условия, при которых семейное положение не становится устойчивым препятствием для осуществления основных свобод и справедливого доступа к общественным возможностям.

Феминистская критика позволяет сделать вывод, что границы базовой структуры нельзя определять исключительно по формальному юридическому статусу институтов. Существенное значение имеет характер их воздействия на жизненные перспективы граждан. Семейные отношения становятся предметом общественной справедливости в той мере, в какой их организация обусловливает воспроизводство зависимого положения и ограничивает возможности равноправного участия в социальной жизни.

Критика Сена обращена к способу определения относительного положения граждан. Ролз использует первичные социальные блага как универсальные средства осуществления различных жизненных планов. Такой подход позволяет избегать оценки индивидуальных предпочтений с позиций единого представления о благополучии. Однако одинаковое количество ресурсов не всегда обеспечивает людям сопоставимую свободу действий.

Сен предлагает различать доступные средства и реальные возможности (capabilities), характеризующие достижимые человеком способы деятельности и существования. Для обозначения фактически достигнутых состояний и

осуществляемых видов деятельности используется термин functionings. Разграничение имеет принципиальное значение: отсутствие определенного результата может быть следствием свободного выбора, тогда как отсутствие самой возможности его достижения свидетельствует об ограничении содержательной свободы.

И. Робейнс и М. Ф. Бюсков показывают, что преобразование ресурсов в действительные возможности зависит от индивидуальных особенностей человека, общественных условий и характеристик окружающей среды [11]. Следовательно, сопоставление социального положения исключительно по распределению материальных благ способно оставлять без внимания объективные различия в способности граждан пользоваться соответствующими средствами.

Наиболее очевидным примером является положение людей с инвалидностью. При одинаковом доходе и равных юридических правах два человека могут обладать существенно различающимися возможностями передвижения, получения образования и профессиональной деятельности. Для осуществления сопоставимой свободы одному из них необходимы дополнительные ресурсы либо специальные институциональные условия. Ресурсное равенство при их отсутствии не обеспечивает равной доступности значимых видов деятельности.

Данная проблема затрагивает и образовательную сферу. Д. Талбот рассматривает подход возможностей в связи с нормативной оценкой образования [12]. Предоставление формально одинакового доступа к образовательным институтам не гарантирует равенства условий, при которых человек способен воспользоваться полученными знаниями. Существенное значение имеют социальная среда, индивидуальные обстоятельства и характер образовательной организации.

Однако критика Сена не должна основываться на упрощенном представлении о ролзианском принципе справедливого равенства возможностей.

Для Ролза недостаточно отсутствия прямых юридических ограничений. Он требует, чтобы граждане со сходными способностями и стремлениями обладали сопоставимыми жизненными перспективами независимо от социального происхождения. Следовательно, ролзианская теория уже содержит основания для критики некоторых обстоятельств, препятствующих осуществлению формально признанных прав.

Различие между подходами Ролза и Сена становится яснее, если поставить вопрос о достаточности используемых показателей. Даже справедливая организация общественных институтов не устраняет автоматически различий между гражданами в способности превращать предоставленные средства в реальные возможности. Поэтому оценка распределения первичных благ требует дополнительных сведений о фактических условиях их использования.

Вместе с тем подход возможностей сталкивается с самостоятельной нормативной проблемой. Для оценки общественной справедливости необходимо определить, какие возможности следует считать наиболее значимыми. Если государство устанавливает исчерпывающий перечень желательных видов деятельности, возникает опасность навязывания гражданам определенного представления о благой жизни. При отсутствии содержательных критериев затрудняется обоснование приоритетов социальной политики.

Указанное затруднение требует различать позиции Сена и Марты Нуссбаум. Последняя предлагает более определенную систему центральных человеческих возможностей, тогда как Сен придает существенное значение публичному обсуждению и сравнительной оценке конкретных случаев несправедливости. Следовательно, признание ограниченности ресурсных показателей не предполагает обязательного принятия единой законченной концепции человеческого благополучия.

Для справедливости как честности наиболее обоснованным представляется использование подхода возможностей при оценке институциональных условий осуществления основных прав. Первичные блага

сохраняют значение общего основания публичного сравнения, тогда как анализ действительной свободы позволяет обнаруживать случаи, в которых их формальное предоставление оказывается недостаточным.

Такое уточнение не требует механического добавления нового принципа к двум ролзианским принципам. Оно предполагает более полное исследование обстоятельств, от которых зависит возможность граждан пользоваться уже признанными правами. Однако полная замена первичных благ системой показателей возможностей потребовала бы самостоятельного обоснования, поскольку затрагивала бы саму структуру политической концепции справедливости.

Таким образом, возражение Сена обнаруживает ограниченность ресурсной оценки индивидуального положения, не опровергая нормативного значения равных основных свобод. Справедливое распределение средств выступает необходимым, но не всегда достаточным условием осуществления содержательной свободы человека.

Принципиально важным результатом является разграничение двух видов ограничений справедливости как честности. Первый связан с недостаточной определенностью предмета нормативной оценки, второй — с неполным учетом условий применения этих принципов. К нему относятся вопросы первоначального приобретения собственности и границ действия требований справедливости внутри семьи. Второй обусловлен неполнотой сведений, используемых для установления соответствия общественных институтов признанным принципам. Такова проблема реальной доступности первичных социальных благ.

Данное различие позволяет избежать вывода о том, что всякое критическое возражение требует пересмотра фундаментальных принципов Ролза. Некоторые затруднения разрешаются посредством уточнения институциональных условий их применения. Другие затрагивают исходные нормативные предпосылки и потому предполагают более глубокое теоретическое обоснование.

Наиболее существенное расхождение сохраняется между либертарианским приоритетом имущественных прав и ролзианским пониманием справедливого сотрудничества. Противоречие касается основания допустимых общественных обязанностей, а не только способов перераспределения доходов. Полного согласования соответствующих позиций нельзя достичь без изменения одной из них.

Возражение Окин в большей степени допускает внутреннее развитие справедливости как честности, поскольку основано на требованиях равного гражданства и справедливого равенства возможностей. Вместе с тем оно сохраняет самостоятельную критическую силу: признание семьи элементом базовой структуры не устраняет трудности разграничения публичных институтов и личных отношений.

Подход Сена позволяет выявлять ограничения ресурсной оценки, однако его использование требует различать действительную свободу выбора и достигнутые индивидуальные результаты. Если любое различие последних считать свидетельством несправедливости, политическая теория утратит способность учитывать личную автономию. Поэтому предметом нормативного исследования должны становиться прежде всего ограничения доступных возможностей, обусловленные общественными институтами.

Сопоставление рассмотренных аргументов позволяет уточнить содержание институциональной справедливости. Общественный порядок не может быть признан справедливым исключительно вследствие формального равенства прав, если их осуществление устойчиво зависит от обстоятельств, которые граждане не выбирали и которые могут быть изменены посредством публично оправданных институтов. Однако из этого не следует обязанность государства обеспечивать одинаковые индивидуальные результаты либо устранять все различия между жизненными планами.

Политический либерализм Ролза сохраняет значение именно потому, что разграничивает справедливые условия сотрудничества и содержание

индивидуальных представлений о благополучии. Расширение анализа общественных институтов допустимо постольку, поскольку направлено на обеспечение равных гражданских свобод и не превращается в установление обязательной модели достойной жизни.

Следовательно, научный результат проведенного сопоставления состоит в определении различных границ нормативной достаточности справедливости как честности. Ее фундаментальные принципы сохраняют обосновывающее значение, но требуют более точного учета происхождения имущественных прав, социальных условий формирования гражданской самостоятельности и фактической доступности общественных преимуществ.

Выводы. Проведенное исследование показало, что критические аргументы Роберта Нозика, Сьюзен Моллер Окин и Амартии Сена затрагивают различные предпосылки справедливости как честности. Поэтому их нельзя рассматривать как взаимозаменяемые возражения против распределительного эгалитаризма. Нормативное расхождение касается соответственно правомерности имущественных притязаний, границ базовой структуры общества и достаточности первичных социальных благ для оценки положения граждан.

Либертарианская критика обнаруживает необходимость самостоятельного обоснования правил приобретения и передачи собственности. Историческая правомерность имущественных отношений не совпадает со справедливостью общей системы общественных институтов. Вместе с тем требования распределительной справедливости не могут оправдывать произвольное ограничение индивидуальных прав. Следовательно, имущественные отношения должны оцениваться с учетом оснований признания собственности и условий справедливого сотрудничества.

Анализ аргумента Окин позволяет установить, что семья обладает нормативным значением вследствие устойчивого влияния на формирование жизненных перспектив граждан. Ограничение предмета справедливости

публичными институтами в узком юридическом смысле оставляет без достаточной оценки отношения, воспроизводящие зависимое положение отдельных социальных групп. При этом включение семьи в базовую структуру не предполагает непосредственного распространения государственного регулирования на все формы личного поведения. Границей публичного вмешательства выступает защита равного гражданского положения.

Критика Сена выявляет расхождение между распределением социальных ресурсов и действительной возможностью их использования. Первичные блага сохраняют значение универсальных средств осуществления индивидуальных жизненных планов, однако не всегда позволяют установить степень доступности основных свобод. Дополнительная оценка реальных возможностей необходима в случаях, когда индивидуальные или общественные обстоятельства существенно ограничивают использование формально предоставленных благ.

Установлено, что рассмотренные возражения обнаруживают два различных вида ограничений справедливости как честности. Первый связан с недостаточной определенностью предмета нормативной оценки, второй — с неполнотой условий, учитываемых при применении признанных принципов. Данное разграничение позволяет избежать неоправданного отождествления критики отдельных положений теории с опровержением ее основополагающих нормативных требований.

Предложенная концептуальная модель предусматривает оценку институциональной справедливости по трем направлениям: правомерность приобретения ресурсов, общественные условия формирования возможностей и действительная доступность социальных благ. Ее назначение состоит в уточнении границ применения двух принципов Ролза, а не в построении альтернативной системы распределительной справедливости.

Основной вывод исследования заключается в том, что справедливость как честность сохраняет нормативную состоятельность при условии последовательного разграничения правомерности индивидуальных притязаний,

институциональных причин неравенства и обстоятельств осуществления гражданской свободы. Необходимость такого разграничения не опровергает ролзианскую концепцию, но свидетельствует о недостаточности формального распределения прав и ресурсов для исчерпывающей оценки справедливости общественного порядка.

Дальнейшее исследование данной проблемы предполагает определение границ публичной ответственности за условия индивидуального выбора. Особое значение имеет разграничение несправедливых общественных ограничений и различий, возникающих вследствие самостоятельных решений граждан. Разрешение этого вопроса позволит уточнить возможности институционального обеспечения равенства без отказа от принципов политического либерализма.

Список литературы

1. Wenar L. John Rawls // Stanford Encyclopedia of Philosophy. Fall 2025 Edition. Substantive revision: September 3, 2025. URL: https://plato.stanford.edu/archives/fall2025/entries/rawls/

2. Ниорадзе Г. В. Справедливость как характеристика общественного договора (концепция Дж. Ролза) // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2024. № 3. С. 47–55. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-47-55.

3. Křížecký M. The Natural Right to Property as an Instrumental Right // Human Affairs. 2024. Vol. 34. No. 3. P. 408–420. DOI: 10.1515/humaff-2024-0011.

4. Морозов К. Е. Оговорка Нозика и базовый доход // Философский журнал. 2025. Т. 18. № 1. С. 117–133. DOI: 10.21146/2072-0726-2025-18-1-117-133.

5. Söderlund S. A Labour Rights-Based Critique of Nozick's Entitlement Theory // The Stellenbosch Socratic Journal. 2024. Vol. 4. P. 23–32. URL: https://www.journals.ac.za/ssj/article/view/soderlund2024

6. Скаржинская Е. М., Цуриков В. И. Справедливость с точки зрения экономиста. Джон Ролз против Роберта Нозика // Теоретическая экономика. 2026. № 8. С. 13–29. DOI: 10.52957/2221-3260-2026-8-13-29.

7. Forrester P. Property Rights and Natural Resources // Law and Philosophy. 2026.

Published online: May 20, 2026. DOI: 10.1007/s10982-026-09566-7.

8. Chambers C. The Family as a Basic Institution: A Feminist Analysis of the Basic Structure as Subject // Freedom and Equality: Essays on Liberalism and Feminism. Oxford: Oxford University Press, 2024. P. 75–98. DOI: 10.1093/9780191919480.003.0005.

9. Campbell C., Emerton P. Parental Duties of Non-Discrimination and the Scope of Anti-Discrimination Law // The Cambridge Law Journal. 2024. Vol. 83. No. 2. P. 274–300. DOI: 10.1017/S0008197324000242.

10. Экзекова М. Н. Занавес неведения Джона Ролза как попытка возобновления дискуссии о справедливости в современном обществе // Социально-политические науки. 2026. Т. 16. № 4. С. 157–163. DOI: 10.33693/2223-0092-2026-16-4-157-163.

11. Robeyns I., Byskov M. F. The Capability Approach // Stanford Encyclopedia of Philosophy. Fall 2025 Edition. Substantive revision: April 17, 2025. URL: https://plato.stanford.edu/archives/fall2025/entries/capability-approach/.

12. Talbot D. From Powerful Knowledge to Capabilities: Social Realism, Social Justice, and the Capabilities Approach // Journal of Philosophy of Education. 2025. Vol. 59. No. 2. P. 219–239. DOI: 10.1093/jopedu/qhae050.

References

1. Wenar L. John Rawls // Stanford Encyclopedia of Philosophy. Fall 2025 Edition. Substantive revision: September 3, 2025. URL: https://plato.stanford.edu/archives/fall2025/entries/rawls/

2. Nioradze G. V. Spravedlivost` kak xarakteristika obshhestvennogo dogovora (koncepciya Dzh. Rolza) // Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie. 2024. № 3. S. 47–55. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-47-55.

3. Křížecký M. The Natural Right to Property as an Instrumental Right // Human Affairs. 2024. Vol. 34. No. 3. P. 408–420. DOI: 10.1515/humaff-2024-0011.

4. Morozov K. E. Ogovorka Nozika i bazovy`j doxod // Filosofskij zhurnal. 2025. T. 18. № 1. S. 117–133. DOI: 10.21146/2072-0726-2025-18-1-117-133.

5. Söderlund S. A Labour Rights-Based Critique of Nozick's Entitlement Theory // The Stellenbosch Socratic Journal. 2024. Vol. 4. P. 23–32. URL: https://www.journals.ac.za/ssj/article/view/soderlund2024
6. Skarzhinskaya E. M., Czurikov V. I. Spravedlivost` s tochki zreniya e`konomista. Dzhon Rolz protiv Roberta Nozika // Teoreticheskaya e`konomika. 2026. № 8. S. 13–29. DOI: 10.52957/2221-3260-2026-8-13-29.
7. Forrester P. Property Rights and Natural Resources // Law and Philosophy. 2026. Published online: May 20, 2026. DOI: 10.1007/s10982-026-09566-7.
8. Chambers C. The Family as a Basic Institution: A Feminist Analysis of the Basic Structure as Subject // Freedom and Equality: Essays on Liberalism and Feminism. Oxford: Oxford University Press, 2024. P. 75–98. DOI: 10.1093/9780191919480.003.0005.
9. Campbell C., Emerton P. Parental Duties of Non-Discrimination and the Scope of Anti-Discrimination Law // The Cambridge Law Journal. 2024. Vol. 83. No. 2. P. 274–300. DOI: 10.1017/S0008197324000242.
10. E`kzekova M. N. Zanaves nevedeniya Dzhona Rolza kak popy`tka vozobnovleniya diskussii o spravedlivosti v sovremennom obshhestve // Social`no-politicheskie nauki. 2026. T. 16. № 4. S. 157–163. DOI: 10.33693/2223-0092-2026-16-4-157-163.
11. Robeyns I., Byskov M. F. The Capability Approach // Stanford Encyclopedia of Philosophy. Fall 2025 Edition. Substantive revision: April 17, 2025. URL: https://plato.stanford.edu/archives/fall2025/entries/capability-approach/.
12. Talbot D. From Powerful Knowledge to Capabilities: Social Realism, Social Justice, and the Capabilities Approach // Journal of Philosophy of Education. 2025. Vol. 59. No. 2. P. 219–239. DOI: 10.1093/jopedu/qhae050.

Статья поступила в редакцию 14.08.2026; одобрена после рецензирования 24.09.2026; принята к публикации 01.10.2026.

The article was submitted 14.08.2026; approved after reviewing 24.09.2026; accepted for publication 01.10.2026.

Научная статья
УДК 321.7

КОНСЕНСУС И КОНФЛИКТ КАК ОСНОВАНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ: ДЕЛИБЕРАТИВНАЯ И АГОНИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ

Насибулина Анастасия Сергеевна, кандидат философских наук, научный сотрудник управления научными исследованиями, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Россия, Улан-Удэ, anastasiia-nasibulina@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения рационального согласия и политического конфликта в нормативном обосновании демократической легитимности. Цель исследования заключается в определении условий, при которых делиберативная и агонистическая модели демократии могут рассматриваться как различные способы объяснения правомерности общеобязательных решений. Методологическую основу составляют сравнительный анализ нормативных концепций, историко-философская реконструкция и понятийное разграничение форм политического согласия и несогласия. На материале исследований 2024–2026 гг. сопоставляются положения дискурсивной теории Ю. Хабермаса и агонистического плюрализма Ш. Муфф. Установлено, что принципиальное расхождение данных концепций определяется не признанием либо отрицанием политических противоречий, а различным пониманием условий демократического участия и нормативных границ конфликта. Обосновано различие процедурного, содержательного и временного измерений легитимности. Показано, что признание правомерности коллективного решения не предполагает обязательного согласия с его содержанием, если граждане сохраняют возможность публичного оспаривания и последующего пересмотра установленных правил. Предложена нормативная интерпретация демократической легитимности, связывающая публичное обоснование власти с

институционально обеспеченным правом на политическое несогласие.

Ключевые слова: демократическая легитимность, делиберативная демократия, агонистический плюрализм, политический конфликт, публичное обоснование, рациональный консенсус, политическое равенство.

Original article

CONSENSUS AND CONFLICT AS FOUNDATIONS OF DEMOCRATIC LEGITIMACY: DELIBERATIVE AND AGONISTIC MODELS OF DEMOCRACY

Nasibulina Anastasiia Sergeevna, Candidate of Philosophical Sciences, Researcher, East Siberia State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russia, anastasiia-nasibulina@rambler.ru

Abstract. The article examines the relationship between rational consensus and political conflict in normative accounts of democratic legitimacy. Its purpose is to determine the conditions under which deliberative and agonistic models offer different explanations of the legitimacy of collectively binding decisions. The methodology combines comparative normative analysis, historical-philosophical reconstruction, and conceptual distinctions between political agreement and disagreement. Drawing on academic publications from 2024 to 2026, the study examines Jürgen Habermas's discourse theory and Chantal Mouffe's agonistic pluralism. It argues that their fundamental disagreement concerns the conditions of democratic participation and the normative boundaries of political conflict rather than the mere recognition or rejection of disagreement. Three dimensions of democratic legitimacy are distinguished: procedural, substantive, and temporal. The analysis demonstrates that recognizing the legitimacy of a collective decision does not require agreement with its content, provided that citizens retain effective opportunities to contest and revise established rules. The article develops a normative interpretation of democratic legitimacy linking public justification of political authority with the institutionally protected right to

political dissent. The proposed approach preserves the conceptual differences between deliberative and agonistic theories while identifying the conditions under which their normative requirements can be considered compatible.

Keywords: democratic legitimacy, deliberative democracy, agonistic pluralism, political conflict, public justification, rational consensus, political equality.

Введение. Проблема демократической легитимности возникает вследствие необходимости принимать общеобязательные решения в условиях устойчивого несовпадения политических убеждений, социальных интересов и представлений о справедливости. В отличие от порядка, основанного исключительно на принуждении, демократия предполагает признание граждан равноправными участниками политической жизни. Вместе с тем обязательность принимаемых решений распространяется и на тех, кто не поддерживал их содержание. Возникающее противоречие требует определить основания, позволяющие считать осуществление власти правомерным при отсутствии всеобщего общественного согласия.

Современная политическая философия предлагает различные способы разрешения данной проблемы. Делиберативная традиция, получившая последовательное выражение в дискурсивной теории Ю. Хабермаса, связывает демократическую легитимность с публичным обоснованием решений и возможностью рационального обсуждения политических требований. Агонистическая концепция Ш. Муфф исходит из неустранимости политических противоречий и рассматривает открытое соперничество общественных сил как необходимое условие демократического порядка. Различие указанных подходов затрагивает основания политического равенства, допустимые способы осуществления власти и пределы общественного согласия.

Противопоставление двух концепций нередко воспроизводится через различие между рациональным консенсусом и политическим конфликтом. Однако делиберативная демократия не требует фактического единомыслия

граждан по всем общественным вопросам. Равным образом агонистический плюрализм не предполагает отрицания любых общих норм: признание политического противника правомерным участником демократического соперничества уже содержит определённое нормативное требование. Следовательно, исследовательская проблема заключается не в установлении предпочтительности согласия либо конфликта, а в выяснении характера их отношения к легитимности политического порядка.

Дополнительную сложность создаёт различие между правомерностью политического решения и его общественным одобрением. Соблюдение предусмотренных законом процедур не всегда обеспечивает справедливое распределение возможностей участия. Напротив, широкая поддержка политической меры не исключает нарушения прав меньшинства. Поэтому демократическую легитимность нельзя полностью отождествлять ни с формальной законностью, ни с поддержкой большинства.

Актуальность рассматриваемой проблемы усиливается изменением условий публичной коммуникации. Развитие цифровых средств политического взаимодействия расширяет возможности выражать общественные требования, но одновременно выявляет новые формы неравенства в способности влиять на публичное обсуждение. Возникает необходимость оценивать демократический характер политического участия не только по доступности публичного высказывания, но и по способности граждан воздействовать на содержание принимаемых решений.

Цель исследования состоит в определении нормативных условий совместимости рационального согласия и институционально выраженного политического несогласия в рамках демократической легитимности. Объектом выступает демократический порядок как форма осуществления публичной власти, предметом — основания признания общеобязательных решений в делиберативной и агонистической теориях демократии.

Исследовательский вопрос формулируется следующим образом:

предполагает ли демократическая легитимность достижение рационально мотивированного согласия относительно содержания политических решений или её необходимым условием является сохранение возможности организованного политического противостояния?

Исходная гипотеза заключается в том, что данная альтернатива возникает вследствие недостаточного различения предметов политического согласия. Признание равного статуса граждан, одобрение конкретного властного решения и согласие соблюдать действующие правила до их возможного пересмотра представляют собой различные отношения. Их разграничение позволяет исследовать публичное обоснование власти и политический конфликт как самостоятельные нормативные условия демократии.

Научная новизна работы определяется обоснованием процедурного, содержательного и временного измерений демократической легитимности. Предлагаемый подход устанавливает связь между оправданностью решения, сохранением политического равенства и возможностью последующего пересмотра общеобязательных норм без сведения демократии к окончательному консенсусу либо неограниченному общественному противостоянию.

Обзор литературы. Современные исследования демократической легитимности отличаются разнообразием нормативных оснований, используемых для объяснения правомерности политической власти. В обновлённой в 2024 г. работе Т. Кристиано и С. Баджаджа рассматриваются самостоятельная ценность демократических процедур, проблема политического авторитета и значение равенства граждан при принятии коллективных решений [1]. Существенное место занимает различение достоинств самой демократической процедуры и качества результатов её осуществления. Данная постановка вопроса позволяет установить, что поддержка определённой политической меры не выступает достаточным основанием признания правомерности способов её принятия.

Систематизация современных нормативных концепций представлена в

монографии Н. А. Шавеко «Современные западные теории демократии» (2025). Автор прослеживает развитие политико-философских представлений от демократического элитизма к моделям участия, совещательной демократии и агонистического плюрализма. Особого внимания заслуживает рассмотрение этих направлений как различных ответов на затруднения представительного правления [2]. Такая перспектива позволяет исследовать расхождения Хабермаса и Муфф в пределах общей проблемы демократической легитимности, не превращая их сопоставление в последовательное изложение отдельных концепций.

В работе М. Д. Марей (2026) анализируется агонистическая теория Ш. Муфф и её связь с критикой либеральных моделей демократии. Принципиальное значение придаётся различению антагонизма и агонизма, а также преобразованию отношений политической вражды в соперничество участников, признающих взаимную легитимность [3]. Автор обращает внимание на ограниченность агонистической модели в вопросах институционального обеспечения общественного противостояния. Это исследование помогает определить нормативные границы конфликта: одного лишь признания его политической неизбежности для этого недостаточно.

В. Аугуст и М. Вестфаль в статье «Theorizing Democratic Conflicts beyond Agonism» (2024) предлагают рассматривать демократический конфликт с учётом характера его развития, условий обострения и возможностей урегулирования [4]. Авторы подвергают критике теоретические подходы, приписывающие конфликту положительное демократическое значение без достаточного внимания к его конкретным формам. Их исследование позволяет поставить вопрос о различии между противостоянием, расширяющим политическое участие, и конфликтом, разрушающим предпосылки демократического взаимодействия.

Нормативные основания делиберативной демократии подробно рассматриваются Н. А. Шавеко в статье 2024 г., посвящённой моделям

совещательной демократии [5]. Исследователь разграничивает способы обоснования публичного обсуждения, обращая внимание на различие между его предполагаемой способностью улучшать политические решения и самостоятельной ценностью равного участия граждан. В другой работе автор рассматривает аргументы в пользу публичного дискурса и пределы их нормативной состоятельности [7]. Эти положения имеют значение для критики упрощённого представления о делиберации как процедуре обязательного достижения единодушия.

Непосредственное сопоставление дискурсивной теории Хабермаса и агонистического плюрализма Муфф выполнено М. Р. Демирджи [6]. Автор рассматривает различия в понимании легитимности, гражданского участия, публичной сферы и политического представительства. При этом тезис о необходимости сочетать демократические практики, ориентированные на достижение согласия и на открытое политическое соперничество, не объясняет нормативных оснований их совместимости. Последний требует самостоятельного рассмотрения, поскольку признание практической значимости различных способов политического взаимодействия ещё не объясняет условий их правомерности.

Критика недостаточного внимания к отношениям власти получает развитие в исследовании Л. Э. Крокенеса (2025), посвящённом политическому значению агонистической демократии [8]. Автор показывает, что агонистическое участие нельзя ограничивать открытым выражением разногласий: существенна способность общественных движений изменять распределение политического влияния. Нормативное обоснование демократических процедур с иной стороны рассматривается Шавеко в работе «О самоценности демократии» (2024), где анализируются пределы аргументов, связывающих демократическую правомерность с народным самоуправлением, политическим равенством и правилом большинства [9].

Особую группу составляют современные исследования конкретных

процедур гражданского участия. М. Германн (2025) установил, что недостаточная представительность совещательных мини-групп отрицательно влияет на восприятие легитимности политического процесса [10]. И. Говартс, Й. де Фине Лихт и С. Мариен (2025) показали значение публичного объяснения причин, по которым представители власти отклоняют рекомендации участников гражданских обсуждений [11]. В свою очередь, С. Сориал и Ш. Моррис (2025) рассматривают затруднение, возникающее при необходимости сочетать качество обсуждения с широтой политического участия [12]. Полученные результаты позволяют уточнить связь между нормативными требованиями делиберации и фактическими условиями её институционального осуществления.

Таким образом, исследования раскрывают различные основания публичного обоснования власти, характер политического соперничества и ограничения отдельных институтов гражданского участия. Вместе с тем сохраняется необходимость разграничить согласие относительно правил демократического взаимодействия, признание конкретных решений и возможность их последующего оспаривания. Именно данное различие положено в основу дальнейшего анализа.

Методологическая и теоретическая база исследования. Методологическую основу работы составляет сравнительный нормативный анализ, направленный на выявление философских предпосылок делиберативной и агонистической концепций демократии. В отличие от эмпирического исследования общественного доверия, нормативный подход предполагает выяснение оснований, позволяющих считать политическое решение правомерным независимо от степени его фактической популярности.

Историко-философская реконструкция используется для определения содержания основных положений дискурсивной теории Ю. Хабермаса и агонистического плюрализма Ш. Муфф. Сопоставление проводится по общим критериям, связанным с источником легитимности, статусом политического конфликта, возможностью консенсуса, ролью публичного разума, границами

политического участия и отношением к власти. Указанные параметры позволяют рассматривать концепции в едином исследовательском поле, сохраняя различия их исходных нормативных предпосылок.

Понятийный анализ требует разграничения рационального согласия, политического компромисса и вынужденного подчинения. Рациональное согласие предполагает признание участниками достаточной обоснованности предъявленных доводов. Компромисс допускает сохранение несовпадающих убеждений при взаимных уступках. Подчинение может возникать независимо от признания правомерности решения вследствие существующего распределения властных полномочий. Внешне эти формы отношения к политическому решению могут выглядеть одинаково, однако их нормативный смысл различается.

Политический конфликт определяется как выраженное в общественном взаимодействии противоречие между притязаниями участников относительно распределения власти, признания интересов или содержания общеобязательных решений. При таком понимании конфликт не обязательно связан с насилием и может протекать в рамках закона. Вместе с тем различие мнений не всегда приобретает характер политического противостояния: для этого необходимо его общественное выражение и связь с определением содержания либо порядка осуществления власти.

В качестве исходного нормативного условия рассматривается политическое равенство граждан, которое не исчерпывается формально одинаковым правом голоса. Существенное значение имеет возможность предъявлять общественно значимые требования, оспаривать решения и добиваться изменения установленных правил. Результаты современных эмпирических исследований используются для уточнения соответствующих философских аргументов, но не рассматриваются как экспериментальное доказательство предлагаемой нормативной конструкции.

Результаты исследования и их обсуждение. Делиберативная теория

исходит из того, что правомерность политического решения не может определяться исключительно соответствием заранее установленной процедуре голосования. Применение публичной власти требует обоснования перед гражданами, на которых распространяется действие принимаемых мер. Существенным становится не только результат коллективного волеизъявления, но и возможность рассматривать предъявляемые основания в условиях политического равенства.

В дискурсивной теории Хабермаса указанное требование связано с представлением о рациональном формировании общественного мнения и политической воли. Участники публичного обсуждения рассматриваются как лица, способные оценивать доводы друг друга и пересматривать собственные позиции. Легитимность определяется не простым совпадением индивидуальных предпочтений, а условиями, при которых решение может быть оправдано перед гражданами как свободными и равными участниками политического сообщества.

Принципиальное значение имеет различие между фактическим согласием и нормативной возможностью рационального признания. Реальное политическое обсуждение может завершиться голосованием либо компромиссом при сохранении существенных разногласий. Из этого не следует, что сама делиберативная процедура утрачивает смысл. Её назначение состоит в обеспечении публичного рассмотрения аргументов, а не в обязательном устранении несовпадающих убеждений.

Вместе с тем подобная интерпретация сталкивается с вопросом о социальной обусловленности публичного разума. Неравенство доступа к образованию, информационным ресурсам и средствам политического влияния непосредственно воздействует на способность граждан участвовать в обсуждении общественных вопросов. Формальное право представить собственные доводы ещё не гарантирует, что их рассмотрят наравне с доводами других участников.

Особого внимания заслуживает способность политических институтов определять круг проблем, допускаемых к обсуждению. При сохранении неравного влияния часть общественных требований может исключаться уже на этапе формирования политической повестки. В таких обстоятельствах соблюдение последующих процедур не устраняет первоначального ограничения гражданского участия.

Следовательно, рациональный характер публичной аргументации не должен отождествляться с фактическими условиями её существования. Делиберативная теория сохраняет критическое значение именно тогда, когда требование равного рассмотрения доводов распространяется на правила организации самой дискуссии. Граждане должны иметь возможность оспаривать не только содержание предлагаемого решения, но и условия, определяющие допустимость политического высказывания.

Шавеко справедливо обращает внимание на различие между обоснованием делиберации через предполагаемое улучшение качества решений и признанием самостоятельной ценности публичного обсуждения [7]. Данное обстоятельство позволяет избежать зависимости нормативной состоятельности демократии от предположения, будто рациональный дискурс неизменно обеспечивает правильный результат. Достаточным основанием для признания его политической значимости выступает возможность граждан участвовать в определении общеобязательных правил посредством публично рассматриваемых аргументов.

Однако сам факт проведения обсуждения ещё не обеспечивает равенства политического влияния. Власть способна выслушивать возражения, не изменяя характерных для неё способов принятия решений. Отсюда возникает необходимость различать доступность публичного высказывания и действительную возможность воздействия на политический порядок.

Делиберативная модель наиболее убедительна при понимании публичного обоснования как постоянного нормативного требования, адресованного

политическим институтам. Решение сохраняет правомерность не потому, что все граждане признали его правильным, а потому, что основания его временной обязательности открыты для общественной критики. Вместе с тем подобное объяснение ещё не устанавливает, каким образом неравномерное распределение власти может быть изменено участниками, чьи требования систематически не получают признания.

Агонистическая концепция Муфф предлагает иной способ объяснения демократического порядка. Её исходное положение заключается в признании неустранимости политических противоречий, возникающих вследствие несовпадения общественных интересов и борьбы за определение содержания коллективной жизни. Политические институты способны регулировать конфликт, однако не устраняют историческую изменчивость установленных отношений власти.

В отличие от делиберативной традиции, агонистический плюрализм не рассматривает рациональное согласие в качестве необходимого ориентира политического взаимодействия. Любой достигнутый консенсус возникает в конкретных общественных условиях и отражает определённое соотношение политических сил. Признание его окончательным результатом рационального обсуждения способно скрывать обстоятельства, при которых некоторые интересы получили преимущество, тогда как другие остались за пределами общественно признанной повестки.

В философии Муфф существенное значение приобретает понятие гегемонии. Политический порядок закрепляет исторически сложившиеся отношения власти, но эти отношения могут изменяться. Существующие институты не выступают непосредственным выражением единой общественной рациональности; их содержание может оспариваться движениями, предлагающими иные способы организации совместной жизни. Поэтому демократия предполагает сохранение возможностей политического преобразования, не ограниченных обсуждением отдельных решений в пределах

неизменного институционального устройства.

Особенность агонистической теории наиболее отчётливо раскрывается через разграничение антагонизма и агонизма. Антагонистическое противостояние характеризуется отношением к другой стороне как к врагу, существование которого воспринимается как угроза. Агонистическое соперничество предполагает признание оппонента правомерным участником политической жизни при сохранении несовместимых убеждений относительно желаемого общественного порядка. Важнейшая задача демократических институтов заключается в создании условий, при которых политический конфликт не преобразуется в отрицание права противника на существование.

М. Д. Марей показывает, что данное различие связано с критическим переосмыслением Муфф политической философии К. Шмитта [3]. Признавая значение политических противоречий, агонистический плюрализм не принимает представление о вражде как единственно возможной форме отношений между противостоящими коллективными субъектами. Демократическая борьба должна сохранять возможность участия соперничающих сил в определении общественного порядка.

Подобная постановка вопроса позволяет выявить ограниченность концепций, связывающих политическое равенство преимущественно с соблюдением общих правил обсуждения. Граждане могут обладать формально одинаковыми правами, но существенно различаться по способности воздействовать на распределение власти. Коллективная организация и открытое политическое противостояние в таком случае выступают средствами изменения условий участия.

Критическое значение агонистического подхода подтверждается исследованием Крокенеса, в котором подчёркивается роль политических движений и их способности преобразовывать действующие отношения влияния [8]. Следовательно, признание конфликта предполагает большее, чем предоставление участникам права выражать несовпадающие мнения.

Необходимо сохранять институциональные механизмы, благодаря которым общественные требования могут влиять на политические процессы.

Однако в данной концепции возникает самостоятельное нормативное затруднение. Если любой установленный порядок представляет собой результат политического соперничества, требуется объяснить, почему одни формы противостояния признаются демократически допустимыми, а другие нарушают основания политического сообщества. Ссылка на историческую обусловленность норм не позволяет вывести критерий, отделяющий легитимного противника от участника, отрицающего равные права других граждан.

Проблема особенно заметна применительно к политическим движениям, использующим демократические свободы для ограничения возможности существования оппозиции. Их участие не может оправдываться одним лишь признанием неизбежности общественных конфликтов. Вместе с тем произвольное исключение несогласных под предлогом защиты демократии способно превратить действующий порядок в средство закрепления политического господства.

Границы допустимого противостояния следует определять по тому, сохраняется ли равный политический статус участников, а не по остроте критики действующей власти. Требования изменения конституционных правил, перераспределения общественных ресурсов либо преобразования сложившихся институтов сами по себе не свидетельствуют об антидемократическом характере политического движения. Иное значение приобретают действия, направленные на лишение определённых групп возможности участвовать в политической жизни или добиваться изменения власти посредством признанных процедур.

При этом ограничения политической деятельности также требуют публичного обоснования и независимого рассмотрения. Отсутствие подобного требования предоставило бы действующей власти возможность самостоятельно определять круг допустимых противников, исключая из него наиболее

последовательных критиков существующего порядка.

Следовательно, агонистическая демократия не освобождается от необходимости нормативного согласия. Оно относится прежде всего к признанию участников политического соперничества равноправными членами сообщества. Конкретное содержание общественных целей и способы распределения власти при этом сохраняют принципиально спорный характер.

Исследование Аугуста и Вестфаль позволяет дополнительно уточнить данное положение. Авторы обращают внимание на необходимость оценивать демократические конфликты с учётом их развития и последствий [4]. Политическое противостояние способно расширять участие ранее исключённых групп, однако при определённых условиях сопровождается разрушением норм взаимного признания. Поэтому его нормативное значение нельзя устанавливать независимо от конкретных отношений между участниками.

Таким образом, основная проблема агонистической модели заключается не в признании политического конфликта необходимым свойством демократического порядка, а в определении условий, при которых противостояние сохраняет демократический характер. Разрешение указанного вопроса предполагает обращение к нормативным основаниям, которые не могут быть сведены к существующему соотношению политических сил.

Существенное расхождение касается прежде всего условий общественного признания власти. Делиберативная теория предполагает, что публично предъявляемые доводы обладают нормативным значением независимо от фактического преимущества говорящего. Агонистическая концепция обращает внимание на зависимость общественного признания аргументов от сложившихся отношений политического влияния. Отсюда различается и понимание демократического участия: от возможности воздействовать на решение посредством обсуждения до способности оспаривать основания существующего политического порядка.

Вместе с тем обе концепции сталкиваются с проблемой политического

исключения. Для делиберативного подхода она возникает при недостаточной доступности публичного обсуждения; для агонистического — при необходимости разграничивать допустимое соперничество и действия, разрушающие равный статус граждан. Указанные затруднения позволяют поставить вопрос о более точном соотношении нормативной оправданности решения и возможности его последующего оспаривания.

Противопоставление консенсуса и конфликта приобретает характер неразрешимой альтернативы преимущественно в тех случаях, когда не разграничиваются предметы политического признания. Гражданин способен считать определённое решение ошибочным, соблюдать его до законного изменения и одновременно добиваться пересмотра. Подобное отношение не содержит логического противоречия, поскольку признание временной обязательности политической меры не равнозначно согласию с её содержанием.

Первоначальное нормативное значение имеет признание граждан равноправными участниками политического сообщества. Несовпадение взглядов на распределение общественных ресурсов или направление государственной политики не может само по себе служить основанием для ограничения политического статуса личности. В этом отношении демократия предполагает определённую общность правил, обеспечивающих возможность сосуществования сторонников несовместимых политических программ.

Иной характер имеет согласие с содержанием коллективного решения. Даже при соблюдении равноправных процедур граждане могут сохранять различные представления о его справедливости. Политическая власть должна обладать возможностью принимать решения при отсутствии единодушия, однако это обстоятельство не освобождает её от обязанности публичного объяснения принятых мер.

Наконец, необходимо учитывать способность граждан изменять уже установленный порядок. Демократическая процедура не завершается окончательным прекращением политического спора. Признание права

оппозиции добиваться пересмотра решений означает, что решения остаются обязательными до их возможного изменения, но не обязывает считать их безошибочными по существу.

Представленные различия позволяют выделить три нормативных измерения демократической легитимности.

Процедурное измерение относится к условиям принятия коллективных решений. Оно предполагает равный политический статус участников, возможность рассмотрения общественно значимых аргументов и соблюдение правил, не предоставляющих произвольных преимуществ отдельным политическим группам. Формальное равенство избирательных прав не отменяет необходимости оценивать реальную доступность политического участия.

Содержательное измерение связано с обоснованностью властного решения и его совместимостью с основными правами граждан. Соблюдение установленной процедуры не может само по себе оправдать меры, направленные на лишение определённой части общества возможности пользоваться демократическими свободами. В таком понимании легитимность предполагает определённые ограничения даже для решений, получивших поддержку большинства.

Временное измерение означает возможность последующего пересмотра принятого решения. Оно предполагает сохранение политической оппозиции, законных средств критики и институциональных условий изменения действующих правил. Его отсутствие способно превратить временное преимущество определённой политической силы в устойчивое исключение соперников из общественной жизни.

Предлагаемое разграничение не представляет собой механическое соединение двух философских теорий. Каждое измерение выполняет самостоятельную нормативную функцию. Процедурное относится к условиям участия, содержательное ограничивает допустимые последствия властных решений, временное обеспечивает возможность преобразования общественного

порядка после завершения процедуры принятия решения.

В данном отношении публичное обоснование власти и политическое оспаривание образуют взаимосвязанные, но не тождественные требования. Первое требует, чтобы политические институты объясняли свои решения. Второе позволяет изменять сложившиеся отношения власти и добиваться признания ранее не учитывавшихся общественных требований.

Отсюда вытекает существенное положение: нормативное согласие относительно допустимости политического соперничества не предполагает содержательного единства общественных убеждений. Более того, такое согласие создаёт условия, при которых принципиальные разногласия могут сохраняться без разрушения политического сообщества.

Однако временная открытость решений не означает необходимости постоянного пересмотра всех установленных правил. Устойчивость правового порядка имеет самостоятельное значение для совместной жизни граждан. Принципиально важно различать возможность законного изменения действующей нормы и требование её непрерывного обсуждения. Демократический порядок способен обеспечивать предсказуемость общественных отношений, сохраняя при этом право граждан добиваться преобразования действующих институтов.

Предлагаемая интерпретация позволяет также уточнить нормативный смысл политического равенства. Оно предполагает не только одинаковый правовой статус граждан на момент принятия решения, но и сохранение их способности участвовать в последующем определении общественного порядка. Политическая система, допускающая формально равное голосование, но исключающая действительную возможность изменения власти, не удовлетворяет указанному требованию.

Нормативную совместимость согласия и конфликта можно показать на примере институтов гражданского участия. Создание совещательных ассамблей, общественных обсуждений и консультативных органов позволяет расширять

возможности граждан влиять на государственную политику. Однако само существование подобных институтов не устраняет различия между публичным рассмотрением политических требований и полномочием принимать окончательные решения.

В исследовании М. Германна (2025), основанном на эксперименте с участием 1308 респондентов, установлено, что участие граждан в работе совещательных мини-групп может положительно влиять на восприятие легитимности политического процесса. Вместе с тем даже относительно небольшие отклонения от принципа представительности существенно ослабляют данный эффект [10]. Полученные результаты указывают на ограниченность подхода, связывающего демократическое значение гражданских ассамблей исключительно с качеством проводимого обсуждения.

Иной аспект проблемы рассматривается И. Говартс, Й. де Фине Лихт и С. Мариен (2025). На материале экспериментального исследования в Бельгии авторы показали, что отклонение рекомендаций совещательной группы представителями власти приводит к снижению воспринимаемой легитимности политического процесса. Публичное объяснение причин расхождения способно ослабить отрицательный эффект, если граждане считают предъявленные основания приемлемыми [11]. Для легитимности важно не столько совпадение окончательного решения с результатами обсуждения, сколько сохранение ответственности власти перед участниками обсуждения.

Однако эмпирическое восприятие легитимности и её нормативная обоснованность не тождественны. Повышение доверия к процедуре ещё не доказывает справедливости принятого решения. Представительность гражданской ассамблеи также не гарантирует, что остальные граждане обладают достаточными возможностями воздействовать на её деятельность. Поэтому нормативная оценка подобных институтов должна учитывать их положение в общей системе политического представительства.

С. Сориал и Ш. Моррис (2025) обращают внимание на затруднение,

возникающее при попытке одновременно обеспечить высокое качество обсуждения и широкое гражданское участие [12]. Небольшие группы способны обстоятельно рассматривать сложные общественные вопросы, однако ограниченность их состава создаёт самостоятельную проблему демократического представительства. Следовательно, совещательные институты целесообразно оценивать во взаимосвязи с механизмами политической ответственности и возможностями последующего общественного оспаривания.

Неоднозначность отношений согласия и конфликта обнаруживается и при исследовании парламентских практик. Я. Лехтонен и Т. Юля-Анттила (2025), проанализировав обсуждение пандемии в парламенте Финляндии, выявили изменение характера политического взаимодействия от выраженного стремления к национальному единству к более открытому плюрализму позиций [13]. Данный пример показывает, что сохранение общественных разногласий не обязательно препятствует функционированию демократических институтов. Напротив, возможность выражать несовпадающие политические оценки позволяет избежать отождествления временного единства с необходимостью подавлять критические позиции.

Особую область применения рассматриваемых теоретических положений образует цифровая публичная сфера. Исследование Л. Освальд (2024) показывает, что возможности политического обсуждения зависят от неодинаковых характеристик цифровых площадок, способов распространения информации и условий взаимодействия пользователей [14]. Следовательно, техническая доступность политического высказывания сама по себе не обеспечивает равенства граждан в формировании общественного мнения.

Н. Альнемр (2026) рассматривает влияние алгоритмически организованной коммуникации на публичную делиберацию. Особое внимание уделяется ограничению информационного разнообразия, распространению недостоверных сообщений и возможности граждан оспаривать правила

цифрового взаимодействия [15]. Данная проблема позволяет установить связь между двумя нормативными требованиями. Делиберативная модель обращает внимание на условия рассмотрения политических аргументов, тогда как агонистическая подчёркивает значение возможности противодействовать сложившемуся распределению информационного влияния.

К. Саура Гарсия (2025) исследует последствия распространения искусственно создаваемых сообщений и имитации общественного мнения для демократических публичных пространств [16]. Подобные процессы влияют на способность граждан отличать реальные общественные требования от информационных воздействий, направленных на изменение представлений о том, какие политические взгляды распространены в обществе. Проблема приобретает нормативное значение, поскольку условия формирования коллективной воли могут изменяться без соответствующего публичного контроля.

Применительно к цифровой коммуникации предложенная в статье конструкция позволяет сформулировать определённый критерий: организация публичного пространства должна допускать критическое рассмотрение правил, влияющих на доступность политической информации, при сохранении равного статуса участников. Однако содержание этого требования не сводится к обеспечению одинаковой распространённости всех высказываний. Его реализация предполагает возможность обоснованной критики способов распределения информационного влияния и оспаривания ограничений общественного участия.

Таким образом, рассмотрение институтов гражданского участия показывает важность различия между публичным обсуждением решений и возможностью изменять условия их принятия. Демократическому порядку необходимы не только процедуры рассмотрения аргументов граждан, но и средства политического влияния за пределами отдельных совещательных институтов.

Выводы. Проведённое исследование показывает, что противопоставление рационального консенсуса и политического конфликта не раскрывает в полной мере содержание расхождений между делиберативной и агонистической концепциями демократии. Рассматриваемые модели обращены к различным условиям политической легитимности. Делиберативная теория исследует основания публичного оправдания общеобязательных решений, тогда как агонистический плюрализм раскрывает необходимость сохранять возможность преобразования существующего порядка при устойчивом несовпадении общественных интересов.

Установлено, что рациональное согласие не следует отождествлять с фактическим единодушием граждан относительно содержания государственной политики. Его нормативное значение определяется признанием участников свободными и равными субъектами публичного обсуждения. Соответственно, несогласие с результатом демократической процедуры не обязательно предполагает отрицание правомерности её осуществления.

Анализ агонистической концепции позволяет заключить, что признание неустранимости политического конфликта нуждается в нормативном ограничении. Демократическое противостояние предполагает сохранение за оппонентами права участвовать в политической жизни и добиваться изменения действующих институтов. Следовательно, агонистическая модель не может последовательно отрицать необходимость определённого согласия относительно условий политического равенства.

Основной авторский результат состоит в обосновании различия процедурного, содержательного и временного измерений демократической легитимности. Первое относится к равноправному участию граждан в формировании решений, второе — к их публичной оправданности и совместимости с основными политическими правами, третье — к возможности последующего оспаривания и пересмотра установленных правил.

Выявленное различие позволяет разрешить исходное теоретическое

затруднение без устранения принципиальных расхождений между философскими позициями Хабермаса и Муфф. Согласие относительно признания граждан равноправными участниками политического сообщества совместимо с продолжающимися конфликтами по поводу содержания коллективных решений. При этом признание временной обязательности политической меры не предполагает отказа от права добиваться её изменения.

Институциональные условия демократической легитимности определяются не только доступностью публичного обсуждения, но и действительной возможностью воздействовать на политический порядок. Гражданские ассамблеи и цифровые средства коммуникации могут расширять участие, однако их наличие не устраняет проблем политического представительства, неравномерного распределения влияния и ответственности власти за принимаемые решения.

Таким образом, нормативная состоятельность демократического порядка предполагает взаимосвязь публичного обоснования власти и институционально защищённого политического несогласия. Первое позволяет оценивать оправданность коллективных решений, второе препятствует превращению временного политического преимущества в исключение оппозиции из общественной жизни. Демократическая легитимность в данном понимании определяется не окончательным прекращением разногласий, а сохранением условий, при которых граждане способны участвовать в формировании общеобязательных правил и добиваться их последующего пересмотра.

Дальнейшее философское исследование проблемы требует уточнения границ допустимого политического исключения. Наиболее существенным остаётся вопрос о том, каким образом демократическое сообщество может защищать равный статус своих участников, не превращая соответствующие ограничения в средство устранения правомерной политической оппозиции.

Список литературы

1. Christiano T., Bajaj S. Democracy // Stanford Encyclopedia of Philosophy.

Substantive revision: June 18, 2024. URL: https://plato.stanford.edu/entries/democracy/

2. Шавеко Н. А. Современные западные теории демократии. М.: Русайнс, 2025. 418 с.

3. Марей М. Д. Конфликт как норма: агонистический поворот в теории демократии // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2026. Т. 10. № 3. С. 13–42. DOI: 10.17323/2587-8719-2026-3-13-42.

4. August V., Westphal M. Theorizing Democratic Conflicts beyond Agonism // Theory and Society. 2024. Vol. 53. P. 1119–1149. DOI: 10.1007/s11186-024-09565-4.

5. Шавеко Н. А. Модели совещательной демократии: основные способы нормативного обоснования // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 4. DOI: 10.18384/2224-0209-2024-4-1510.

6. Demirci M. R. Consensus and Agonism in Democratic Theory: Comparing the Approaches of Habermas and Mouffe // The Journal of Social Science. 2026. Vol. 10. No. 19. P. 30–47. DOI: 10.30520/tjsosci.1835190.

7. Шавеко Н. А. Обоснование ценности публичного дискурса в теориях совещательной демократии: основные стратегии и их критика // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. Т. 18. № 3. С. 15–25. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-15-25.

8. Kråkenes L. Ø. Education for Agonistic Democracy: Reclaiming the Political Insights of Agonism // Studies in Philosophy and Education. 2025. Vol. 44. P. 263–281. DOI: 10.1007/s11217-024-09974-z.

9. Шавеко Н. А. О самоценности демократии // Управление. 2024. Т. 12. № 4. С. 109–118. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-4-109-118.

10. Germann M. Mini-Publics, (Lack of) Representativeness, and Legitimacy Beliefs // British Journal of Political Science. 2025. Vol. 55. Art. e11. DOI: 10.1017/S0007123424000322.

11. Goovaerts I., de Fine Licht J., Marien S. When Deliberative Mini-Publics'

Outcomes and Political Decisions Clash: Examining How Responsive Communication Influences Legitimacy Perceptions // European Journal of Political Research. 2025. Vol. 64. No. 2. P. 767–789. DOI: 10.1111/1475-6765.12711.

12. Sorial S., Morris S. Mini-Publics and the Legitimacy Dilemma: How Theoretical Tensions Are Resolved in Practice // Public Law. 2025. No. 2. P. 335–358. DOI: 10.2139/ssrn.4883707.

13. Lehtonen J., Ylä-Anttila T. Navigating Pandemic Waves: Consensus, Polarisation and Pluralism in the Finnish Parliament during COVID-19 // Politics. 2025. Vol. 45. No. 3. P. 490–508. DOI: 10.1177/02633957241259085.

14. Oswald L. More than News! Mapping the Deliberative Potential of a Political Online Ecosystem with Digital Trace Data // Humanities and Social Sciences Communications. 2024. Vol. 11. Art. 629. DOI: 10.1057/s41599-024-03115-0.

15. Alnemr N. Deliberative Democracy in an Algorithmic Society: Harms, Contestations and Deliberative Capacity in the Digital Public Sphere // Democratization. 2026. Vol. 33. No. 4. P. 927–946. DOI: 10.1080/13510347.2025.2522920.

16. Saura García C. Synthetification of Public Opinion: Impacts on Deliberative Democracies // Ethics and Information Technology. 2025. Vol. 27. Art. 54. DOI: 10.1007/s10676-025-09870-1.

References

1. Christiano T., Bajaj S. Democracy // Stanford Encyclopedia of Philosophy. Substantive revision: June 18, 2024. URL: https://plato.stanford.edu/entries/democracy/

2. Shaveko N. A. Sovremenny`e zapadny`e teorii demokratii. M.: Rusajns, 2025. 418 s.

3. Marej M. D. Konflikt kak norma: agonisticheskij povorot v teorii demokratii // Filosofiya. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2026. T. 10. № 3. S. 13–42. DOI: 10.17323/2587-8719-2026-3-13-42.

4. August V., Westphal M. Theorizing Democratic Conflicts beyond Agonism //

Theory and Society. 2024. Vol. 53. P. 1119–1149. DOI: 10.1007/s11186-024-09565-4.

5. Shaveko N. A. Modeli soveshhatel`noj demokratii: osnovny`e sposoby` normativnogo obosnovaniya // Rossijskij social`no-gumanitarny`j zhurnal. 2024. № 4. DOI: 10.18384/2224-0209-2024-4-1510.

6. Demirci M. R. Consensus and Agonism in Democratic Theory: Comparing the Approaches of Habermas and Mouffe // The Journal of Social Science. 2026. Vol. 10. No. 19. P. 30–47. DOI: 10.30520/tjsosci.1835190.

7. Shaveko N. A. Obosnovanie cennosti publichnogo diskursa v teoriyax soveshhatel`noj demokratii: osnovny`e strategii i ix kritika // Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya. 2024. T. 18. № 3. S. 15–25. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-15-25.

8. Kråkenes L. Ø. Education for Agonistic Democracy: Reclaiming the Political Insights of Agonism // Studies in Philosophy and Education. 2025. Vol. 44. P. 263–281. DOI: 10.1007/s11217-024-09974-z.

9. Shaveko N. A. O samocennosti demokratii // Upravlenie. 2024. T. 12. № 4. S. 109–118. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-4-109-118.

10. Germann M. Mini-Publics, (Lack of) Representativeness, and Legitimacy Beliefs // British Journal of Political Science. 2025. Vol. 55. Art. e11. DOI: 10.1017/S0007123424000322.

11. Goovaerts I., de Fine Licht J., Marien S. When Deliberative Mini-Publics' Outcomes and Political Decisions Clash: Examining How Responsive Communication Influences Legitimacy Perceptions // European Journal of Political Research. 2025. Vol. 64. No. 2. P. 767–789. DOI: 10.1111/1475-6765.12711.

12. Sorial S., Morris S. Mini-Publics and the Legitimacy Dilemma: How Theoretical Tensions Are Resolved in Practice // Public Law. 2025. No. 2. P. 335–358. DOI: 10.2139/ssrn.4883707.

13. Lehtonen J., Ylä-Anttila T. Navigating Pandemic Waves: Consensus, Polarisation and Pluralism in the Finnish Parliament during COVID-19 // Politics. 2025. Vol. 45.

No. 3. P. 490–508. DOI: 10.1177/02633957241259085.

14. Oswald L. More than News! Mapping the Deliberative Potential of a Political Online Ecosystem with Digital Trace Data // Humanities and Social Sciences Communications. 2024. Vol. 11. Art. 629. DOI: 10.1057/s41599-024-03115-0.

15. Alnemr N. Deliberative Democracy in an Algorithmic Society: Harms, Contestations and Deliberative Capacity in the Digital Public Sphere // Democratization. 2026. Vol. 33. No. 4. P. 927–946. DOI: 10.1080/13510347.2025.2522920.

16. Saura García C. Synthetification of Public Opinion: Impacts on Deliberative Democracies // Ethics and Information Technology. 2025. Vol. 27. Art. 54. DOI: 10.1007/s10676-025-09870-1.

Статья поступила в редакцию 17.08.2026; одобрена после рецензирования 30.09.2026; принята к публикации 01.10.2026.

The article was submitted 17.08.2026; approved after reviewing 30.09.2026; accepted for publication 01.10.2026.

Научная статья
УДК 141.7:342.7

ВОЗМОЖЕН ЛИ УНИВЕРСАЛИЗМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА БЕЗ ЕДИНОГО МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ОСНОВАНИЯ? СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ФИЛОСОФСКОГО ОБОСНОВАНИЯ

Кочарский Лев Савельевич, кандидат философских наук, младший научный сотрудник, ФИЦ "Субтропический научный центр РАН", Россия, Сочи, kocharskii.l@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется возможность обоснования универсальности прав человека при отсутствии единого метафизического представления об их происхождении и нормативной обязательности. Рассмотрены различия между моральными правами, юридическими гарантиями и международной правозащитной практикой. На основе сопоставления концепции нормативной самостоятельности Дж. Гриффина, подхода человеческих возможностей М. Нуссбаум и политических теорий Ч. Бейтца и Дж. Раза определены пределы объяснительных возможностей каждой модели. Особое внимание уделено разграничению универсальности действия прав, общности их философского обоснования и единообразия осуществления. Методологическую основу исследования составляют сравнительный анализ нормативных концепций, понятийная реконструкция и критическое рассмотрение научных публикаций 2024–2026 гг. Установлено, что множественность философских оснований совместима с универсальной обязательностью основных прав, однако совпадение отдельных моральных убеждений само по себе не обеспечивает их нормативной состоятельности. Предложено понимание ограниченного нормативного универсализма, предполагающее признание равного морального статуса личности, необходимость публичного обоснования ограничений свободы и определённость обязанностей общественных институтов. Показано, что

культурные различия могут влиять на способы осуществления прав, не оправдывая исключения отдельных категорий людей из сферы их защиты.

Ключевые слова: права человека; нормативный универсализм; культурный релятивизм; философское обоснование; человеческое достоинство; политическая легитимность; моральный плюрализм.

Original article

IS HUMAN RIGHTS UNIVERSALISM POSSIBLE WITHOUT A SINGLE METAPHYSICAL FOUNDATION CONTEMPORARY STRATEGIES OF PHILOSOPHICAL JUSTIFICATION

Kocharskii Lev Savelevich, Candidate of Philosophical Sciences, Junior Researcher, Subtropical Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Sochi, Russia, kocharskii.l@yandex.ru

Annotation. The article examines whether human rights can retain universal normative validity without a single metaphysical foundation. It distinguishes moral human rights, legally established guarantees, and international human rights practices. The analysis compares James Griffin's personhood-based account, Martha Nussbaum's capabilities approach, and the political conceptions developed by Charles Beitz and Joseph Raz. Particular attention is given to the distinction between universal validity, common justification, and uniform implementation. The study employs comparative conceptual analysis and examines academic publications from 2024–2026. It argues that a plurality of philosophical foundations is compatible with the universal validity of fundamental rights, provided that normative justification cannot be reduced to prevailing cultural beliefs or political agreements. The proposed account of limited normative universalism rests on equal moral standing, publicly defensible restrictions on political power, and identifiable institutional duties. Cultural differences may influence the implementation of human rights but cannot justify excluding individuals from fundamental protection.

Keywords: human rights; normative universalism; cultural relativism; philosophical justification; human dignity; political legitimacy; moral pluralism.

Введение. Универсальность прав человека составляет нормативную предпосылку современного политического порядка, однако её философское обоснование остаётся дискуссионным. Признание определённых прав за каждым человеком независимо от гражданства, культурной принадлежности и общественного положения ещё не объясняет, почему соответствующие требования обязательны для носителей различных мировоззрений. Особенно заметным это затруднение становится при столкновении религиозных, светских и культурно обусловленных представлений о человеческом достоинстве, свободе и справедливости.

Современная философия прав человека разграничивает вопросы об их природе, содержании, нормативных основаниях и юридическом статусе. Дж. Никель и А. Этинсон отмечают, что признание универсального характера прав не предполагает единодушия относительно источника их обязательности [1]. Различные философские традиции способны обосновывать сходные требования, исходя из представлений о человеческой природе, индивидуальной свободе, общественном благе или пределах политической власти. Вместе с тем совпадение нормативных выводов не устраняет необходимости установить критерии их обоснованности.

Проблема приобретает особую остроту в условиях мировоззренческого многообразия и противоречивой международной правозащитной практики. М.А. Лихачев рассматривает универсальность прав человека как нормативное притязание, которое нельзя отождествлять с их фактическим признанием во всех обществах [2]. Подобное различение принципиально: нарушение права не доказывает отсутствия соответствующей обязанности, а распространённость определённого обычая не свидетельствует о его нравственной оправданности.

Обсуждение универсализма осложняется также избирательным

применением правозащитных норм в международных отношениях. Политическое использование правозащитных норм способно усиливать сомнения в их нейтральности, однако недостатки их применения сами по себе не опровергают обоснованности этих норм. Необходимо различать обоснованность самого права, легитимность защищающих его институтов и допустимость конкретных способов политического воздействия.

Цель исследования состоит в определении условий, при которых универсальность прав человека может быть обоснована без обращения к единой метафизической теории их происхождения. Объектом выступают нормативные отношения личности, общества и политической власти; предметом — философские основания универсальной обязательности прав человека.

Исходная гипотеза заключается в том, что всеобщая значимость определённого права и единственность его философского основания представляют самостоятельные характеристики нормативной теории. Множественность допустимых обоснований не обязательно ведёт к моральному релятивизму, однако требует критериев, препятствующих произвольному изменению содержания прав под влиянием культурных обычаев или политических интересов.

Обзор литературы. Проблема универсальности прав человека рассматривается преимущественно через противоречия между нормативной обязательностью, культурным многообразием и политическими условиями осуществления прав. Исследователи расходятся прежде всего в определении того, может ли универсальная норма сохранять независимость от исторической среды своего возникновения и существующей международной практики.

Н.В. Панкевич связывает современный кризис правозащитного универсализма с изменением межцивилизационных отношений и политическим использованием прав человека [5]. Б.В. Лесив обращается к послевоенной истории формирования правозащитных стандартов, подчёркивая значение первоначальных целей международной системы [11]. Историческое

происхождение прав, однако, не может рассматриваться как исчерпывающее объяснение их обязательности. Нормативная состоятельность требования предполагает возможность его критической оценки независимо от обстоятельств первоначального признания.

Иную исследовательскую задачу решает Р. Макам, рассматривающий универсальность прав человека через критику отношений политического господства и конструктивистское обоснование взаимных обязанностей [3]. В российской литературе близкая постановка вопроса представлена И.А. Андреевой, анализирующей право на оправдание в теории Р. Форста [4]. Оба подхода позволяют перенести внимание с поиска единственного представления о человеческой сущности на исследование оснований, которыми публичная власть оправдывает обращённые к личности требования.

Значительная часть современных исследований посвящена культурным ограничениям универсализма. П. Агьаре рассматривает влияние общественных традиций на восприятие прав человека в мультикультурной среде [6]. Х. Йегане обнаруживает различия между ценностями Всеобщей декларации прав человека и установками традиционных и модернизированных обществ [8]. Эти выводы важны для понимания условий признания прав, но не доказывают, что обязательность прав зависит исключительно от распространённости соответствующих убеждений.

Ж. Феррейра Диас исследует пределы культурного релятивизма применительно к международной защите прав человека [10]. С.И. Петрова и И.Ф. Петров подчёркивают необходимость учитывать историческую изменчивость культур и опасность этноцентрических оценок [12]. В работах Х.Х. Пичардо Трехо и Г. Агуадо Ромеро [13], а также В. Мицика и А. Басисты [14] особое внимание уделено противоречиям между всеобщими правозащитными стандартами и практикой их толкования в неоднородной культурной среде.

Н.В. Варламова рассматривает самостоятельность юридической формы по отношению к нравственным требованиям [7]. В.В. Зубов, напротив,

сосредоточен на значении ценностных оснований публичной политики и их взаимодействии с правами личности [9]. Эти исследования показывают, что юридическое закрепление нормы не тождественно её философскому обоснованию, хотя правовые нормы и нравственные требования взаимосвязаны в общественной практике.

Анализ литературы показывает, что универсальность самих прав и универсальность их философского обоснования не всегда чётко разграничиваются. Первая характеризует круг носителей нормативного требования, вторая — основания признания его обязательности. Отсутствие различения приводит либо к поиску единственной мировоззренческой доктрины, либо к признанию прав полностью зависимыми от культурного согласия. Для преодоления указанного затруднения требуется сопоставление самостоятельных философских стратегий обоснования.

Методы исследования. Исследование выполнено средствами сравнительного и понятийного анализа нормативных концепций. Источниковую основу составляют научные публикации; при анализе концепций Дж. Гриффина, М. Нуссбаум, Ч. Бейтца и Дж. Раза учитываются их основные положения и современные научные интерпретации.

Сопоставление проводится по характеру исходного нормативного основания, способу определения содержания прав и пониманию обязанностей публичной власти. Отдельное значение имеет различие между моральным требованием, его юридическим признанием и международной практикой защиты. При критическом анализе культурного релятивизма необходимо различать факт разнообразия обычаев и утверждение о том, что справедливость зависит от местной традиции.

Обоснованность выводов проверяется на примерах запрета пыток, свободы совести и права на базовое образование. Эти случаи позволяют выявить различия между безусловным запретом определённого обращения с человеком, свободой от неправомерного принуждения и положительными обязанностями

государства. Исследование имеет теоретический характер и не предполагает получения первичных эмпирических данных.

Результаты исследования и их обсуждение. Философское исследование прав человека требует различать три уровня их существования. Моральные права представляют собой обоснованные требования, которые могут предъявляться независимо от законодательного признания. Юридические права закрепляются в нормативных актах и приобретают определённое содержание через правоприменительную практику. В рамках международной системы защиты прав человека признанные требования становятся предметом межгосударственных обязательств и деятельности международных органов.

Указанные уровни связаны между собой, но не тождественны. Юридическое закрепление определённой гарантии не доказывает её нравственной оправданности, равно как отсутствие законодательного признания не опровергает существования соответствующего морального требования. Например, запрет пыток сохраняет нормативное значение даже в государстве, которое не обеспечивает его соблюдения. Иначе неправомерность обращения с человеком зависела бы от решения самого субъекта, деятельность которого подлежит ограничению.

Аналогичное различение необходимо провести применительно к универсальности. В философской литературе соответствующее понятие используется для характеристики круга носителей прав, общности их нормативного основания и возможности практической защиты. Между тем указанные характеристики выражают различные требования к общественному порядку.

Таблица 1 — Основные значения универсальности прав человека

Вид универсальности	Содержание	Основное затруднение
Универсальность действия	Право принадлежит каждому человеку независимо от гражданства и культурной принадлежности	Исключение отдельных групп из сферы защиты

Универсальность обоснования	Обязательность права может быть оправдана перед представителями различных мировоззрений	Отсутствие единого представления о человеческой природе
Универсальность осуществления	Признанное право обеспечивается действующими общественными институтами	Различия в ресурсах, политическом устройстве и правовых гарантиях

Источник: составлено на основе анализа нормативных концепций [1–4].

Из представленного разграничения следует, что общность философского основания не составляет необходимого условия универсальности действия права. Сторонники разных мировоззрений способны признавать запрет пыток, руководствуясь представлениями о достоинстве личности, недопустимости причинения страданий или ограничении политической власти. Различие мотивов признания не препятствует совпадению нормативных требований. Вместе с тем согласие, основанное исключительно на распространённости определённых убеждений, не обеспечивает независимости прав от изменений общественного мнения.

Принципиальным становится вопрос о возможности обоснования прав за пределами конкретной мировоззренческой системы. Если справедливость определяется только убеждениями большинства, у меньшинства не остаётся самостоятельных оснований для оспаривания дискриминационных решений. Напротив, признание морального статуса личности предполагает существование требований, которые сохраняют обязательную силу независимо от фактического согласия с ними.

Натуралистическая концепция Дж. Гриффина. Одной из наиболее последовательных попыток определить самостоятельное основание прав человека выступает теория нормативной самостоятельности личности. Дж. Гриффин связывает их с ценностью человеческой способности формировать жизненные цели и осуществлять осмысленный выбор. В такой интерпретации защите подлежит не любая индивидуальная потребность, а возможность человека самостоятельно определять ход своей жизни.

Преимущество данного подхода заключается в относительно определённом критерии моральной значимости прав. Общественные практики, систематически лишающие человека самостоятельности, могут оцениваться как неправомерные независимо от их исторического распространения. Соответствующее основание позволяет объяснить необходимость защиты свободы личности, не обращаясь непосредственно к существующим законодательным нормам.

Однако нормативная самостоятельность не охватывает без дополнительных предпосылок всё содержание прав человека. Трудности возникают при объяснении равного статуса малолетних детей и людей с существенно ограниченными возможностями самостоятельного выбора. Если права непосредственно выводятся из наличия определённых способностей, возникает риск неравного признания прав людей, различающихся по степени развития этих способностей.

Не менее существенна проблема перехода от общего принципа автономии к конкретным обязанностям. Защита самостоятельности может обосновывать свободу слова, доступ к образованию и определённые социальные гарантии, но сама по себе не определяет необходимый объём каждого права. Для этого приходится учитывать общественные условия и значимость соответствующего интереса. Следовательно, единое антропологическое основание нуждается в дополнительной нормативной аргументации.

Подход человеческих возможностей М. Нуссбаум. Иную стратегию предлагает теория, в которой права рассматриваются через необходимые условия достойной человеческой жизни. М. Нуссбаум обращает внимание на различие между формальным признанием свободы и реальными возможностями её осуществления. Наличие юридической гарантии не всегда обеспечивает способность человека пользоваться ею: бедность, отсутствие образования и социальная зависимость способны существенно ограничивать самостоятельность даже при отсутствии прямого государственного запрета.

В концепции Нуссбаум нормативная оценка сосредоточена на центральных человеческих возможностях, необходимых для достойного существования. Такое понимание позволяет обосновывать значение социально-экономических прав без их противопоставления личным свободам. Общественные институты должны учитывать не только распределение благ, но и условия, при которых человек способен использовать предоставленные возможности.

Важное достоинство этого подхода связано с признанием различий между людьми. Одинаковые ресурсы не всегда обеспечивают сопоставимую свободу, поскольку индивидуальные потребности и жизненные обстоятельства существенно различаются. Вместе с тем теория возможностей не предполагает принуждения к определённому образу жизни. Следует защищать свободу выбора, а не навязывать человеку заранее установленное представление о благополучии.

Главное философское затруднение возникает при определении перечня основных возможностей. Его состав отражает представление о достойной жизни, которое само требует обоснования. Необходимо также объяснить, почему отдельные человеческие потребности приобретают статус универсальных прав и какие именно обязанности следуют из их признания. Без такого разграничения категория прав человека может чрезмерно расширяться, утрачивая нормативную определённость.

Политические концепции Ч. Бейтца и Дж. Раза. В отличие от подходов, выводящих права из свойств человеческой личности, политические теории исследуют их место в устройстве современных общественных институтов. Ч. Бейтц рассматривает права человека в контексте международного политического порядка, связывая их с защитой значимых интересов личности и обязанностями государств. В концепции Дж. Раза особое значение имеет роль прав человека в ограничении государственного суверенитета.

Обращение к политической практике позволяет объяснить, почему

определённые моральные требования становятся предметом международной ответственности. Однако их обязательность нельзя полностью отождествлять с уже существующими институциональными решениями. Если содержание права определяется исключительно действующей практикой, последняя оказывается одновременно источником нормы и объектом её критической оценки.

Особенно заметно это противоречие при рассмотрении государств, систематически нарушающих права отдельных категорий населения. Историческая устойчивость дискриминационной практики не свидетельствует о её справедливости. Политическая теория сохраняет критический потенциал только при наличии нормативных оснований, позволяющих оценивать существующие институты независимо от их собственного представления о допустимом.

Сопоставление рассмотренных концепций показывает, что каждая объясняет определённую сторону прав человека. Теория Гриффина выявляет основания морального статуса личности, Нуссбаум уточняет социальные условия осуществления свободы, а Бейтц и Раз обращаются к обязанностям публичной власти. Различия между подходами не требуют признания одного из них исключительно верным, однако их совместное применение нуждается в общем критерии нормативной допустимости.

Таблица 2 — Сравнение философских стратегий обоснования прав человека

Критерий	Дж. Гриффин	М. Нуссбаум	Ч. Бейтц и Дж. Раз
Исходное основание	Нормативная самостоятельность личности	Центральные человеческие возможности	Основные интересы человека и ограничения публичной власти
Предмет защиты	Способность самостоятельно определять жизненные цели	Условия достойной жизни	Интересы личности, требующие институциональных гарантий
Объяснение универсальности	Общая ценность человеческой самостоятельности	Фундаментальное значение основных возможностей	Нормативная роль прав в современном политическом порядке

Теоретическое затруднение	Определение прав лиц с ограниченной самостоятельностью	Обоснование перечня возможностей	Зависимость от исторически изменчивой практики

Источник: составлено на основе сравнительной реконструкции концепций с учётом [1; 3; 4].

Результаты сравнения позволяют отказаться от предположения, что единое метафизическое основание необходимо для признания любого универсального права. В то же время механическое соединение нескольких концепций не устраняет противоречий между ними. Требуется определить условия, при которых различные способы обоснования обеспечивают совместимые нормативные выводы.

Культурный релятивизм и проблема общеобязательности прав. Обсуждение универсализма нередко строится на противопоставлении всеобщих моральных требований и исторически сложившихся культурных традиций. Однако само понятие релятивизма объединяет неодинаковые утверждения. Признание разнообразия нравственных обычаев представляет собой описательное суждение; тезис о зависимости справедливости от господствующих представлений конкретного общества имеет уже нормативное содержание.

Первое положение не вызывает принципиального затруднения для универсализма. Различные общества действительно по-разному определяют обязанности личности, допустимые формы поведения и способы общественного взаимодействия. Из наличия таких различий, однако, не следует равная моральная оправданность любых практик. Описание существующего обычая не может заменить аргумент о его справедливости.

Строгий моральный релятивизм предполагает, что нормативное значение требования полностью определяется культурной системой, в пределах которой оно принято. Последовательное применение данного положения исключает возможность независимой критики общественного большинства. Если дискриминационная практика признаётся традиционной, представители

ущемляемой группы могут требовать её пересмотра лишь при условии изменения коллективных убеждений. Между тем права человека имеют особое значение именно тогда, когда человеку необходима защита от господствующих представлений о допустимом обращении с ним.

Современные исследования культурного релятивизма позволяют уточнить пределы этой критики. П. Агьаре рассматривает влияние социальных норм на практическое восприятие прав человека [6]. Ж. Феррейра Диас связывает культурное разнообразие с особенностями международной защиты [10]. С.И. Петрова и И.Ф. Петров обращают внимание на изменчивость культурных традиций и значение межкультурного взаимодействия [12]. Подобные выводы препятствуют представлению об отдельных культурах как внутренне однородных образованиях.

Опасность культурного обобщения проявляется при отождествлении религиозной или цивилизационной принадлежности с неизменным отношением к правам человека. Внутри любого общества могут существовать различные представления о свободе, справедливости и достоинстве. Приписывание всем его представителям единой позиции лишает самостоятельного значения внутрикультурные разногласия. Кроме того, право личности критически пересматривать собственные традиции составляет одно из существенных условий нравственной и политической самостоятельности.

В исследованиях Х.Х. Пичардо Трехо и Г. Агуадо Ромеро [13] рассматриваются противоречия между универсалистскими требованиями и цивилизационными представлениями. В. Мицик и А. Басиста показывают, что учёт культурного контекста допустим при толковании прав, но не должен оправдывать нарушения фундаментальных запретов [14]. Такое разграничение позволяет сохранить значение общественных различий, не превращая их в основание для исключения человека из сферы нормативной защиты.

Отдельного внимания заслуживает критика политически избирательного применения правозащитных принципов. Р. Макам рассматривает её через

отношения господства и неравенства в международном порядке [3]. Однако нарушение универсального требования определённым государством либо международным институтом не доказывает несостоятельности самого требования. Напротив, возможность оценивать противоречивую практику предполагает наличие независимого нормативного критерия.

Историческая обусловленность происхождения прав человека также не равнозначна ограниченности их действия. М.А. Лихачев показывает, что связь международной правозащитной доктрины с европейской интеллектуальной традицией не исключает её универсального притязания [2]. Следовательно, при критике европоцентризма необходимо учитывать содержание обоснования прав человека и условия участия различных обществ в его формировании, а не только географическое происхождение соответствующих идей.

Дискурсивное обоснование и возможность нормативного согласия. Перспективу преодоления указанных затруднений открывает теория Р. Форста, связывающая моральный статус личности с правом требовать оправдания затрагивающих её решений. И.А. Андреева рассматривает данный подход как способ обоснования универсальности, допускающий мировоззренческое многообразие [4]. Его значение определяется тем, что человек признаётся не только адресатом обязательных требований, но и участником их нормативной оценки.

В рамках такой позиции публичная власть должна предоставлять основания для решений, ограничивающих основные человеческие интересы. Наличие установленной законом компетенции ещё не делает соответствующее решение справедливым. Требование оправдания предполагает возможность критически обсуждать основания принуждения, причём ни один участник не должен обладать исключительной привилегией определять обязательные нормы без учёта положения других.

Однако согласие, достигнутое в условиях фактической зависимости, нельзя автоматически считать результатом равноправного обсуждения.

Экономическое неравенство, ограничения свободы выражения мнений и угроза наказания могут ставить под сомнение обоснованность согласия, достигнутого в ходе обсуждения. Поэтому дискурсивное обоснование предполагает не только формальное участие, но и признание равного положения лиц, на которых распространяются принимаемые решения.

Отсюда обнаруживается важная особенность рассматриваемой теории. Отказ от единого метафизического основания не означает устранения моральных предпосылок. Равное право требовать оправдания само опирается на признание нормативной значимости личности. Различие заключается в том, что соответствующее требование не предписывает каждому участнику принять одну философскую антропологию.

Представители разных мировоззрений могут признавать недопустимость унижения человека, связывая её с религиозным пониманием достоинства, ценностью автономии или необходимостью ограничения власти. Такое совпадение не следует рассматривать как доказательство полного согласия относительно природы морали. Оно показывает возможность общего нормативного вывода при неодинаковых исходных основаниях.

Вместе с тем пересечение философских позиций не может быть единственным критерием справедливости. Исторически устойчивое согласие большинства способно поддерживать и неправомерные общественные практики. Поэтому множественное обоснование допустимо лишь в том случае, если не предполагает отрицания равного морального статуса человека и сохраняет возможность оспаривания существующих норм.

Представленная схема позволяет разграничить происхождение нормативного требования и основания, по которым оно признаётся обязательным. Несколько самостоятельных философских оснований могут поддерживать общий принцип, не устраняя мировоззренческих разногласий. Однако его институциональное содержание должно определяться с учётом защищаемого интереса, обязанностей публичной власти и возможности

независимой защиты личности.

Ограниченный нормативный универсализм: основания и пределы. Проведённое сопоставление позволяет предложить понимание универсальности, не предполагающее обязательного принятия единой метафизической теории. Его исходным положением выступает равный нормативный статус человека, который не может зависеть исключительно от гражданства, религиозных убеждений или принадлежности к общественному большинству.

Равенство статуса, однако, недостаточно для автоматического признания любого притязания универсальным правом. Необходимо установить, что защищаемый интерес имеет существенное значение для самостоятельного существования личности, а отсутствие его защиты создаёт недопустимую зависимость или препятствует осуществлению основных человеческих возможностей. Такое требование позволяет ограничить необоснованное расширение категории прав человека.

Следующее условие связано с определённостью обязанностей. При обосновании права необходимо определить, кто отвечает за его соблюдение и какие действия для этого требуются. Обязанности могут заключаться в воздержании от неправомерного вмешательства либо в обеспечении необходимых общественных гарантий. Различие их содержания не означает различия в моральном статусе носителей права.

Наконец, допустимые ограничения требуют публичного оправдания. Политическое большинство и государственные институты не вправе считать собственную волю окончательным основанием справедливости. Должна быть обеспечена возможность оспаривать по существу решения, затрагивающие основные интересы личности. Соответствующее требование сохраняет значение независимо от того, какое философское объяснение человеческого достоинства принимается в конкретном обществе.

Таким образом, ограниченный нормативный универсализм предполагает единство критериев допустимости при множественности философских

оснований. Он не требует устранения культурных различий, но исключает использование последних для произвольного отказа человеку в фундаментальной защите.

Проверка предложенного подхода на конкретных правах. Запрет пыток можно обосновывать с разных моральных позиций: исходя из достоинства личности, телесной неприкосновенности либо недопустимости произвольного государственного насилия. Его можно обосновывать достоинством личности, телесной неприкосновенностью либо недопустимостью произвольного государственного насилия. Философские различия не изменяют содержания запрета и не предполагают культурно обусловленных исключений. Здесь универсальность действия права совместима с множественностью его обоснований.

В случае свободы совести соотношение общего содержания права и способов его осуществления оказывается более сложным. Различные государства могут по-разному организовывать взаимодействие публичных институтов с религиозными объединениями. Однако организационные особенности не должны лишать человека возможности придерживаться собственных убеждений, изменять их или отказываться от религиозной принадлежности. Универсальное содержание права сохраняется при неодинаковом институциональном оформлении.

Право на базовое образование требует определения положительных обязанностей общественных институтов. Его нормативное значение связано с условиями самостоятельной жизни и возможностью участия в общественных отношениях. Различия в экономических ресурсах могут влиять на способы организации образовательной системы, но сами по себе не опровергают значимости защищаемого интереса. При этом обоснование права должно включать определение необходимого содержания гарантии и субъектов, ответственных за её обеспечение.

Рассмотренные примеры показывают, что универсальность не

предполагает одинаковой структуры всех прав. Безусловные запреты, индивидуальные свободы и социальные гарантии различаются по характеру обязанностей и допустимой степени организационного разнообразия. Общим остаётся требование не исключать человека из сферы защиты на основании его культурной принадлежности или положения в обществе.

Следовательно, множественность философских объяснений не равнозначна относительности самих прав. Она допустима постольку, поскольку различные основания сохраняют общие требования к обращению с личностью, позволяют устанавливать обязанности институтов и предусматривают возможность критической оценки ограничений свободы.

Выводы. Результаты исследования подтверждают, что универсальность прав человека не требует существования единого метафизического основания. Всеобщая обязательность нормативного требования и единственность его философского объяснения относятся к различным характеристикам теории. Представители неодинаковых мировоззренческих традиций могут признавать совпадающие права, не разделяя общего понимания человеческой природы и происхождения нравственности.

Сопоставление концепций Дж. Гриффина, М. Нуссбаум, Ч. Бейтца и Дж. Раза позволило установить самостоятельное значение антропологических, социальных и политических оснований прав человека. Первая модель раскрывает нормативную ценность самостоятельности личности, вторая — необходимые условия осуществления свободы, третья — характер ограничений и обязанностей публичной власти. Ни одна из них не даёт исчерпывающего объяснения всего содержания универсальных прав без привлечения дополнительных нормативных предпосылок.

Культурный релятивизм сохраняет значение при исследовании исторически обусловленных нравственных представлений, однако многообразие общественных практик не доказывает относительности справедливости. Признание культурных различий совместимо с универсализмом при условии,

что особенности традиций не становятся основанием для исключения отдельных людей из сферы фундаментальных прав.

Предложенное понимание ограниченного нормативного универсализма основывается на признании равного морального статуса личности, существенной значимости защищаемых интересов, определённости обязанностей и возможности публичного оправдания ограничений свободы. Указанные условия позволяют отличить допустимое многообразие философских обоснований от произвольного изменения содержания прав.

Проверка подхода на примерах запрета пыток, свободы совести и права на образование показала, что универсальные требования допускают неодинаковые способы институционального осуществления. При этом различия в устройстве правовых институтов не отменяют обязанности защищать соответствующие интересы. Необходимым остаётся различение универсальности действия права, общности его философского обоснования и фактических условий реализации.

Таким образом, универсализм прав человека можно обосновать без единого метафизического основания, хотя такое обоснование имеет определённые пределы. Множественность мировоззренческих позиций совместима с общеобязательностью прав человека, если сохраняются независимые от культурной принадлежности критерии их признания и защиты. Для социальной и политической философии данный вывод позволяет рассматривать права человека как нормативные пределы публичной власти, не сводимые ни к существующему законодательству, ни к решениям большинства, ни к исторически сложившемуся культурному согласию.

Список литературы

1. Nickel J., Etinson A. Human Rights // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2024. Revised May 31, 2024. URL: https://plato.stanford.edu/entries/rights-human/.

2. Лихачев М.А. Универсальность международных стандартов прав человека: необходимая утопия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 1. С. 40–67. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.1.40.67.

3. Makam R. Justifying Utopia: A Constructivist Account of Human Rights Against Hegemony // Peace Review. 2024. Vol. 36. No. 4. P. 717–726. DOI: 10.1080/10402659.2024.2390917.

4. Андреева И.А. Проблема обоснования универсальности прав человека: современные подходы // История государства и права. 2026. № 1. С. 10–14. DOI: 10.18572/1812-3805-2026-1-10-14.

5. Панкевич Н.В. Права человека в условиях цивилизационного многообразия: социетальные истоки кризиса // Антиномии. 2025. Т. 25. Вып. 4. С. 67–86. DOI: 10.17506/26867206_2025_25_4_67.

6. Agyare P. Contextualizing Human Rights in Multicultural Environments // Research in Social Sciences and Technology. 2024. Vol. 9. No. 3. P. 210–230. DOI: 10.46303/ressat.2024.56.

7. Варламова Н.В. Право и мораль: проблемы разграничения и совмещения в современном обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2026. Т. 30. № 3. С. 471–490. DOI: 10.22363/2313-2337-2026-30-3-471-490.

8. Yeganeh H. Is the Universal Declaration of Human Rights Culturally Universal? A Modernization Theory Perspective // Journal of Developing Societies. 2025. Vol. 41. No. 2. P. 268–292. DOI: 10.1177/0169796X241309198.

9. Зубов В.В. Ценностная политика и права человека: опыт политико-философского анализа // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 2. С. 15–23. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-2-15-23.

10. Ferreira Dias J. Can Cultural Relativism Affect the International Protection of Human Rights? // Revista Jurídica Portucalense. 2024. No. 36. P. 321–339. DOI: 10.34625/issn.2183-2705(36)2024.ic-14.

11. Лесив Б.В. Современная концепция прав человека: кризис забытой истории // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. № 1 (71). С. 143–172. DOI: 10.17072/1995-4190-2026-71-143-172.

12. Петрова С.И., Петров И.Ф. Культурный релятивизм как фактор преодоления

этноцентризма и утверждения идеалов толерантности // Век глобализации. 2025. № 4 (56). С. 29–38. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.03.

13. Pichardo Trejo J.J., Aguado Romero G. Human Rights and Clash of Civilizations, a Discussion Between Universalism and Cultural Relativism // Novum Jus. 2025. Vol. 19. No. 2. P. 19–43. DOI: 10.14718/NovumJus.2025.19.2.1.

14. Mitsik V., Basysta A. Contemporary Paradigm of Human Rights: Balancing Universality and Cultural Relativism // Law. Human. Environment. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 136–154. DOI: 10.31548/law/2.2026.136.

References

1. Nickel J., Etinson A. Human Rights // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2024. Revised May 31, 2024. URL: https://plato.stanford.edu/entries/rights-human/.

2. Lixachev M.A. Universal`nost` mezhdunarodny`x standartov prav cheloveka: neobxodimaya utopiya // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2024. T. 17. № 1. S. 40–67. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.1.40.67.

3. Makam R. Justifying Utopia: A Constructivist Account of Human Rights Against Hegemony // Peace Review. 2024. Vol. 36. No. 4. P. 717–726. DOI: 10.1080/10402659.2024.2390917.

4. Andreeva I.A. Problema obosnovaniya universal`nosti prav cheloveka: sovremenny`e podxody` // Istoriya gosudarstva i prava. 2026. № 1. S. 10–14. DOI: 10.18572/1812-3805-2026-1-10-14.

5. Pankevich N.V. Prava cheloveka v usloviyax civilizacionnogo mnogoobraziya: societal`ny`e istoki krizisa // Antinomii. 2025. T. 25. Vy`p. 4. S. 67–86. DOI: 10.17506/26867206_2025_25_4_67.

6. Agyare P. Contextualizing Human Rights in Multicultural Environments // Research in Social Sciences and Technology. 2024. Vol. 9. No. 3. P. 210–230. DOI: 10.46303/ressat.2024.56.

7. Varlamova N.V. Pravo i moral`: problemy` razgranicheniya i sovmeshheniya v sovremennom obshhestve // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2026. T. 30. № 3. S. 471–490. DOI: 10.22363/2313-2337-

2026-30-3-471-490.

8. Yeganeh H. Is the Universal Declaration of Human Rights Culturally Universal? A Modernization Theory Perspective // Journal of Developing Societies. 2025. Vol. 41. No. 2. P. 268–292. DOI: 10.1177/0169796X241309198.

9. Zubov V.V. Cennostnaya politika i prava cheloveka: opy`t politiko-filosofskogo analiza // Social`no-politicheskie nauki. 2024. T. 14. № 2. S. 15–23. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-2-15-23.

10. Ferreira Dias J. Can Cultural Relativism Affect the International Protection of Human Rights? // Revista Jurídica Portucalense. 2024. No. 36. P. 321–339. DOI: 10.34625/issn.2183-2705(36)2024.ic-14.

11. Lesiv B.V. Sovremennaya koncepciya prav cheloveka: krizis zaby`toj istorii // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2026. № 1 (71). S. 143–172. DOI: 10.17072/1995-4190-2026-71-143-172.

12. Petrova S.I., Petrov I.F. Kul`turny`j relyativizm kak faktor preodoleniya e`tnocentrizma i utverzhdeniya idealov tolerantnosti // Vek globalizacii. 2025. № 4 (56). S. 29–38. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.03.

13. Pichardo Trejo J.J., Aguado Romero G. Human Rights and Clash of Civilizations, a Discussion Between Universalism and Cultural Relativism // Novum Jus. 2025. Vol. 19. No. 2. P. 19–43. DOI: 10.14718/NovumJus.2025.19.2.1.

14. Mitsik V., Basysta A. Contemporary Paradigm of Human Rights: Balancing Universality and Cultural Relativism // Law. Human. Environment. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 136–154. DOI: 10.31548/law/2.2026.136.

Статья поступила в редакцию 01.09.2026; одобрена после рецензирования 01.10.2026; принята к публикации 01.10.2026.

The article was submitted 01.09.2026; approved after reviewing 01.10.2026; accepted for publication 01.10.2026.

Научная статья
УДК 321.01:004.77

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ СУВЕРЕНИТЕТА: ОТ ВЕРХОВНОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ВЛАСТИ К РАСПРЕДЕЛЁННЫМ ФОРМАМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Сабитова Альфия Рашитовна, кандидат философских наук, Уфимский университет науки и технологий, Россия, Уфа, northledger68@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается изменение философского содержания понятия суверенитета в условиях развития наднационального регулирования и усиления негосударственных центров власти. Исследовательская проблема состоит в определении соотношения юридически признанного политического верховенства и фактической способности обеспечивать исполнение общеобязательных решений. Посредством сравнительного анализа концепций Ж. Бодена, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо и К. Шмитта выявлены различия в понимании носителя суверенитета, пределов его полномочий и оснований политического подчинения. Рассмотрена критика суверенного решения в философии Дж. Агамбена и Ж. Деррида. Предложена концептуальная модель, учитывающая верховную компетенцию, степень её абсолютности, территориальность, а также внутреннее и внешнее измерения политической власти. На её основе исследованы отношения между государственными институтами, наднациональными организациями и цифровыми платформами. Обосновано положение о том, что распределение управленческих функций не обязательно сопровождается передачей суверенной компетенции. Показано различие между юридическим статусом суверена и материальными условиями реализации его решений. Установлены критерии разграничения государственного суверенитета, делегированных полномочий и негосударственного инфраструктурного контроля. Полученные результаты уточняют пределы применения понятия суверенитета к современным формам

политической организации.

Ключевые слова: суверенитет; политическая власть; легитимность; территориальность; государство; цифровые платформы; распределённая власть.

Original article

TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF SOVEREIGNTY: FROM SUPREME TERRITORIAL AUTHORITY TO DISTRIBUTED FORMS OF POLITICAL POWER

Sabitova Alfiia Rashitovna, Candidate of Philosophical Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, northledger68@mail.ru

Abstract. The article examines the transformation of sovereignty in the context of supranational governance and the growing influence of non-state actors. The central research problem concerns the relationship between legally recognized supreme political authority and the actual capacity to implement binding decisions. Through a comparative analysis of Jean Bodin, Thomas Hobbes, Jean-Jacques Rousseau, and Carl Schmitt, the study identifies differences in the understanding of sovereign authority, its limitations, and the grounds of political obligation. Giorgio Agamben's and Jacques Derrida's critical interpretations of sovereign decision-making are also considered. A conceptual framework is proposed to compare the holder of sovereignty, the scope of supreme authority, territoriality, and the internal and external dimensions of political rule. This framework is applied to relations between states, supranational institutions, and digital platforms. The analysis demonstrates that the distribution of governmental functions does not necessarily entail the transfer of sovereign authority. A distinction is established between the legal status of the sovereign and the material conditions required to implement political decisions. The findings clarify the conceptual boundaries between state sovereignty, delegated authority, and non-state infrastructural power, contributing to contemporary debates in social and political philosophy.

Keywords: sovereignty; political authority; legitimacy; territoriality; state; digital platforms; distributed power.

Введение. Суверенитет сформировался в европейской политической философии Нового времени как понятие, выражающее верховенство государственной власти по отношению к другим участникам политического порядка. Его становление сопровождало преодоление средневековой множественности властных притязаний и утверждение централизованной государственности. Вместе с тем содержание суверенитета никогда не исчерпывалось независимостью правителя. Вопрос о высшей власти неизбежно затрагивал происхождение политических обязательств, правомерность принуждения и способность государства обеспечивать единство общества.

Различия между классическими теориями обнаруживаются прежде всего в определении носителя верховной власти. Для Бодена существенное значение имела самостоятельность государственной компетенции; Гоббс связывал политическое единство с авторизацией общего представителя; Руссо рассматривал суверенитет как неотчуждаемое свойство народа. Впоследствии Шмитт перенёс внимание на чрезвычайные обстоятельства, при которых обнаруживаются пределы действующего правопорядка. Эти концепции объединяет стремление установить основания окончательного политического решения, однако их нормативные предпосылки существенно различаются.

Современные изменения общественной организации осложнили традиционное понимание суверенитета. Международные обязательства, наднациональные институты и трансграничные экономические отношения ограничивают самостоятельность государственных решений. Дополнительные трудности возникают вследствие зависимости публичной власти от цифровых инфраструктур, принадлежащих негосударственным организациям. При этом государство может сохранять признанную верховную компетенцию, не располагая всеми средствами, необходимыми для непосредственного

осуществления своих полномочий.

В современной исследовательской литературе указанное противоречие получает различные объяснения. Д. Филпотт предлагает рассматривать исторические формы суверенитета через его носителя, степень абсолютности и соотношение внутреннего и внешнего измерений [1]. В отечественной философии самостоятельность государства исследуется также в связи с национальной безопасностью и условиями сохранения политического единства [2]. Различие подходов свидетельствует о необходимости отделить юридическое положение верховной власти от её фактических возможностей.

Особенно отчётливо данная проблема проявляется в деятельности цифровых платформ. Владельцы коммуникационных систем способны устанавливать правила доступа к информационным ресурсам, определять условия цифрового взаимодействия и принимать решения, затрагивающие публичные интересы. Однако наличие значительных управленческих возможностей не позволяет автоматически признавать соответствующие компании суверенными субъектами. Необходимо установить, обладают ли они самостоятельным правом общеобязательного политического решения либо осуществляют власть над принадлежащей им инфраструктурой.

Цель исследования заключается в выявлении закономерностей изменения понятия суверенитета посредством сопоставления классических политико-философских концепций с современными формами распределения властных полномочий.

Основной исследовательский вопрос состоит в том, изменяется ли принадлежность суверенитета при распределении управленческих функций между государственными, наднациональными и негосударственными организациями либо преобразуются преимущественно условия его осуществления.

Научная новизна работы заключается в сопоставлении концепций суверенитета по единой системе признаков и обосновании различия между

юридически признанной верховной компетенцией и фактической способностью реализовывать политические решения. Предлагаемое разграничение позволяет уточнить характер негосударственной власти, не отождествляя её влияние с приобретением суверенного статуса.

Обзор литературы. Современные исследования суверенитета сосредоточены на переосмыслении классических теорий верховной власти, анализе чрезвычайного политического решения и определении границ государственного управления в цифровой среде. Принципиальное значение имеет отказ от упрощённого представления о классическом суверенитете как юридически и нравственно неограниченном господстве.

Э. Арум и Дж. М. Тессароло, рассматривая политико-теологические основания концепции Бодена, показывают, что признание абсолютной государственной власти сочеталось у французского мыслителя с представлением о нормативных ограничениях, вытекающих из естественного и божественного закона [3]. Следовательно, абсолютность и произвольность не могут рассматриваться как тождественные характеристики суверенитета. Е. Х. Одзук выявляет внутреннюю сложность гоббсовской авторизации, обращая внимание на соотношение политического представительства, обязательности подчинения и сохраняемых прав подданных [4].

Иной аспект самостоятельности государства раскрывается в отечественной философской литературе. В. Л. Бондарев и А. В. Леонов рассматривают идею суверенитета в философии неоевразийства, связывая её с культурно-историческими основаниями политического существования [5]. Вместе с тем цивилизационная самостоятельность не совпадает полностью с государственно-правовым верховенством, что требует разграничения данных понятий.

В исследовании К. Макмахона проблема общей воли Руссо рассматривается через различие коллективного политического интереса и совокупности индивидуальных предпочтений [6]. Такой подход позволяет

уточнить нормативную природу народного суверенитета и не сводить его к формальному выражению позиции большинства. С. Боттичелли и И. Дальмау исследуют современную философскую критику суверенитета, сопоставляя генеалогический подход М. Фуко с философией Ж. Деррида [7]. Их работа представляет особый интерес для анализа противоречий между представлением о едином носителе власти и исторической изменчивостью механизмов политического управления.

В российской политической науке С. В. Володенков и С. Н. Федорченко связывают цифровой суверенитет с инфраструктурными, технологическими и организационными условиями самостоятельности общественно-политических коммуникаций [8]. Исследование показывает значение технических возможностей государственного управления, но одновременно ставит вопрос о различии между обеспечением суверенитета и его юридической принадлежностью.

Особое место занимает монография К. Адэр-Тотеффа, посвящённая политической теологии Шмитта. Автор рассматривает связь чрезвычайного положения с кризисом конституционного порядка и критикой либеральной демократии [9]. Нормативные трудности цифрового суверенитета анализируют М. Браун и П. Хуммель, предлагающие различать абсолютную, воплощённую и институциональную стороны верховной власти [10].

С. А. Спартак рассматривает основные концепции цифрового суверенитета в российской и зарубежной исследовательских традициях [11]. Более широкую сравнительную картину предлагают С. Фратини и соавторы, которые на основе анализа 271 научной публикации выделяют четыре модели цифрового суверенитета, различающиеся основаниями и способами регулирования [12]. Э. Репетто, изучив 240 работ, обращает внимание на разнообразие участников, которых в научной литературе считают носителями цифрового суверенитета, и на необходимость уточнения самого понятия [13].

Проблема негосударственного верховенства получила дальнейшее

развитие в исследовании Ч. Х. Чунга и Б. Дж. Дитриха. Авторы вводят понятие корпоративного квазисуверенитета для характеристики технологических компаний, способных самостоятельно принимать решения с существенными политическими последствиями [14]. Однако функциональное сходство с государственными институтами ещё не удостоверяет наличие собственной верховной политической компетенции.

Таким образом, современная литература раскрывает различные стороны изменения суверенитета, но сопоставление исторических и новейших форм власти требует общей системы критериев. Без неё расширение негосударственного влияния может ошибочно интерпретироваться как возникновение новых суверенных субъектов.

Организация и методология исследования. Исследование носит теоретический характер и относится к области социальной и политической философии. Источниковую основу составляют научные публикации, посвящённые историческим концепциям суверенитета, политической теологии, наднациональному регулированию и цифровой власти.

Методологическое основание образует сравнительный анализ политико-философских понятий, дополненный исторической реконструкцией и исследованием нормативных оснований власти. Сопоставление классических концепций проводится по единой системе признаков, позволяющей установить различия между носителем суверенитета, объёмом его компетенции и условиями осуществления политического решения.

Исходными параметрами служат носитель верховной власти, её абсолютность, территориальность, внутреннее и внешнее измерения. Абсолютность понимается как окончательность компетенции в определённой области, а не как отсутствие любых нормативных ограничений. Территориальность характеризует пространственные пределы государственной власти. Внутреннее измерение означает верховенство государственной власти над субъектами, находящимися под её юрисдикцией, внешнее — независимость

в отношениях с другими государствами.

Для рассмотрения современных негосударственных организаций дополнительно учитываются основания легитимности и способность обеспечивать исполнение решений. Такое расширение сравнительной модели необходимо, поскольку влияние цифровых платформ и частных организаций может быть значительным даже при отсутствии у них собственного публично-правового верховенства.

При анализе Бодена, Гоббса и Руссо внимание сосредоточено на происхождении и принадлежности суверенной компетенции. Теория Шмитта рассматривается в связи с проблемой чрезвычайного решения, а современные формы власти — с точки зрения различия между правом политического верховенства и материальными средствами его осуществления.

Результаты исследования и их обсуждение. Формирование классической теории суверенитета было связано с необходимостью определить, на каком основании политические решения становятся обязательными. Религиозные и гражданские конфликты XVI–XVII вв. обнаружили противоречия между множественностью властных притязаний и потребностью в едином государственном порядке. Боден и Гоббс предложили различные способы разрешения данной проблемы, исходя из необходимости существования верховной инстанции, решения которой не могут произвольно отменяться подчинёнными органами.

В «Шести книгах о государстве» (1576) Боден определил суверенитет через постоянство и абсолютность государственной власти. Постоянство отличает верховную компетенцию от временно предоставленных полномочий должностных лиц. Абсолютность означает самостоятельность в установлении положительного закона, но не освобождает правителя от всех нормативных обязанностей. Исследование Арума и Тессароло [3] показывает, что политическая философия Бодена предполагала существование универсального правового порядка, ограничивающего действия человеческого суверена.

Следовательно, верховенство внутри государства не равнозначно праву на неограниченный политический произвол.

Гоббс перенёс вопрос о суверенитете в область учреждения политического представительства. Согласно XVI–XVIII главам «Левиафана» (1651), множество отдельных людей образует политическое единство посредством авторизации общего представителя. Суверен действует от имени объединённого сообщества, а обязательность его решений связана с признанием данного представительства. Таким образом, правомочность верховной власти объясняется происхождением политических обязательств, а не только наличием средств принуждения.

Подобная конструкция не устраняет противоречий между государственным верховенством и правами подданных. Гоббс сохраняет за человеком естественное стремление к самосохранению, которое приобретает значение при рассмотрении пределов повиновения. Е. Х. Одзук [4] указывает на внутреннюю сложность авторизации, не позволяющую свести отношения между сувереном и подданными к безусловному отказу личности от всех самостоятельных правомочий. Следовательно, абсолютность государственной власти должна рассматриваться с учётом оснований, ради которых учреждается политический порядок.

Руссо предложил иной ответ на вопрос о носителе суверенитета. В трактате «Об общественном договоре» (1762) верховная власть принадлежит народу как коллективному политическому субъекту и выражается посредством общей воли. Правительство осуществляет исполнительные функции, но не становится самостоятельным обладателем народного суверенитета. Последний не может быть отчуждён, поскольку право устанавливать общие основания политического существования не передаётся представителю как обычное административное полномочие.

Принципиальное значение имеет различие общей воли и воли всех. Первая относится к общему интересу политического сообщества, тогда как вторая может выражать совокупность несовпадающих частных предпочтений. К.

Макмахон [6] рассматривает данное различие в связи с нормативными основаниями политического сотрудничества. Оно позволяет установить, почему воля большинства не обязательно приобретает характер общего политического самоопределения.

Сравнение названных концепций обнаруживает устойчивое содержание суверенитета при различии способов его обоснования. Боден связывает верховенство с самостоятельностью законодательной компетенции, Гоббс — с авторизацией политического представителя, Руссо — с неотчуждаемой общей волей народа. Во всех случаях определяющим остаётся право окончательного решения, которое не может быть сведено к временному осуществлению подчинённых управленческих функций.

Иной смысл политическое верховенство приобретает у Шмитта. В «Политической теологии» (1922) суверенитет определяется посредством решения о чрезвычайном положении. В обычных условиях компетенция государственных институтов устанавливается действующими правовыми нормами. В исключительной ситуации возникает вопрос о том, кто способен определять пределы действия правопорядка.

К. Адэр-Тотефф [9] рассматривает данную концепцию в контексте шмиттовской критики либерального конституционализма. Чрезвычайное решение не может быть полностью выведено из содержания нормы, поскольку затрагивает условия её действия. Однако способность приостанавливать правовые процедуры ещё не удостоверяет легитимности соответствующего решения.

Исторический контекст шмиттовской философии имеет самостоятельное значение. Его критика парламентаризма развивалась в условиях кризиса Веймарской республики, а после 1933 г. мыслитель участвовал в юридическом обосновании национал-социалистического режима. Поэтому теоретическое исследование чрезвычайной компетенции необходимо отделять от оправдания неограниченного политического господства.

Критика суверенного решения получила дальнейшее развитие в философии Агамбена и Деррида. Агамбен исследовал возможность включения человека в политический порядок посредством исключения из обычных правовых гарантий. Деррида рассматривал противоречие между притязанием суверенной власти на самодостаточность и зависимостью её существования от признания и отношений с другими участниками политического порядка. В исследовании Боттичелли и Дальмау [7] эти трудности раскрываются через сопоставление современных философских подходов к проблеме суверенитета.

Из рассмотренных концепций следует различие между правом устанавливать обязательный порядок и фактической возможностью действовать за пределами существующих норм. Верховная власть может обладать значительными принудительными средствами, однако их наличие не освобождает её от необходимости обосновывать правомерность собственных решений.

Таблица 1. Сравнительная характеристика концепций суверенитета

Концепция	Носитель верховной власти	Характер компетенции	Территориальность и пределы власти
Ж. Боден	Носитель высшей государственной власти	Постоянное законодательное верховенство, ограниченное высшими нормативными основаниями	Государственный порядок; внутренняя самостоятельность верховной власти
Т. Гоббс	Авторизованный представитель политического сообщества	Полномочия по обеспечению мира и общего порядка	Единство политической организации; независимость суверенного представителя
Ж.-Ж. Руссо	Народ как коллективный политический субъект	Неотчуждаемая общая воля	Политическое сообщество граждан; различие суверена и правительства
К. Шмитт	Инстанция, принимающая чрезвычайное решение	Определение пределов действия обычного правопорядка	Конкретное политическое единство; проблема исключения из нормативного порядка

Современное государство	Конституционно признанный носитель верховной власти	Высшая политическая компетенция при распределении публичных полномочий	Государственная территория, национальная и международная юрисдикция
Цифровая платформа	Собственник или управляющая организация технической системы	Организационное регулирование и контроль доступа без общего политического верховенства	Трансграничная инфраструктура, действующая в пределах различных государственных юрисдикций

Источник: составлено на основе сравнительного анализа [1, 3, 4, 6, 7, 9, 13, 14].

Представленные различия показывают, что суверенитет нельзя определять исключительно по масштабу властного воздействия. Его содержание связано с происхождением верховной компетенции, основаниями политической обязательности и пределами самостоятельного решения. Именно эти признаки позволяют сопоставлять классические теории с современными формами негосударственного управления.

Развитие наднациональных институтов изменило условия осуществления государственного верховенства. Международные обязательства ограничивают самостоятельность политических решений, а отдельные функции управления передаются совместным органам. Однако участие государства в подобных отношениях не всегда сопровождается утратой суверенной компетенции.

Важное значение имеет различие между передачей полномочий и изменением носителя верховной власти. Международный договор может устанавливать обязательные для государства правила поведения, не создавая новой инстанции, обладающей верховной политической властью. Напротив, наднациональные институты способны получать самостоятельные полномочия в определённых областях регулирования. Их правовая природа зависит от источника компетенции и характера отношений с государствами-участниками.

Показательным примером выступает Европейский союз, в пределах которого отдельные полномочия осуществляются институтами

наднационального уровня. В установленных договорами областях право Союза обладает особыми механизмами применения, однако государства-члены сохраняют международно-правовой статус и собственные конституционные порядки. Подобная организация не укладывается в простую модель единого центра власти, но и не свидетельствует об исчезновении суверенитета.

Д. Филпотт [1] рассматривает ограничение абсолютности как одну из характерных особенностей изменения суверенной государственности. Следовательно, верховная компетенция может сохраняться при наличии правовых обязательств, регулирующих её осуществление. Возникающее распределение властных функций необходимо отличать от образования нескольких равноправных суверенов.

В концепциях постнациональной демократии Ю. Хабермаса проблема приобретает дополнительное нормативное содержание. Политические решения, затрагивающие граждан различных государств, требуют обоснования, не ограниченного ссылкой на волю одного национального сообщества. Однако расширение демократической легитимации за пределы государства ещё не означает возникновения единой мировой верховной власти.

Иначе объясняется транснациональное управление в концепции «Империи» М. Хардта и А. Негри. Здесь внимание переносится на взаимосвязанные отношения политического и экономического господства, выходящие за пределы отдельных государств. Такая интерпретация выявляет многообразие современных механизмов власти, но не устраняет вопроса о юридическом основании общеобязательных решений.

Таким образом, понятие распределённой политической власти следует отличать от представления о разделённом суверенитете. Первое характеризует наличие нескольких центров, способных воздействовать на общественные процессы. Второе предполагает изменение самой принадлежности верховной политической компетенции. Не всякое распределение регуляторных функций удовлетворяет данному условию.

Особенно отчётливо различие проявляется при делегировании отдельных полномочий частным организациям. Передача функций безопасности, технического обслуживания или организационного управления может сопровождаться значительной зависимостью государства от исполнителя. Тем не менее договорное выполнение публично значимых задач не означает самостоятельного права частной структуры определять политические основания их осуществления.

Для сохранения указанного различия требуется установить происхождение полномочий. Если организация действует на основании предоставленного законом или договором права, её компетенция имеет производный характер. Суверенитет затрагивается непосредственно тогда, когда изменяется принадлежность окончательного политического решения, а не только распределяются средства его исполнения.

Распространение цифровых платформ обнаружило новые формы зависимости публичных институтов от негосударственных организаций. Технологические компании распоряжаются инфраструктурой, посредством которой осуществляются коммуникация, обработка данных и доступ к общественно значимым услугам. Их решения могут непосредственно затрагивать политические интересы государств, хотя основания корпоративного управления существенно отличаются от правомочий суверенной власти.

С. А. Спартак [11] рассматривает цифровой суверенитет через различия национальных подходов к регулированию информационной среды. С. Фратини и соавторы [12] выделяют модели цифрового суверенитета, основанные на защите прав, рыночном регулировании, централизации и ведущей роли государства. Различия между ними свидетельствуют о том, что самостоятельность в цифровом пространстве не имеет единственного институционального выражения.

Существенное затруднение связано с определением носителя цифрового суверенитета. Э. Репетто [13] показывает, что в научной литературе

соответствующее свойство приписывается государствам, организациям и другим участникам технологических отношений. Подобное расширение понятийного содержания требует уточнения характера власти, поскольку самостоятельность распоряжения информацией не всегда совпадает с политическим верховенством.

Ч. Х. Чунг и Б. Дж. Дитрих [14] предлагают понятие корпоративного квазисуверенитета для обозначения ситуаций, когда технологические компании осуществляют политически значимые действия без предварительного делегирования соответствующих полномочий государством. Авторы рассматривают инфраструктурный контроль, самостоятельность корпоративного руководства и способность выдвигать собственные притязания на участие в публичном управлении.

Однако сходство отдельных корпоративных решений с действиями государственных институтов не является достаточным основанием для признания полноценного суверенного статуса компаний. Цифровая платформа устанавливает правила использования собственной технической системы, тогда как государственный суверенитет предполагает верховную политическую компетенцию, обладающую публично признанным нормативным основанием.

Характерным примером служит конфликт между компанией Meta и государственными органами Австралии в 2021 г., связанный с регулированием распространения новостных материалов. Ограничение распространения новостных материалов через Facebook показало, что компания может влиять на информационное взаимодействие в Австралии. Однако данное решение не сопровождалось приобретением Meta права устанавливать общегосударственные нормы. Оно обнаружило зависимость реализации публичной политики от инфраструктуры, принадлежащей частной организации [14].

Здесь проявляется различие между правом принятия политического решения и возможностью определять технические условия его осуществления. Государство сохраняет признанную компетенцию устанавливать обязательные

правила, но их исполнение может зависеть от действий компании, располагающей необходимыми материальными средствами. Следовательно, усиление негосударственного влияния не обязательно выражается в передаче суверенитета.

Ф. Пьеруччи [15] рассматривает противоречие между территориальной организацией государственной власти и трансграничным характером цифровой инфраструктуры. Технические процессы могут осуществляться вне территории государства, хотя их последствия непосредственно затрагивают отношения внутри его юрисдикции. В результате сохранение формального верховенства не обеспечивает полного контроля над условиями реализации государственных решений.

При этом укрепление технологической самостоятельности не обязательно повышает политическую легитимность. М. Браун и П. Хуммель [10] обращают внимание на необходимость учитывать права и свободы граждан при обосновании цифрового суверенитета. Расширение государственных возможностей регулирования требует нормативной оценки, поскольку эффективность контроля и правомерность его применения относятся к различным характеристикам политической власти.

Таким образом, деятельность цифровых платформ позволяет выделить особую форму негосударственного влияния — инфраструктурную власть. Она выражается в способности определять доступность и условия использования технических систем, необходимых другим участникам общественных отношений. Подобная власть способна ограничивать самостоятельность государственных решений, однако не становится суверенной только вследствие масштаба своего воздействия.

Проведённое сопоставление позволяет установить различие между суверенитетом как юридическим статусом и фактической способностью реализовывать политические полномочия. Первый характеризует признанное положение носителя верховной компетенции, вторая определяется наличием

ресурсов, институтов и организационных возможностей, необходимых для исполнения решений.

Эти характеристики взаимосвязаны, однако их совпадение не является обязательным. Государство может сохранять международно-правовую независимость при значительной экономической или технологической зависимости. Негосударственная организация, напротив, способна располагать ресурсами, имеющими существенное политическое значение, не приобретая вследствие этого публичной верховной компетенции.

Из указанного различия вытекает необходимость отделять юридическое ограничение суверенной власти от фактического. Первое возникает вследствие действия обязательных правовых норм, устанавливающих пределы самостоятельного решения. Второе связано с тем, что государство не располагает достаточными средствами для осуществления своих полномочий. В современных политических отношениях данные ограничения нередко сосуществуют, однако обладают различным происхождением.

Предложенная схема показывает, что верховная компетенция и способность её реализовывать характеризуют разные стороны политического порядка. Юридический статус определяет, кому принадлежит право общеобязательного решения, тогда как материальные условия влияют на возможность его исполнения. Данное разграничение позволяет объяснить зависимость государственной власти от наднациональных организаций и цифровых компаний без обязательного признания последних суверенными субъектами.

При определении характера негосударственной власти существенное значение приобретает происхождение полномочий. Осуществление функций, переданных организации на основании закона или договора, не создаёт самостоятельного политического верховенства. Необходимость привлечения частной организации к исполнению государственных решений также не означает передачи ей суверенной компетенции. Однако зависимость от соответствующих

исполнителей способна ограничивать реальную самостоятельность государства.

Поэтому современные изменения суверенитета целесообразно рассматривать не как последовательное исчезновение государственной власти, а как усложнение отношений между её правовыми основаниями и фактическими возможностями. Распределение управленческих функций определяет порядок осуществления власти, тогда как передача суверенитета означает изменение субъекта, которому принадлежит право принимать окончательные политические решения.

Выводы. Сравнительный анализ показал, что классические концепции суверенитета различаются преимущественно способами обоснования верховной компетенции и определения её носителя. Боден связывал суверенитет с постоянством государственной власти, Гоббс — с учреждением политического представительства, Руссо — с неотчуждаемостью общей воли народа. Несмотря на различие нормативных предпосылок, в названных теориях сохраняется представление об особом праве окончательного политического решения, которое нельзя свести к осуществлению отдельных управленческих функций.

Шмиттовская концепция чрезвычайного положения выявляет противоречия между верховной властью и пределами действующего правопорядка. Последующая философская критика показывает, что способность принимать исключительное решение не обеспечивает сама по себе его легитимности. Следовательно, определение суверенитета требует учитывать не только объём властных полномочий, но и нормативные основания их осуществления.

Современные наднациональные институты и негосударственные организации существенно изменяют условия государственной самостоятельности. Международные обязательства ограничивают свободу политических решений, а цифровые платформы способны контролировать инфраструктуру, необходимую для реализации отдельных публичных функций. Вместе с тем распределение регуляторных полномочий и технических

возможностей не всегда сопровождается передачей верховной политической компетенции.

Основной результат исследования заключается в обосновании различия между юридическим статусом суверена и фактической способностью осуществлять политическую власть. Государство может сохранять признанное верховенство при существенной зависимости от внешних ресурсов. В то же время негосударственная организация способна обладать значительным политическим влиянием без приобретения суверенного статуса. Поэтому инфраструктурную власть цифровых платформ следует отличать от государственной верховной компетенции.

Предложенная сравнительная модель позволяет определить пределы применения понятия суверенитета к современным формам политического управления. Его необходимыми признаками остаются признанное основание верховной власти, определённость компетенции и право окончательного политического решения. Территориальные и институциональные условия осуществления указанных полномочий могут изменяться, не устраняя самого различия между суверенной властью и производными формами управления.

Таким образом, современная трансформация суверенитета выражается прежде всего в усложнении отношений между юридическим верховенством и материальными возможностями политического действия. Данное обстоятельство позволяет сохранить определённость категории суверенитета при исследовании наднационального регулирования, цифровых платформ и иных форм распределённой власти.

Список литературы

1. Philpott D. Sovereignty // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Fall 2024 Edition. Revised September 17, 2024. URL: https://plato.stanford.edu/entries/sovereignty/.

2. Мороз Е. Ф. Суверенитет государства и национальная безопасность в политической философии // Российские социогуманитарные исследования. 2025.

Т. 17. № 2. С. 233–262. DOI: 10.12731/2077-1770-2025-17-2-484.

3. Arum E., Tessarolo G. M. Jean Bodin's Demonic Constitutionalism: Sovereignty, Natural Law, and Political Theology // American Political Science Review. 2026. Vol. 120. No. 2. P. 490–503. DOI: 10.1017/S0003055425100804.

4. Odzuck E. H. The Puzzle of the Sovereign's Smile and the Inner Complexity of Hobbes's Theory of Authorisation // History of European Ideas. 2024. Vol. 50. No. 5. P. 717–732. DOI: 10.1080/01916599.2024.2304324.

5. Бондарев В. Л., Леонов А. В. Идея государственного суверенитета в философии неоевразийства // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2026. Т. 13. № 1. Ст. m12s04a10. DOI: 10.24151/2409-1073-2026-13-1-m12s04a10.

6. McMahon C. Rousseau's General Will and the Will of All: A Present-Day Perspective // The Journal of Ethics. 2025. Vol. 29. P. 533–549. DOI: 10.1007/s10892-025-09517-9.

7. Botticelli S., Dalmau I. G. El problema de la soberanía en el pensamiento político contemporáneo: arqueo-genealogía y deconstrucción // Universum. 2024. Vol. 39. No. 1. P. 155–174. DOI: 10.4067/S0718-23762024000100155.

8. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Суверенитет цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в современной России и его ключевые компоненты: по материалам экспертного исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 520–542. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-520-542.

9. Adair-Toteff C. Schmitt on Sovereignty and the State of Exception: A Commentary on Carl Schmitt's Politische Theologie. Cham: Palgrave Macmillan, 2025. 99 p. DOI: 10.1007/978-3-031-91728-8.

10. Braun M., Hummel P. Is Digital Sovereignty Normatively Desirable? // Information, Communication & Society. 2025. Vol. 28. No. 10. P. 1721–1734. DOI: 10.1080/1369118X.2024.2332624.

11. Спартак С. А. Цифровой суверенитет: основные концепции и теории в России

и мире // Социально-политические науки. 2025. Т. 15. № 6. С. 184–189. DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-6-184-189.

12. Fratini S., Hine E., Novelli C., Roberts H., Floridi L. Digital Sovereignty: A Descriptive Analysis and a Critical Evaluation of Existing Models // Digital Society. 2024. Vol. 3. Art. 59. DOI: 10.1007/s44206-024-00146-7.

13. Repetto E. Concept ‘Stretching’ or Concept Innovation? A Review of the Usages of Sovereignty in the Digital Sovereignty Literature // Policy & Internet. 2025. Vol. 17. No. 3. Art. e70011. DOI: 10.1002/poi3.70011.

14. Chung C. H., Dietrich B. J. Corporate Quasi-Sovereignty: Big Tech and the Politics of Sovereign Authority in the Digital Age // Policy Studies Journal. 2026. Vol. 54. No. 3. Art. e70142. DOI: 10.1111/psj.70142.

15. Pierucci F. Sovereignty in the Digital Era: Rethinking Territoriality and Governance in Cyberspace // Digital Society. 2025. Vol. 4. Art. 27. DOI: 10.1007/s44206-025-00189-4.

References

1. Philpott D. Sovereignty // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Fall 2024 Edition. Revised September 17, 2024. URL: https://plato.stanford.edu/entries/sovereignty/.

2. Moroz E. F. Suverenitet gosudarstva i nacional`naya bezopasnost` v politicheskoj filosofii // Rossijskie sociogumanitarny`e issledovaniya. 2025. T. 17. № 2. S. 233–262. DOI: 10.12731/2077-1770-2025-17-2-484.

3. Arum E., Tessarolo G. M. Jean Bodin’s Demonic Constitutionalism: Sovereignty, Natural Law, and Political Theology // American Political Science Review. 2026. Vol. 120. No. 2. P. 490–503. DOI: 10.1017/S0003055425100804.

4. Odzuck E. H. The Puzzle of the Sovereign’s Smile and the Inner Complexity of Hobbes’s Theory of Authorisation // History of European Ideas. 2024. Vol. 50. No. 5. P. 717–732. DOI: 10.1080/01916599.2024.2304324.

5. Bondarev V. L., Leonov A. V. Ideya gosudarstvennogo suvereniteta v filosofii neoevrazijstva // E`konomicheskie i social`no-gumanitarny`e issledovaniya. 2026. T.

13. № 1. St. m12s04a10. DOI: 10.24151/2409-1073-2026-13-1-m12s04a10.

6. McMahon C. Rousseau's General Will and the Will of All: A Present-Day Perspective // The Journal of Ethics. 2025. Vol. 29. P. 533–549. DOI: 10.1007/s10892-025-09517-9.

7. Botticelli S., Dalmau I. G. El problema de la soberanía en el pensamiento político contemporáneo: arqueo-genealogía y deconstrucción // Universum. 2024. Vol. 39. No. 1. P. 155–174. DOI: 10.4067/S0718-23762024000100155.

8. Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. Suverenitet cifrovogo prostranstva obshhestvenno-politicheskix kommunikacij v sovremennoj Rossii i ego klyuchevy`e komponenty`: po materialam e`kspertnogo issledovaniya // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Politologiya. 2025. T. 27. № 3. S. 520–542. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-520-542.

9. Adair-Toteff C. Schmitt on Sovereignty and the State of Exception: A Commentary on Carl Schmitt's Politische Theologie. Cham: Palgrave Macmillan, 2025. 99 p. DOI: 10.1007/978-3-031-91728-8.

10. Braun M., Hummel P. Is Digital Sovereignty Normatively Desirable? // Information, Communication & Society. 2025. Vol. 28. No. 10. P. 1721–1734. DOI: 10.1080/1369118X.2024.2332624.

11. Spartak S. A. Cifrovoj suverenitet: osnovny`e koncepcii i teorii v Rossii i mire // Social`no-politicheskie nauki. 2025. T. 15. № 6. S. 184–189. DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-6-184-189.

12. Fratini S., Hine E., Novelli C., Roberts H., Floridi L. Digital Sovereignty: A Descriptive Analysis and a Critical Evaluation of Existing Models // Digital Society. 2024. Vol. 3. Art. 59. DOI: 10.1007/s44206-024-00146-7.

13. Repetto E. Concept 'Stretching' or Concept Innovation? A Review of the Usages of Sovereignty in the Digital Sovereignty Literature // Policy & Internet. 2025. Vol. 17. No. 3. Art. e70011. DOI: 10.1002/poi3.70011.

14. Chung C. H., Dietrich B. J. Corporate Quasi-Sovereignty: Big Tech and the Politics of Sovereign Authority in the Digital Age // Policy Studies Journal. 2026. Vol. 54. No.

3. Art. e70142. DOI: 10.1111/psj.70142.

15. Pierucci F. Sovereignty in the Digital Era: Rethinking Territoriality and Governance in Cyberspace // Digital Society. 2025. Vol. 4. Art. 27. DOI: 10.1007/s44206-025-00189-4.

Статья поступила в редакцию 29.07.2026; одобрена после рецензирования 08.09.2026; принята к публикации 01.10.2026.

The article was submitted 29.07.2026; approved after reviewing 08.09.2026; accepted for publication 01.10.2026.

Научная статья
УДК 141.7:316.35

СООБЩЕСТВО БЕЗ ОБЩЕЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: НАНСИ, АГАМБЕН И ЭСПОЗИТО О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ ОБЩЕГО

Хохлова Александра Петровна, кандидат философских наук, Поволжский государственный технологический университет, Россия, Йошкар-Ола, hoh.AP@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются философские основания сообщества, принадлежность к которому не предполагает обладания единой коллективной идентичностью или общей сущностью. Предметом сравнительного анализа выступают концепции Ж.-Л. Нанси, Дж. Агамбена и Р. Эспозито, разработанные в контексте критики субстанциального понимания социального единства. Цель исследования заключается в определении условий, при которых несубстанциальная трактовка сообщества приобретает политическое содержание, не ограничиваясь онтологическим объяснением человеческой совместности. Методологическую основу составляют сравнительный социально-философский анализ, историко-концептуальная реконструкция и критическое рассмотрение оснований политической принадлежности. Установлено, что Нанси связывает общее с изначальной множественностью человеческого существования, Агамбен переосмысливает принадлежность через понятие единичного бытия, не требующего общего признака, а Эспозито рассматривает сообщество через взаимные обязательства и открытость другому. Показано, что указанные подходы различаются представлениями о границах сообщества, положении исключённого участника и возможностях институционального оформления совместной жизни. Научная новизна состоит в разработке сравнительных критериев политической состоятельности несубстанциальных концепций сообщества и обосновании различия между онтологической открытостью совместного существования и нормативными

условиями политического участия. Сделан вывод, что сообщество без единой идентичности теоретически возможно, однако его политическая устойчивость предполагает признание различий, возможность пересмотра границ принадлежности и публичное определение взаимных обязательств.

Ключевые слова: политическая онтология, сообщество, коллективная идентичность, совместное бытие, политическая принадлежность, иммунитет, политическая субъектность.

Original article

COMMUNITY WITHOUT A SHARED IDENTITY: NANCY, AGAMBEN, AND ESPOSITO ON THE POLITICAL ONTOLOGY OF THE COMMON

Khokhlova Aleksandra Petrovna, Candidate of Philosophical Sciences, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia, hoh.AP@mail.ru

Abstract. The article examines the philosophical foundations of community beyond the assumption that its members must share a collective identity or a common essence. The comparative analysis focuses on the political ontologies of Jean-Luc Nancy, Giorgio Agamben, and Roberto Esposito, whose approaches challenge substantial conceptions of social unity. The study aims to establish the conditions under which a non-identitarian understanding of community acquires political significance rather than remaining an ontological account of human coexistence. Its methodology combines comparative social-philosophical analysis, historical-conceptual reconstruction, and critical examination of political belonging. Nancy's account of being singular plural is distinguished from Agamben's conception of whatever singularity and Esposito's interpretation of community through munus, mutual obligation, and exposure to others. The analysis demonstrates that these approaches differ in their treatment of communal boundaries, excluded individuals, political agency, and institutions. The original contribution consists in developing comparative criteria for assessing the political implications of non-substantial theories of

community and distinguishing the ontological openness of coexistence from the normative conditions of political participation. It is argued that community without a shared identity is conceptually possible, but its political viability depends on recognizing differences, contesting boundaries of belonging, and publicly negotiating mutual obligations.

Keywords: political ontology, community, collective identity, being-with, political belonging, immunity, political subjectivity.

Актуальность исследования сообщества без общей идентичности. Проблема оснований человеческой совместности приобретает особую значимость в условиях, когда традиционные способы определения коллективной принадлежности перестают восприниматься как достаточные. Общее происхождение, культурные традиции, территория и политические убеждения способны объединять людей, однако наличие подобных признаков не объясняет природу сообщества как формы совместного существования. Если принадлежность к сообществу зависит от наличия определённого признака, возникает вопрос о том, кто вправе устанавливать этот критерий и определять положение людей, которые ему не соответствуют.

В современной социальной и политической философии обнаруживается противоречие между пониманием сообщества как относительно устойчивого коллективного образования и признанием исходной множественности человеческого существования. Первая позиция предполагает наличие признаков, по которым сообщество воспринимается как единое целое. Вторая рассматривает общее через отношения между различающимися людьми, не сводимые к обладанию одинаковыми свойствами. Подобное расхождение затрагивает основания политической принадлежности, поскольку установление коллективной идентичности способно сопровождаться ограничением участия тех, кто не соответствует господствующему представлению о сообществе.

Политическое значение указанной проблемы раскрывается в исследовании

М. ван Асселдонка и Х. ван Хаутума, посвящённом критике националистических способов определения коллективных границ. Авторы показывают, что представление о национальном «мы» как объекте исключительного владения основывается на отождествлении исторически изменчивой принадлежности с устойчивой коллективной сущностью [2]. Между тем существование сообщества предполагает отношения с другими, которые невозможно полностью определить через уже установленные признаки идентичности.

Потребность в пересмотре субстанциального понимания общего получила последовательное философское выражение в работах Ж.-Л. Нанси, Дж. Агамбена и Р. Эспозито. Их концепции сформировались в различных интеллектуальных обстоятельствах, однако каждая из них ставит под сомнение представление о сообществе как завершённом единстве, существующем независимо от отношений между участниками. При этом сходство критической направленности не устраняет различий в объяснении совместности. Нанси обращается к единично-множественной структуре бытия, Агамбен исследует принадлежность вне обязательного общего свойства, Эспозито рассматривает сообщество посредством отношений взаимного долга и защиты.

Основное затруднение возникает при определении политических следствий этих положений. Отказ от коллективной сущности не устанавливает порядок принятия обязательных решений, распределения общественных ресурсов и разрешения конфликтов. Признание открытости совместного существования также не обеспечивает равноправного участия в деятельности конкретных институтов. Необходимо выяснить, каким образом несубстанциальная общность способна сохранять политическую определённость, не превращая собственные границы в средство безусловного исключения.

Цель исследования состоит в выявлении политических возможностей и теоретических ограничений концепций сообщества Нанси, Агамбена и Эспозито. Для её достижения рассматриваются философские основания общего,

сопоставляются способы определения принадлежности и устанавливаются условия перехода от онтологии совместного существования к политическим отношениям. Исследовательский вопрос заключается в том, способно ли сообщество сохранять устойчивые формы коллективного действия без признания единой идентичности необходимым основанием своего существования.

Обзор исследований проблемы сообщества без общей идентичности. Научные публикации свидетельствуют об устойчивом интересе к философии сообщества в связи с вопросами политической принадлежности, суверенной власти и институциональной организации. Современные интерпретации постепенно смещают внимание с общей интеллектуальной генеалогии рассматриваемых концепций на выяснение их возможностей для объяснения политического участия и отношений с исключёнными группами.

А. Р. Бёльдерль исследует связь философии Нанси с наследием Ж. Батая, рассматривая рождение, любовь и смерть как обстоятельства, в которых обнаруживается невозможность изолированного человеческого существования [1]. Подобная интерпретация раскрывает значение конечности и отношений с другим для понимания общего. Вместе с тем предельный человеческий опыт не содержит непосредственного объяснения нормативных обязательств, возникающих между участниками политического сообщества.

В исследованиях философии Агамбена значительное внимание уделяется потенциальности и пересмотру функциональных определений человеческого существования. А. С. Костомаров связывает понятие праздности с возможностью приостановки привычных способов действия [3]. Последующее обращение к негативной антропологии и бездеятельности позволяет уточнить, что агамбеновская позиция не предполагает простого отрицания деятельности, а касается возможности существования за пределами окончательно установленной социальной функции [8; 12]. Я. В. Посохова, С. Н. Борисов и В. П. Римский также рассматривают преобразование представлений о человеке в

философии Агамбена, связывая его с критикой устойчивых антропологических определений [5].

А. Джамали предлагает интерпретацию грядущего сообщества посредством агамбеновского прочтения платоновской идеи. Проблема всеобщего здесь получает разрешение, не предполагающее уничтожения индивидуальной определённости [4]. Однако в другой работе исследователь ставит под сомнение политическую результативность проекта Агамбена, поскольку философская критика существующего порядка не всегда сопровождается объяснением условий устойчивого коллективного действия [10]. Это возражение непосредственно затрагивает соотношение онтологической возможности иной формы жизни и её действительного политического осуществления.

Современная рецепция Эспозито характеризуется возрастающим интересом к институциональным основаниям совместности. Л. Серафини обращается к поздним работам философа и показывает, что политические институты могут рассматриваться не исключительно как ограничения человеческой жизни, но и как изменяемые формы организации общественных отношений [6]. В коллективной монографии под редакцией Л. Кремонези, Р. Фулько и В. Сураче исследуются связи политической онтологии Эспозито с проблемами учреждения, конфликта и коллективной ответственности [7]. Обсуждение иммунитарной логики получает продолжение в работе М. Риманна и А. Череллы, основанной на беседе с Эспозито [9].

Несмотря на содержательность указанных исследований, сохраняется необходимость сопоставить три концепции по единым политико-философским основаниям. Отрицание субстанциальной идентичности часто рассматривается как их общий итог, хотя способы обоснования принадлежности у Нанси, Агамбена и Эспозито существенно различаются. Недостаточно исследованным остаётся переход от признания множественности существования к нормативным условиям политического участия.

Методология исследования. Исследование основано на сравнительном социально-философском анализе, историко-концептуальной реконструкции и критическом рассмотрении нормативных предпосылок политической принадлежности. Объектом выступают несубстанциальные концепции сообщества, предметом — способы обоснования совместного существования и возможности его институционального оформления.

Историко-концептуальная реконструкция позволяет определить значение наследия Батая для философии Нанси, установить особенности агамбеновского понимания принадлежности и раскрыть взаимосвязь communitas и immunitas у Эспозито. Содержание ключевых понятий рассматривается в пределах соответствующих философских систем, что исключает их произвольное отождествление.

Сравнение проводится с учётом природы общего, способа определения принадлежности, положения другого, понимания политической субъектности и отношения к институтам. Особое внимание уделяется различию между онтологическим описанием совместности и нормативным обоснованием политических полномочий. Признание взаимозависимости людей, например, ещё не определяет справедливого распределения обязанностей, а отсутствие общей сущности не отменяет необходимости устанавливать правила коллективного действия.

Результаты исследования и их обсуждение. Исторические предпосылки несубстанциального понимания сообщества связаны с критикой представления о коллективном единстве как самостоятельной сущности, обладающей общей волей и историческим предназначением. Особое значение для становления данной проблематики имела философия Ж. Батая, связывавшего совместность с обнаружением пределов индивидуального существования. Человек не может полностью присвоить опыт другого, однако именно несводимость чужого существования к собственному делает возможными отношения, выходящие за пределы индивидуальной самодостаточности.

Нанси развивает эту проблематику, отказываясь объяснять возникновение сообщества исключительно через предельный опыт или утрату индивидуальных границ. В его философии совместность не представляет собой состояние, достигаемое самостоятельными индивидами после их объединения. Человеческое существование изначально связано с другими; единичность становится определённой в условиях множественности. Поэтому сообщество нельзя рассматривать ни как механическую совокупность обособленных субъектов, ни как коллективный организм, поглощающий индивидуальные различия.

Понятие être singulier pluriel, обозначающее единично-множественное бытие, выражает внутреннюю связь индивидуальности и совместности. Множественность не возникает как результат последующего взаимодействия изначально обособленных людей. Вместе с тем каждое существование сохраняет незаменимость, поскольку отношение предполагает несовпадение его участников. Полное устранение различий означало бы исчезновение самой возможности обращения одного к другому.

В указанной перспективе раскрывается смысл la communauté désœuvrée — непроизводимого сообщества. Нанси подвергает сомнению возможность представить совместное бытие завершённым произведением, в котором различия были бы окончательно преодолены. Отсюда не следует отрицание общественной деятельности или необходимости институтов. Критика относится к представлению, согласно которому результат коллективных усилий способен полностью воплотить сущность сообщества.

Общее обнаруживается в отношениях между людьми, но не принадлежит им как совместно присвоенный объект. Коллективная идентичность может возникать исторически и выполнять значимые социальные функции, однако она не предшествует совместному существованию в качестве его неизменного основания. Поэтому любое притязание на окончательное определение коллективного «мы» оказывается философски проблематичным.

Политическое значение данной позиции состоит в ограничении возможностей исключения другого посредством ссылки на единую сущность сообщества. Если различие присутствует внутри самой совместности, отсутствие определённых культурных или мировоззренческих признаков не может само по себе доказывать чуждость человека общему существованию. Однако онтологическое признание различий ещё не устанавливает конкретных условий равноправного участия.

В исследовании ван Асселдонка и ван Хаутума эта логика используется для критики представлений о национальной идентичности как объекте исключительного владения [2]. Авторы показывают, что коллективное «мы» не может быть полностью отделено от исторически изменчивых отношений с другими. Вместе с тем институциональное существование политического сообщества предполагает определённые границы, которые нельзя устранить одним утверждением об исходной множественности.

Агамбен рассматривает сообщество через проблему отнесения людей к определённым категориям. Политическая принадлежность обычно определяется посредством признаков, позволяющих отнести человека к установленной категории. Гражданство, социальное положение или членство в организации предоставляют определённые полномочия, одновременно обозначая пределы участия. Агамбен ставит под сомнение представление о том, что принадлежность обязательно должна основываться на предварительном обладании общим свойством.

В работе «Грядущее сообщество» ключевое значение приобретает понятие qualunque, используемое для обозначения «какого угодно» единичного бытия (англ. whatever being). Его нельзя отождествлять с безразличным существованием, лишённым индивидуальных характеристик. Речь идёт о единичности, обладающей определённостью, но не нуждающейся в обязательном общем признаке для установления отношений с другими. Особенности человека сохраняются, однако ни одна из них не превращается в

исключительное основание принадлежности.

Такое понимание предполагает различение единичного существования и классифицирующей категории. В обычной логической модели принадлежность устанавливается посредством соответствия определённому предикату. Агамбен рассматривает возможность сообщества, участники которого не обязаны воплощать некоторую общую сущность. В исследовании А. Джамали эта позиция объясняется посредством агамбеновского обращения к платоновской идее, позволяющего мыслить всеобщность без устранения индивидуального своеобразия [4].

Политическое значение этого подхода состоит в критике общественных порядков, в которых человека определяют исключительно через приписанный ему статус. Юридическая категория способна регулировать конкретные отношения, однако она не исчерпывает возможностей человеческого существования. Если статус превращается в окончательную характеристику личности, изменение либо утрата соответствующего признака может сопровождаться исключением из политического пространства.

С данной проблемой связано агамбеновское понимание потенциальности. Возможность существования не ограничивается осуществлением заранее установленной функции. Человек может действовать иначе, чем предписывает его социальная роль, а также не выполнять действия, которые эта роль делает обязательными. Исследования А. С. Костомарова показывают, что понятие бездеятельности у Агамбена связано не с простой пассивностью, а с приостановкой функциональной определённости существования [8; 12].

Переосмысление деятельности позволяет поставить вопрос о преобразовании социальных институтов. Если установленные функции не обладают безусловной властью над человеком, сохраняется возможность изменить способы их исполнения. Однако философское признание такой возможности не объясняет, каким образом она становится устойчивым коллективным действием.

Соответствующее затруднение составляет предмет критики А. Джамали, рассматривающего ограничения агамбеновского проекта грядущей политики [10]. Отрицание окончательной классификации не устраняет необходимости определять полномочия, принимать решения и обеспечивать их исполнение. Одного признания потенциальности недостаточно для существования политического сообщества, поскольку совместная деятельность требует устойчивых отношений между участниками.

В отличие от Нанси и Агамбена, Эспозито обращается прежде всего к отношениям обязанности, возникающим между участниками сообщества. Исходным пунктом его концепции становится переосмысление латинского communitas посредством понятия munus, связанного с даром, долгом и исполнением обязательства. Общее определяется не столько тем, чем люди обладают совместно, сколько отношениями, ограничивающими их индивидуальную самодостаточность.

При таком понимании принадлежность не предполагает обладания долей коллективной сущности. Напротив, участники сообщества оказываются связаны необходимостью учитывать существование других. Munus обозначает не собственность, которую можно свободно передавать, а связь с другими, от которой человек не может полностью освободиться.

Эспозито тем самым отказывается от идеализированного представления о сообществе как пространстве согласия. Совместность предполагает открытость воздействию других, способную сопровождаться зависимостью и ограничением индивидуальной автономии. Отношения обязанности не обязательно благоприятны для каждого участника; они могут становиться источником принуждения.

Противоречие между совместностью и необходимостью защиты раскрывается посредством понятия immunitas. Если communitas указывает на обязательство, то иммунитет предполагает определённое освобождение от него либо ограничение внешнего воздействия. Защитные механизмы необходимы для

сохранения человеческой жизни и устойчивости общественных отношений. Однако их чрезмерное расширение способно разрушать те формы совместности, ради которых они создавались.

Сообщество, воспринимающее любое отличие как угрозу, постепенно сокращает возможности взаимодействия с другими. В результате защита существующей идентичности превращается в средство ограничения общественного развития. Эспозито показывает, что сохранение общего невозможно полностью отделить от признания отношений с теми, кто не соответствует установленным признакам принадлежности.

В беседе с М. Риманном и А. Череллой философ возвращается к проблеме противоречивых последствий защитной логики, подчёркивая невозможность абсолютного устранения внешних воздействий [9]. Д. Лаптон также рассматривает иммунные отношения как процессы, предполагающие взаимную зависимость, а не исключительно индивидуальную защищённость [13]. Эти исследования позволяют уточнить, что иммунитет нельзя понимать только как противоположность сообщества: определённая защита необходима, тогда как её превращение в самостоятельную цель ограничивает совместное существование.

Политическая значимость концепции Эспозито связана с вопросом о распределении обязанностей. Если сообщество основано на munus, требуется установить, кто вправе определять содержание взаимных обязательств и каким образом учитывается положение участников. Отсутствие такого разграничения способно привести к ситуации, когда коллективный долг становится средством закрепления неравенства.

Поздние исследования Эспозито позволяют рассматривать политические институты как исторически изменяемые формы общественных отношений. Л. Серафини связывает данное направление с проблемами современного институционального устройства, включая цифровые платформы [6]. Коллективная монография под редакцией Л. Кремонези, Р. Фулько и В. Сураче также обращается к возможностям учреждения и преобразования политического

порядка [7].

Сопоставление рассмотренных подходов показывает, что их критика коллективной идентичности основана на различных философских предпосылках. Нанси исследует первоначальную множественность существования, Агамбен пересматривает принадлежность через отказ от обязательного общего предиката, Эспозито раскрывает совместность посредством отношений долга и защиты. Эти различия имеют значение для понимания границ сообщества, политической субъектности и институциональной организации.

Таблица 1 — Сравнительная характеристика концепций сообщества Ж.-Л. Нанси, Дж. Агамбена и Р. Эспозито

Критерий	Ж.-Л. Нанси	Дж. Агамбен	Р. Эспозито
Основание общего	Единично-множественное бытие	Принадлежность вне общего предиката	Взаимное обязательство (munus)
Характер совместности	Отношение различающихся существований	Соотнесённость единичностей без окончательной классификации	Отношения долга и открытости другому
Граница сообщества	Не выражает завершённую коллективную сущность	Не должна зависеть от единственного обязательного свойства	Определяется напряжением между обязанностью и защитой
Положение другого	Различие присутствует внутри самой совместности	Другой не обязан соответствовать общему признаку	Другой обнаруживает пределы иммунитарной защиты
Политическая возможность	Критика окончательного присвоения коллективного «мы»	Пересмотр установленных категорий принадлежности	Изменение институтов и распределения обязательств
Основное ограничение	Неопределённость процедур политического решения	Недостаточная разработанность устойчивого коллективного действия	Опасность превращения взаимного долга в принуждение

Источник: составлено автором по результатам сравнительного анализа [1–10; 12; 14].

Существенное различие обнаруживается при рассмотрении политической

субъектности. Нанси отвергает возможность полного отождествления сообщества с самостоятельной коллективной субстанцией. Агамбен ставит под сомнение окончательное определение участника посредством политического статуса. Эспозито переносит внимание на отношения, в которых формируются взаимные обязательства. Соответственно, ни одна из концепций не позволяет без дополнительных оснований рассматривать коллективную волю как непосредственное проявление общей сущности.

Данное обстоятельство не исключает политического представительства. Общественные организации, движения и государственные институты способны принимать решения от имени определённого множества людей. Однако их полномочия следует рассматривать как исторически установленные и ограниченные, а не как непосредственное выражение единой коллективной идентичности.

Вопрос о положении исключённого участника приобретает здесь принципиальное значение. Именно возможность оспорить установленные границы позволяет отличить политически содержательную открытость от общего философского утверждения о множественности человеческого существования.

Политическое сообщество предполагает определение круга участников коллективных решений. Правовой статус, гражданство и членство в организациях выступают необходимыми условиями деятельности многих институтов. Однако наличие подобных категорий не означает, что они должны рассматриваться как окончательные характеристики человеческого существования.

Для Нанси критика исключения основывается на невозможности представить коллективное единство завершённой сущностью. Если различия присутствуют внутри самой совместности, граница между принадлежащими и чужими не может иметь безусловного онтологического основания. Вместе с тем из данного положения не следует автоматическое предоставление одинаковых

политических полномочий.

Агамбен позволяет уточнить ограниченность классифицирующих механизмов принадлежности. Человек не исчерпывается юридическим или социальным статусом, поэтому последний не должен превращаться в окончательную меру его политической значимости. Проблема состоит не в существовании категорий, а в невозможности поставить под сомнение установленные посредством них ограничения.

В концепции Эспозито вопрос об исключении связан с отношением между защитой и обязательством. Политический порядок вправе устанавливать определённые защитные границы, однако необходимо различать предотвращение действительного вреда и стремление защитить коллективную идентичность от любых изменений. Смешение этих оснований создаёт возможность представлять исключение другого как неизбежное условие общественной безопасности.

Рассмотренные концепции можно дополнить, обратившись к политической философии Э. Балибара и Ж. Рансьера. Их подходы позволяют различить признание исходной совместности и действительное участие в политических отношениях. Вопрос заключается не только в том, принадлежит ли человек общему, но и в том, способен ли он влиять на решения, определяющие условия его существования.

В философии Рансьера особое значение имеет ситуация, когда люди, которых ранее не признавали участниками политической жизни, заявляют о своём праве высказываться по политическим вопросам. Подобное несогласие затрагивает сам порядок установления границ участия. У Балибара проблема политического равенства также предполагает рассмотрение реальных возможностей человека воздействовать на общественные отношения, а не исключительно формального признания его принадлежности.

Из этого следует, что онтологическая открытость сообщества не тождественна политическому равенству. Общество может признавать

множественность культурных и социальных различий, сохраняя при этом устойчивое неравенство полномочий. Поэтому необходимым условием политической состоятельности становится возможность публичного пересмотра границ принадлежности.

Политическое сообщество без единой идентичности не должно рассматриваться как объединение, полностью лишённое правил. Его отличие состоит в том, что установленные условия участия не получают статуса неизменной коллективной сущности. Принадлежность к сообществу может определяться институциональными правилами, если сохраняется возможность обоснованного пересмотра её границ.

Проведённое исследование обнаруживает необходимость различать онтологические основания совместности, нормативное содержание политических отношений и способы их институциональной организации. Первые объясняют, почему человеческое существование не может быть полностью изолированным. Вторые определяют основания взаимных требований и признания политического равенства. Третьи устанавливают процедуры принятия коллективных решений и распределения ответственности.

Между указанными уровнями отсутствует отношение непосредственного следования. Факт человеческой взаимозависимости не устанавливает сам по себе справедливого порядка распределения ресурсов. Аналогичным образом признание различий не гарантирует возможности участия в принятии решений. Поэтому несубстанциальные концепции сообщества нуждаются в дополнительном политико-философском обосновании.

На основании сравнительного анализа предлагается выделить условия, при которых признание открытости общего может приобретать политическое содержание. Их характеристика представлена в таблице 2.

Таблица 2 — Условия политической состоятельности сообщества без общей идентичности

Условие	Философское основание	Политическое содержание
Признание различий	Единично-множественное бытие Нанси	Участие не требует полного культурного и мировоззренческого совпадения
Пересматриваемость принадлежности	Критика общего предиката у Агамбена	Установленные условия включения сохраняют возможность изменения
Публичное несогласие	Политическая проблематика Рансьера	Участники способны оспаривать основания собственного исключения
Взаимная ответственность	Понятие munus у Эспозито	Обязанности определяются с учётом положения затронутых лиц
Изменяемость институтов	Учреждающая проблематика позднего Эспозито	Устойчивость политического порядка не исключает пересмотра правил

Источник: авторская систематизация результатов сравнительного социально-философского анализа.

Предлагаемые условия не предполагают устранения коллективных идентичностей из политической жизни. Культурные традиции, общая история и разделяемые цели способны обеспечивать устойчивость общественных отношений. Однако их существование не должно превращаться в основание безусловного исключения тех, кто не соответствует господствующему представлению о коллективном единстве.

Особое значение приобретает различение институциональной устойчивости и институциональной замкнутости. Устойчивость способствует сохранению взаимных обязательств и обеспечивает предсказуемость совместной деятельности. Замкнутость возникает, когда установленные правила нельзя пересмотреть либо когда они закрепляют исключительное положение определённой группы.

В этом отношении философия Эспозито предоставляет основания для понимания институтов как изменяемых форм общего существования. Нанси позволяет ограничить притязание политического порядка на окончательное воплощение коллективной сущности, а Агамбен напоминает о невозможности полностью определить человека через установленный статус. Совместное

рассмотрение этих позиций позволяет уточнить содержание политической открытости без отказа от необходимой организационной определённости.

Представленная схема показывает различия в философских предпосылках и трудности перехода от онтологических положений к обоснованию политических отношений. Ни одна из рассмотренных концепций самостоятельно не содержит всех необходимых оснований институциональной организации. Их сопоставление позволяет определить пределы, в которых установленный порядок может претендовать на выражение общего.

Современные цифровые сообщества предоставляют дополнительный материал для осмысления данной проблемы. Участники сетевых объединений способны взаимодействовать без общей территории, происхождения или устойчивой культурной идентичности. Однако подобная открытость не гарантирует равенства возможностей принимать коллективные решения. Правила доступа, распределение полномочий и способы исключения могут закреплять существенные различия между участниками.

К. А. Петров рассматривает формирование коллективного опыта в интернет-сообществе, объединённом совместными практиками и разделяемыми телесными переживаниями [11]. Данный пример позволяет различить возникновение чувства общности и наличие устойчивых политических отношений. Для последних требуется не только взаимодействие, но и возможность влиять на условия его организации.

Следовательно, политическая состоятельность сообщества не определяется отсутствием коллективной идентичности как таковой. Значение имеют характер установленных границ, распределение полномочий и возможность публичного изменения правил. Объединение, допускающее множество различных идентичностей, может сохранять закрытую структуру власти. Напротив, институционально устойчивое сообщество способно признавать различия, не требуя их устранения.

Несубстанциальное понимание сообщества не должно приводить к

отрицанию всякой социальной определённости. Политическое действие предполагает существование целей, правил и определённого круга участников. Поэтому философская критика направлена не против установления коллективных форм, а против придания им статуса неизменных оснований человеческой принадлежности.

Признание общего как неприсваиваемого отношения не исключает необходимости регулировать собственность, распределять ресурсы и устанавливать обязанности. Точно так же принадлежность вне обязательного общего предиката не отменяет различий между правовыми статусами. Существенно, чтобы существующие категории не превращались в окончательную меру политической значимости человека.

Отдельного внимания заслуживает проблема коллективной субъектности. Сообщество не обладает самостоятельной волей в качестве единой субстанции, однако политические организации способны выступать от имени определённого множества людей. Их субъектность возникает посредством установленных отношений представительства и сохраняет историческую изменчивость. Поэтому следует различать само коллективное действие и притязания его представителей на исключительное право выражать сущность сообщества.

Принципиальное ограничение рассмотренных концепций состоит в том, что онтологическая открытость не гарантирует политической справедливости. Общество может признавать различия, продолжая воспроизводить неравенство доступа к ресурсам и принятию решений. Поэтому признание другого приобретает политическое содержание лишь тогда, когда сопровождается возможностью участия в определении условий совместного существования.

На основании проведённого исследования можно заключить, что сообщество без единой идентичности представляет собой не объединение, лишённое исторической и институциональной определённости, а форму отношений, в которой ни одна коллективная характеристика не признаётся окончательным основанием принадлежности. Политическая устойчивость такой

общности зависит от способности сохранять обязательные правила, не устраняя возможность их публичного пересмотра.

Выводы. Сравнительный анализ философских концепций Ж.-Л. Нанси, Дж. Агамбена и Р. Эспозито показал, что существование сообщества не обязательно предполагает наличие единой коллективной сущности. Общие культурные, исторические и политические характеристики способны объединять людей, однако не исчерпывают оснований совместного существования. Их превращение в неизменные признаки принадлежности создаёт условия для исключения тех, кто не соответствует установленному образцу коллективного единства.

Философия Нанси раскрывает исходную множественность человеческого существования и ограничивает возможность рассматривать сообщество как завершённое произведение. Агамбен ставит под сомнение необходимость определять принадлежность через обязательный общий признак и подчёркивает, что социальный статус не исчерпывает характеристик человека. Эспозито раскрывает совместность через отношения взаимного долга и выявляет противоречие между необходимостью иммунитарной защиты и опасностью чрезмерного обособления.

Установлено, что эти концепции различаются не только пониманием общего, но и представлениями о возможностях политического действия. Онтология Нанси позволяет критически оценивать притязания на исключительное представительство коллективного «мы». Агамбен выявляет ограниченность классифицирующих механизмов принадлежности. Подход Эспозито предоставляет основания для рассмотрения взаимных обязательств и институционального преобразования совместной жизни. Вместе с тем ни одна из концепций не содержит готового нормативного порядка политического участия.

Научная новизна исследования заключается в разграничении онтологической открытости сообщества и условий его политической состоятельности. Обосновано, что отсутствие общей субстанциальной

идентичности само по себе не гарантирует равноправного участия и справедливого распределения полномочий. Политическое содержание несубстанциальной общности предполагает признание различий, возможность пересмотра границ принадлежности, публичное оспаривание исключения и установление взаимных обязательств с участием затронутых лиц.

Основной вывод состоит в том, что сообщество без общей идентичности возможно как исторически изменяемая форма совместного существования, в которой институциональная определённость не предполагает окончательного закрепления коллективной сущности. Его устойчивость обеспечивается не устранением различий, а существованием правил, позволяющих участникам сохранять отношения и изменять условия коллективного действия при продолжающихся разногласиях. Дальнейшее исследование данной проблемы связано с философским обоснованием политического представительства, гражданского участия и публичной ответственности в неоднородных обществах.

Список литературы

1. Boelderl A. R. At the Boundaries of Birth, Love, and Death: Jean-Luc Nancy’s Batailleanism with Reserve – from Restricted to General Natology // Journal for Cultural Research. 2025. Vol. 29. No. 1–2. P. 107–120. DOI: 10.1080/14797585.2024.2406399.

2. Van Asseldonk M., van Houtum H. We Have Never Owned ‘Us’: A Philosophical Critique of Nationalist B/Ordering and Othering Ideologies // Environment and Planning C: Politics and Space. 2025. Vol. 43. No. 6. P. 1197–1213. DOI: 10.1177/23996544251319637.

3. Костомаров А. С. Праздность как экзистенциальное эпохе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 1 (78). С. 166–176. DOI: 10.54398/1818510X_2024_1_166.

4. Jamali A. Agamben and Platonic Communism: An Interpretation of The Coming Community // Theory, Culture & Society. 2025. Vol. 42. No. 4. P. 61–79. DOI: 10.1177/02632764251317496.

5. Посохова Я. В., Борисов С. Н., Римский В. П. Трансформация образов человека в философии Джорджо Агамбена // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2026. Т. 51. № 1. С. 168–173. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-168-173.

6. Serafini L. From Institutions to the Platform Society: An Interdisciplinary Reading of Recent Works by Roberto Esposito // Theory, Culture & Society. 2024. Vol. 41. No. 7–8. P. 239–252. DOI: 10.1177/02632764241280149.

7. Political Ontology, Community, and Institutions: Roberto Esposito in Dialogue with Contemporary Thinkers / Ed. by L. Cremonesi, R. Fulco, V. Surace. Albany: State University of New York Press, 2025. 244 p.

8. Костомаров А. С. Проект негативной антропологии в философии Дж. Агамбена // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 2 (83). С. 178–187. DOI: 10.54398/1818-510X.2025.83.2.018.

9. Riemann M., Cerella A., Esposito R. On the Medicalisation of Global Politics: A Conversation with Roberto Esposito // Cambridge Review of International Affairs. 2025. DOI: 10.1080/09557571.2025.2564262.

10. Jamali A. Why Agamben Cannot Save Us: A Political Critique of Giorgio Agamben’s “Coming Politics” // Rethinking Marxism. 2024. Vol. 36. No. 1. P. 82–103. DOI: 10.1080/08935696.2024.2282397.

11. Петров К. А. Сообщество, связанное в общее тело, и тела, созданные одним аффектом // Логос. 2025. Т. 35. № 5 (168). URL: https://www.logosjournal.ru/articles/4245/.

12. Костомаров А. С. Перспективы бездеятельности: понятие праздности в онтологии Дж. Агамбена // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2026. Т. 10. № 1. С. 112–138. DOI: 10.17323/2587-8719-2026-1-112-138.

13. Lupton D. Immunities in the COVID Age: A Sociomaterial and More-than-Human Perspective // Social Theory & Health. 2025. Vol. 23. Article 10. DOI: 10.1057/s41285-025-00224-x.

14. Jamali A. Re-appropriating Freedom: Agamben’s Form-of-Life as a Response to Foucault’s Biopower // Sophia. 2025. Vol. 64. No. 1. P. 37–59. DOI: 10.1007/s11841-

024-01015-z.

References

1. Boelderl A. R. At the Boundaries of Birth, Love, and Death: Jean-Luc Nancy's Batailleanism with Reserve – from Restricted to General Natology // Journal for Cultural Research. 2025. Vol. 29. No. 1–2. P. 107–120. DOI: 10.1080/14797585.2024.2406399.

2. Van Asseldonk M., van Houtum H. We Have Never Owned 'Us': A Philosophical Critique of Nationalist B/Ordering and Othering Ideologies // Environment and Planning C: Politics and Space. 2025. Vol. 43. No. 6. P. 1197–1213. DOI: 10.1177/23996544251319637.

3. Kostomarov A. S. Prazdnost` kak e`kzistencial`noe e`poxe // Kaspijskij region: politika, e`konomika, kul`tura. 2024. № 1 (78). S. 166–176. DOI: 10.54398/1818510X_2024_1_166.

4. Jamali A. Agamben and Platonic Communism: An Interpretation of The Coming Community // Theory, Culture & Society. 2025. Vol. 42. No. 4. P. 61–79. DOI: 10.1177/02632764251317496.

5. Posoxova Ya. V., Borisov S. N., Rimskij V. P. Transformaciya obrazov cheloveka v filosofii Dzhordzho Agambena // NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2026. T. 51. № 1. S. 168–173. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-168-173.

6. Serafini L. From Institutions to the Platform Society: An Interdisciplinary Reading of Recent Works by Roberto Esposito // Theory, Culture & Society. 2024. Vol. 41. No. 7–8. P. 239–252. DOI: 10.1177/02632764241280149.

7. Political Ontology, Community, and Institutions: Roberto Esposito in Dialogue with Contemporary Thinkers / Ed. by L. Cremonesi, R. Fulco, V. Surace. Albany: State University of New York Press, 2025. 244 p.

8. Kostomarov A. S. Proekt negativnoj antropologii v filosofii Dzh. Agambena // Kaspijskij region: politika, e`konomika, kul`tura. 2025. № 2 (83). S. 178–187. DOI: 10.54398/1818-510X.2025.83.2.018.

9. Riemann M., Cerella A., Esposito R. On the Medicalisation of Global Politics: A

Conversation with Roberto Esposito // Cambridge Review of International Affairs. 2025. DOI: 10.1080/09557571.2025.2564262.

10. Jamali A. Why Agamben Cannot Save Us: A Political Critique of Giorgio Agamben's "Coming Politics" // Rethinking Marxism. 2024. Vol. 36. No. 1. P. 82–103. DOI: 10.1080/08935696.2024.2282397.

11. Petrov K. A. Soobshhestvo, svyazannoe v obshhee telo, i tela, sozdanny`e odnim affektom // Logos. 2025. T. 35. № 5 (168). URL: https://www.logosjournal.ru/articles/4245/.

12. Kostomarov A. S. Perspektivy` bezdeyatel`nosti: ponyatie prazdnosti v ontologii Dzh. Agambena // Filosofiya. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2026. T. 10. № 1. S. 112–138. DOI: 10.17323/2587-8719-2026-1-112-138.

13. Lupton D. Immunities in the COVID Age: A Sociomaterial and More-than-Human Perspective // Social Theory & Health. 2025. Vol. 23. Article 10. DOI: 10.1057/s41285-025-00224-x.

14. Jamali A. Re-appropriating Freedom: Agamben's Form-of-Life as a Response to Foucault's Biopower // Sophia. 2025. Vol. 64. No. 1. P. 37–59. DOI: 10.1007/s11841-024-01015-z.

Статья поступила в редакцию 19.03.2026; одобрена после рецензирования 30.04.2026; принята к публикации 01.10.2026.

The article was submitted 19.03.2026; approved after reviewing 30.04.2026; accepted for publication 01.10.2026.

CONTENTS

5.7.2. History of Philosophy 9

Tsepenshchikov V. A. EVOLUTION OF THE CONCEPT OF EIDOS IN PLATO'S MIDDLE DIALOGUES 9

Shamin S. A. THE PROBLEM OF INDIVIDUATION IN LATE SCHOLASTICISM: THOMAS AQUINAS AND DUNS SCOTUS 27

Syusyukin V. A. MAIN DIRECTIONS OF RECEPTION OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY IN CHINA IN THE XXI CENTURY AND TRANSFORMATION OF INTERPRETATIVE MODELS 42

5.7.7. Social and political philosophy 59

Sharovara K. A. THE BOUNDARIES OF JUSTICE AS HONESTY: PROPERTY RIGHTS, THE INSTITUTION OF THE FAMILY, AND REAL OPPORTUNITIES IN A CRITIQUE OF JOHN RAWLS ' THEORY 59

Nasibulina A. S. CONSENSUS AND CONFLICT AS FOUNDATIONS OF DEMOCRATIC LEGITIMACY: DELIBERATIVE AND AGONISTIC MODELS OF DEMOCRACY 85

Kocharsky L. S. IS UNIVERSALISM OF HUMAN RIGHTS POSSIBLE WITHOUT A SINGLE METAPHYSICAL BASIS? MODERN STRATEGIES FOR PHILOSOPHICAL JUSTIFICATION 112

Sabitova A. R. TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF SOVEREIGNTY: FROM SUPREME TERRITORIAL POWER TO DISTRIBUTED FORMS OF POLITICAL POWER 134

Khokhlova A. P. COMMUNITY WITHOUT A COMMON IDENTITY: NANCY, AGAMBIN AND ESPOSITO ON THE POLITICAL ONTOLOGY OF THE GENERAL 157